ИБН БАТТУТА(ЖЗЛ-364)

Игорь Тимофеев

SHOUT
SHARE
IT

-
- ДОРОГАМИ ПИЛИГРИМОВ
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- НА КРАЮ НАСЕЛЕННОГО МИРА
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИБН БАТТУТЫ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ВОСТОЧНЫХ РЕАЛИЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ
Выпуск 3 (634)
Игорь Тимофеев
ИБН БАТТУТА
«Молодая гвардия»
МОСКВА 1983

Рецензенты:
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории литературы
стран Азии и Африки ИСАА при МГУ,
В.И. Семенов;
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой
литературы имени А.М. Горького А.Б. Кудепин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГАМИ ПИЛИГРИМОВ

Ты, что ищешь у мудрого пищу уму,
Помни: знанье - огонь, разгоняющий тьму,
Знанье - корень, по каплям набравший воды,
Чтоб листва зеленела и зрели плоды,
Абу-ль-Дтахия

Глава первая

Утром семнадцатого дня месяца раджаб года семьсот третьего мусульманского счисления, что соответствует 25 февраля 1304 года по нынешнему календарю, в доме благочестивого танжерского шейха Абдаллаха ал-Лавати родился мальчик. Как положено, младенца завернули в чистую белую простынку и отнесли на мужскую половину. Там предстоятель квартальной мечети пронзительным фальцетом пропел в его правое ушко: «Аллах велик». Это должно было означать приглашение новорожденного к молитве. Именно так, если верить преданию, поступил по рождении своего внука Хасана сам пророк Мухаммед.

По традиции торжества назначили на седьмой день. С утра женская половина дома наполнилась веселым разноголосьем подружек, приехавших поздравить счастливую мать с удачным разрешением от бремени. К вечеру ожидались музыканты, и, чтобы приучить малыша к грохоту бубнов, молоденькая служанка села у его колыбели, постукивая пестом в пустую медную ступу. Если он пускался в рев, его клали на принесенное с кухни решето и легонько потряхивали. Испуганно тараща глазенки, он тут же умолкал.

В изголовье мальчика еще с ночи поставили на золототканой салфетке высокую узкогорлую бутыль, рядом рассыпали горсть соли вперемешку с семенами чернухи.

- Грязная соль в глаза завистникам! - объяснила повитуха, разбрасывая ее щепотками по углам комнаты.

Женщины понимающе отводили глаза, вздыхали, бормотали молитвы.

Тем временем мужская половина тоже жила ожиданием торжеств. После полуденной молитвы шейх Абдаллах вышел во двор, поклонами отвечая на приветствия соседей, негромко

отдавал распоряжения прислуге. На кухне разводили огонь, точили ножи; привязанные к дереву, тоскливо блеяли жертвенные бараны.

На улице с утра толпились нищие, и богобоязненный шейх время от времени запускал руку в глубокий карман своего шерстяного бурнуса, нащупывая монеты. Они со звоном падали на брусчатку, подпрыгивая и обгоняя друг друга, катились в разные стороны. Нищие кидались за ними, протягивая из лохмотьев загорелые жилистые руки, но, получив свое, не уходили - ждали угощений.

Вечером к дому Абдаллаха ал-Лавати съехалось полгорода. Самых знатных и уважаемых усаживали в просторном айване * на шелковых подушках по правую руку от хозяина; гости попроще размещались на коврах, расстеленных во дворе.

Главным событием праздника было объявление имени мальчика. Дело непростое - приходилось учитывать и пожелание пророка, предписывающего воздерживаться от языческих и некоторых мусульманских имен, и расположение звезд, что мог знать только опытный астролог. Все это, видимо, было принято в расчет, и под рукоплескания охмелевших от бараньего жира гостей шейх Абдаллах огласил свое решение.

Новорожденного назвали Мухаммедом.

Под этим именем ему суждено было прожить долгую, богатую событиями жизнь, объездить все мыслимые и немыслимые страны и моря, познать почет и унижения, богатство и бедность, многократно подвергаться опасностям и всякий раз счастливо ускользать от беды.

Когда на склоне лет, опаленный ветрами странствий, он вернется к родному очагу, его встретят и почет, и уважение, и слава. В окружении близких и родных проведет он свои последние годы, и день его смерти будет отмечен на страницах мусульманских исторических хроник.

Несколько веков спустя Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи, более известный под именем Ибн Баттута, будет признан одним из величайших путешественников всех времен и народов.

* * *

К сожалению, нам почти ничего не известно о детских годах Ибн Баттуты. Средневековые летописи и воспоминания современников обходят этот период полным молчанием. Единственный достоверный источник - удивительная книга самого Ибн Баттуты «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». Но и в ней, за исключением даты рождения и нескольких косвенных замечаний, о детстве и

отрочестве автора не содержится никаких сведений.

Недостаток, а вернее, полное отсутствие биографических сведений окупается обилием имеющихся в нашем распоряжении исторических фактов, позволяющих восстановить картину тех далеких времен и с достаточной степенью достоверности обрисовать те события в жизни юного Ибн Баттуты, которые не могли миновать его хотя бы в силу тех традиционных предписаний мусульманского общества, которые были одинаково обязательны для всех.

Нам ничего не остается, как пойти именно этим путем и рассказать читателю о том, что известно наверняка, избегая попыток заполнить воображением досадные лакуны в сегодняшних представлениях о средневековье.

Не вызывает сомнений, что будущий путешественник родился в Танжере, небольшом портовом городке, раскинувшемся на берегу Атлантического океана, в северозападном углу Африканского континента. Справа от порта, укрывшегося в удобной глубоководной бухте, открывается вид на Гибралтарский пролив с нависшей над зеркалом воды громадой горы Джебель Тарик, по левую руку тянется до самого горизонта извилистый, окаймленный желтыми дюнами атлантический берег с его многочисленными отмелями, из-за которых полного штиля здесь не бывает ни летом, ни зимой.

Танжер - древний город. Еще за несколько столетий до нашей эры на его месте возникла знаменитая колония финикийских и карфагенских купцов - Тингис, которая быстро превратилась в оживленный пункт транзитной торговли стран Средиземноморья с государствами бассейна реки Нигер, в глубине Западной Африки.

Удобное расположение Тингиса и превосходная гавань, в которой одновременно стояли у причалов десятки кораблей, всегда манили завоевателей. Финикийцев сменили римляне, римлян - вандалы, пришедшие на североафриканский берег с равнин Западной Европы. В VI веке город-порт оказался в руках византийских василевсов, еще через сто лет им овладели хлынувшие с Пиренейского полуострова вестготы.

В самом начале VIII века стража, наблюдавшая за окрестностями с крепостных стен, заметила приближение вооруженных отрядов, под ударами которых, судя по достигавшим Танжера тревожным слухам, один за другим сдавались византийские гарнизоны вдоль всего Североафриканского побережья. Над головами разгоряченных всадников развевались ярко-зеленые знамена. Это были арабы, последние завоеватели, которые пришли сюда навсегда.

К началу XIV века в городе уже полно мечетей. По пять раз на дню звучат с них гортанные страстные призывы к молитве. Извилистые, узкие, кое-где защищенные от знойного солнца полотняными навесами улочки с рядами лавок или с белыми глухими, без окон, стенами образуют мусульманские кварталы - медины. Здесь, отгородившись от всех остальных, живут правоверные. Те, кто пришел сюда из бескрайних аравийских пустынь, и местные неофиты, старающиеся перещеголять друг друга в неистовом поклонении аллаху и его посланнику на земле.

Рядом с городской мечетью киссарии - рынки привозных товаров, где с самого утра кипит бойкая торговля заморскими тканями, пряностями, духами, оружием, дорогими поделками, доставленными из диковинных стран.

Далее рынки ремесленников. Рынок по-арабски называется «сук». У каждого сука свой особый товар, свои запахи и звуки. Рынок парфюмеров - сук аль-аттарин наполнен тяжелым ароматом розового масла, резким запахом мускуса, нежным дыханием жасмина и резеды. Торговцы вежливы и терпеливы, как-никак основной покупатель - женщины, и тут уж без обходительности и красноречия барыша не видать. Квартал столяров узнаешь по запаху стружки и клея, визгу пил, постукиванию молотков, у кузнецов смрадно и жарро, грохот такой, что больно в ушах.

Чем незамысловатей товар, тем больше крика и спора вокруг цены. Ряды кустарей, предлагающих домашние туфли, сумки, бурнусы и широкополые халаты - джил-лабы, сменяются кварталами кожевников, москательщиков, ткачей. За ними дымные харчевни: шипение масла в глубоких медных тазах, едкий дух пригоревшего сала.

С утра до позднего вечера бродит по рынку пестрая, разноголосая, разноязыкая толпа. Приглядывается, ощупывает товар, недоверчиво цокает языком, машет рукой, возвращается, яростно, до хрипоты торгуется за каждый фельс.

В уличной перебранке все равны: степенные, одетые в платье из тонкой белой шерсти доктора богословия - улемы, суровые судьи - кади в черных плащах и высоких шапках-калансувах поверх головных повязок, ниспадающих на плечо, ремесленники в коротких куртках и широких штанах, женщины, скрывающие уродство или красоту под белыми покрывалами, солдаты, разносчики воды, сводники, погонщики верблюдов и ослов.

В жилых кварталах спокойствие и тишина. Влево и вправо от узкой мощеной улицы разбегаются пыльные извилистые проулки и тупики. Плосковерхие дома без окон, и лишь кое-где увидишь низкие, украшенные резным орнаментом двери с медными

молотками. За ними чистота и прохлада невидимых комнат, политые водой внутренние дворики.

Ближе к порту, где острый запах морской соли смешивается с тепльш паром верблюжьего помета, разместились фондуки - постоялые дворы. В них живут торговые люди, съехавшиеся со всего света. Шныряют в разноязыкой толпе предприимчивые маклеры, перекупщики, менялы, авантюристы и пройдохи всех мастей. Соплеменники и единоверцы держатся вместе. Венецианцы, генуэзцы, франки, левантийцы - каждое племя в своем фондуке и к чужому ни за какие деньги не пойдет. Днем на портовой площади сутолока и кутерьма. Тяжело ступая по прогибающимся мостикам, привычно переругиваются мускулистые чернокожие носильщики. Сбросив пухлые тюки прямо посреди пути, долго торгуются, пересчитывают на белых ладошках истертые медяки. Тут же заключаются сделки, и прибывший с попутным ветром товар утром следующего дня уже покачивается на верблюжьих боках на пути в южные города.

С наступлением сумерек площадь пустеет. Погонщики загоняют в двустворчатые ворота неповоротливых верблюдов, тащат, не скупясь на проклятия и угрозы, упирающихся ослов. Когда на покачивающихся у причала галерах вывешивают тусклые масляные лампы, в порту уже тихо, и лишь изредка перекликаются для храбрости босоногие стражники, да струится из-за стен фондуков неторопливая иноязычная речь…

Отдельно, на отшибе раскинулся еврейский квартал. Здесь живут замкнуто, дружно, подчиняясь длиннобородым раввинам, назначаемым местными властями. Иудеи обязаны носить черные тюрбаны, при входе в мусульманский квартал снимать обувь. Мусульмане сюда не ходят, разве что ближе к ночи юркнут, оглядываясь по сторонам, бесшабашные гуляки из тех, кто вопреки запрещению Корана не прочь повеселиться за стаканом вина. Не в диковинку встретить здесь и задумавшего большое дело купца, и промотавшегося чиновника. Тут не оставят в беде, ссудят деньгами, пожелают прибыли и удачи. А вернутся деньги из оборота - неси назад долг, который за это время возрос, набух процентами. Жаль скаредному мусульманину отдавать лишнее, горячится он, бранится, грозится, а поделать ничего не может - таков уговор.

Ни купцу, танжерскому или пришлому, ни хозяину каравана, ни последнему бродячему прощелыге этого квартала не миновать. Тянутся сюда торговые ниточки со всего света, дернут здесь, а где-нибудь в Генуе или Севилье будут знать, что почем и с чего нынче на танжерском рынке накипает барыш.

По праздникам танжерские мальчишки бегают на базар, что

вытянулся под навесами в поле за зубчатой городской стеной. Сюда съезжаются со всей округи феллахи, везут каждый свое. Особенно людно и весело проходит маулид - день рождения пророка или кого-нибудь из местных святых. Вдоль моря на слегка всхолмленной равнине выстраиваются белоснежные палатки, над дорогой столбы пыли, взметаемой тысячами копыт. На лужайке у ветхого, латаного и перелатаного шатра столпотворение зевак, восторженные возгласы, хохот. Подыгрывая себе на рибабе, седобородые рапсоды часами рассказывают о подвигах славного Антара из племени Аба, о бесстрашном рыцаре ислама Садах ад-дине, побившем под Тивериа-дами нечестивых франкских рыцарей с крестообразными нашивками на спинах широкополых плащей.

Рядом шпагоглотатели, пожиратели огня, фокусники, бойкие прорицатели-астрологи, гадальщики на песке, дрессировщики козлов и собак, обезьянщики, акробаты. Яростно взмахивая короткими крыльями, кружат друг против друга на потеху публике взъерошенные петухи; разбежавшись, сшибаются рогами, роют копытцами землю обрызганные кровью боевые бараны.

А за меховой полстью, занавешивающей вход в шатер, и вовсе чудо. Заплатишь монетку, и приподнимается полог, и появятся на экране из вощеной бумаги колышущиеся тени, среди которых всякий без труда различит и веселого прощелыгу Джуху, и незадачливого солдата-магрибинца, и сварливую сводню из тех, кто на каждой улице ходит с сурьмой и благовониями по домам, выискивая богатых невест.

На экране теневого театра неисправимый глупец шейх Афляк.

- От осла у него уши, - кричит кукловод, - от козла борода, от быка рога, от верблюда жир! Он понимает не то, что мы говорим, пишет не то, что понимает, а читает не то, что написано…

Толпа беззлобно хохочет. В палатке жарко, пот струится между лопатками, но никому не хочется уходить.

У ящика с песком и астролябии веселый прорицатель Хиляль аль-Мунаджим.

- По велению аллаха, - объявляет он тонким голосом, - в этот год засверкают молнии и прольются дожди. Счастье тому, кто хранит золото и серебро! Горе тому, у кого все состояние умещается в кулаке! Радуйся, чье имя начинается на «каф»! Берегись, чье имя начинается на «син» и на «кяф»!

Толпа заинтригована. Протиснувшись сквозь кольцо зевак, в круг выходит чернявый долговязый купец из Сеуты в синем джиллабе, подпоясанном широким кушаком. Ему не терпится узнать свою судьбу - ведь имя его начинается на «син», а в мешке у него золотые поделки.

Прорицатель склоняется над астролябией, покачивает головой, бормочет что-то и наконец объявляет свое заключение:

- Ты средоточие всех несчастий, ибо не способен держать язык за зубами. Зато не проронишь и слова, получив тысячу затрещин…

Взрыв хохота. Обескураженный торговец, почесывая шею, словно и впрямь получил оплеуху, покидает круг. На его место протискивается другой.

- В этом году аллах повелит облакам столкнуться, волнам морей сшибиться, ветрам дуть, земным тварям ползать. Наверное, изменятся цены, и некоторые торговцы получат прибыток…

Толпа настораживается, затаив дыхание ждет. И снова смех, й вновь люди видят перед собой не степенного астролога, а лукавое, улыбающееся лицо рыночного мошенника, неудачника и прощелыги, который вышел на праздничную площадь, надеясь, что ему повезет, и куда больше рассчитывал на природный юмор и острый язык, чем на благоприятное расположение звезд…

Кого только не увидишь на ярмарке! Вот торговец амулетами. На расстеленной мешковине лежат завернутые в кусочки красной кожи талисманы. На них шафраном или ляпис-лазурью начертаны чудодейственные слова заклинаний, оберегающие от дурного глаза, козней шайтана и власти злых джиннов… А рядом вовсю торгует заезжий фармацевт.

- Одно зернышко моего лекарства, - обещает он, - превращает ненависть в любовь, малая толика его стоит жемчуга. Подходи, кого покинула возлюбленная, на кого гневается султан или покушается шайтан!

А вокруг, как разбуженный муравейник, гудит ярмарка. Собравшиеся в кружок дервиши шевелят онемевшими губами, повторяют имя аллаха. Их глаза полуприкрыты воспаленными веками, на обветренных шеях вздулись синие жилы…

Шумно и весело в Танжере в сезон праздников.

Но и в будни у мальчишек хватает забот. Чем не развлечение глядеть, как у гостиного двора собирается в далекий путь торговый караван! В такие дни мальчишки прибегают к караван-сараю задолго до рассвета.

Приглашая правоверных к молитве, высоко и пронзительно поет невидимый в темноте муэдзин.

- Аллах велик! - Множимые эхом, летят слова азана над плоскими крышами и садами, дремлющими в белых хлопьях предрассветного тумана. Хрустит под босыми ногами набухший ночною влагою песок, от моря тянет сыростью и запахом соли. В лавках по обеим сторонам улицы хлопают двери, загораются яркие светляки масляных ламп. На влажных ступеньках мечети,

позевывая и кутаясь в лохмотья, поднимаются, недовольно таращат глаза нищие.

Во дворе караван-сарая давно уже суета. Громко кричат погонщики-бедуины, постукивают по верблюжьим коленям гибкими прутиками, и животные, нехотя подгибая передние ноги, опускаются потертыми брюхами на песок, напрягаются под тяжестью перехваченных шелковыми веревками вьюков, пузатых кувшинов в соломенных оплетках, кожаных мехов с водой.

Первым из ворот постоялого двора показывается крытый парчовой накидкой верблюд караванвожатого, за ним, позвякивая нашейными бубенцами, выходят связанные по семь верховые и тягловые верблюды, следом вырываются на площадь, гарцуют, кося головы набок, стройные ухоженные скакуны конвоя. Паломники идут пешком, раскланиваются направо и налево, отвечают на приветствия.

Вот они скрываются в горловине мощеного, сползающего вниз, к морю, проулка, а мальчишки глядят как зачарованные в сторону крепостной стены, где в прорезях зубчатки угадывается чуть розовеющий горизонт…

* * *

С того времени, как мальчик начинает помнить себя, главным человеком в его жизни становится отец. Еще раньше, когда, подражая голосам взрослых, малыш учится складывать слова, отец добивается, чтобы первой произнесенной им фразой была формула единобожия, символ веры: «Нет бога, кроме аллаха…» Понимание смысла этих слов придет потом, гораздо позднее той неоспоримой истины, что до поры до времени в мире нет иного бога, кроме отца.

По утрам мальчик проходит на мужскую половину, целует отцову руку и, положив свою худенькую правую ручонку на левую, прижатую к груди, застывает в почтительной позе, ждет его указаний или разрешения удалиться.

Пройдет еще немало лет, прежде чем отец разрешит ему сидеть в своем присутствии, но никогда не осмелится сын перебить отца в разговоре или повысить голос.

Отец учит сына всему, что должен знать правоверный. В шестилетнем возрасте сын уже понимает, что еду берут с общего блюда только правой рукой, едят не торопясь и не тянутся к лакомству через головы сотрапезников, довольствуясь тем, что лежит рядом. Еще через год мальчик получает в подарок маленький молитвенный коврик и наравне со взрослыми пять раз в день совершает ракаты, моля всевышнего о ниспослании благодати и прощении грехов.

«Приказывай ребенку молиться с семи лет, а с десяти бей за

пренебрежение к молитве», - предписывает мусульманская традиция.

Постепенно в жизнь мальчика входит Коран, тяжелая, перетянутая золотыми застежками книга, что покоится на пюпитре из сандалового дерева в комнате отца. И вот наступает день, когда отец отводит сына в мечеть и вверяет его попечительству шейха.

Медленно, мучительно медленно тянутся эти утренние часы, когда, дрожа от холода и украдкой позевывая, тянут мальчишки тонкими голосами вслед за учителем диковинные малопонятные слова.

Изучение Корана начинают с конца: там суры покороче и усваиваются быстрей, постепенно переходят к середине, и вот уже каждый из маленьких учеников способен читать на память огромные куски, зачастую не понимая до конца их смысла. Зубрежка шлифует память, развивает терпение, учит повиноваться.

Для малышей учитель при мечети - непререкаемый авторитет, но в обществе его положение вызывает сострадание и жалость. Учитель беден и перебивается главным образом подношениями родителей своих питомцев. Круг его знаний ограничен Кораном, и слова «глуп, как школьный учитель» с удовольствием произносят за его спиной и пузатый лавочник, и погонщик ослов.

Никогда не потускнеет в памяти веселое и радостное событие, когда мальчика в нарядном платье и с высоким тюрбаном на голове сажают на коня и возят по улицам квартала. За конем, которого под уздцы гордо ведет счастливый отец, семенят, путаясь в длиннополых одеждах, многочисленные родственницы - бабушки, тетушки, сестры. В этот день отец и сын получают много подарков. Мальчик - глиняные игрушки, свистульки, самострел. Отцу городские торговцы несут мешки с рисом, сахарные головы, масло и мед. Каждый считает долгом угодить достопочтенному судье Абдаллаху ал-Лавати, который много лет подряд ежедневно разбирает споры тяжущихся, вынося решения в соответствии с предписаниями шариата.

Тщеславный кадий в мечтах видит сына городским судьей. Но для этого мало знать наизусть Коран и в совершенстве владеть искусством каллиграфии. Годы напряженной учебы в медресе, лекции признанных знатоков богословия и права, горячие диспуты по спорным вопросам тафсира, бессонные ночи над рукописями мудрейших - вот как добиваются самые упорные почетного права облачиться в черное платье судьи и небрежно выпустить край тайласана из-под высокого колпака.

Арабская грамматика, риторика, стихосложение, логика, основы экзегетики и права - таков далеко не полный перечень предметов, которые преподаются в медресе.

Занятия начинаются с молитвы. Отложив в сторону чернильницы, студенты опускаются на потертые циновки, замирают, преклонив головы перед тем, кто милостив и всемогущ. Учитель один, а студентов много, и, чтобы до каждого дошла суть произносимого им монолога, сидящий на возвышении помощник учителя громко повторяет слушателям его слова. В помещении почтительная тишина, слышно лишь дыхание учеников и легкое поскрипывание тростниковых ручек-каламов, выводящих на пергаментных свитках изящные лигатуры арабского письма.

Так проходят годы. Кадий Абдаллах не нарадуется успехам сына, его серьезности и благонравию. И вот наконец наступает день, когда, вернувшись из медресе, Мухаммед с гордостью вынимает из кожаного футляра драгоценный свиток. Это иджаза - письменное свидетельство, удостоверяющее, что ученик постиг все ведомое наставнику и поэтому наделяется правом иметь учеников и проповедовать идеи учителя. Отныне сын в учености сравнялся с отцом, и, несмотря на его неполные двадцать лет, знакомые и соседи почтительно кланяются ему на улице. Для окружающих он уже не безусый юнец, бегущий на лекцию с песочницей за кушаком и чернильцей в рукаве, а досточтимый шейх Мухаммед, мудростью и благочестием не уступающий старому судье…

* * *

Для того чтобы был ясен ход последующих событий, а именно с них и начнется самое главное в нашем повествовании, нам придется совершить небольшой экскурс в историю. Начав разговор с замечания о берберском происхождении Ибн Баттуты, перенесемся с читателем в те далекие времена, когда на северном побережье Африки впервые появились воинственные эмиссары ислама.

Предки Ибн Баттуты происходили из берберского племени лавата - об этом свидетельствует так называемая «иисба», составная часть арабского имени, указывающая на место рождения или племенную принадлежность его носителя. В полном имени Ибн Баттуты содержатся две такие нисбы. Одна из них - «ат-танджи» - означает «тан-жерец», другая - «ал-лавати» - бербер из племени лавата.

Коренные жители Северной Африки берберы - древнейший народ, с которым были знакомы уже финикийцы в конце второго тысячелетия до нашей эры. По поводу его происхождения и

поныне не существует полной ясности, ибо время не сохранило ни архитектурных памятников, ни произведений искусства, ни летописных сводов, по которым можно было бы восстановить жизнь народа в ранний исторический период. Известно только, что сами берберы называли себя «имазиген» - свободные люди, а имя, под которым они вошли в современный мир, дали им древние римляне, имевшие обыкновение любых иноземцев именовать варварами.

В самом начале VIII века арабский полководец Муса ибн Нусейр вышел к берегу Атлантического океана и, захватив Танжер, занялся приобщением североафриканских берберов к исламу. Отношение местного населения к пришельцам с востока с самого начала было двойственным. Берберские воины сражались на стороне арабов против византийского господства и, переходя в новую веру, отправлялись с ними на завоевание вестготской Испании. Мусульманская армия, смерчем пронесшаяся по Пиренейскому полуострову, но при вторжении во Францию остановленная Шарлем Мартелем в сражении при Пуатье в 732 году, состояла главным образом из берберских воинов, известных в Европе под именем мавров.

Осевшие в завоеванной Испании мавры совместно с арабизированным вестготским населением - мосарабами в 756 году основали независимое от багдадских халифов государство - Кордовский эмират, который стал мощным очагом арабо-испанской культуры.

Однако, солидаризуясь с арабскими завоевателями в освобождении от византийского владычества, берберы оказывали упорное сопротивление жестокой административной и налоговой политике новых хозяев. Борьба берберов против притеснений арабских чиновников, их высокомерия и надменности приняла форму религиозного движения в защиту еретической мусульманской секты харид-житов, которых преследовали официальные власти.

Как бы там ни было, ислам проникал в берберскую среду значительно быстрее, чем арабский язык, который и через два столетия после завоевания Северной Африки арабами имел хождение лишь среди придворных, высших чиновников и ученых-богословов в некоторых наиболее крупных городах. В деревнях и мелких провинциальных центрах население исправно посещало мечети и ревностно соблюдало мусульманские традиции, но говорить предпочитало на местных берберских наречиях.

К середине XIII века на авансцену политической и культурной жизни Северной Африки выходит образовавшееся на территории Марокко могущественное государство Меринидов.

Меринидские султаны были выходцами из берберского племени Бану Марин, мирно кочевавшего со своими стадами на обширных пространствах Восточного Марокко, между Фигфигом и реками Зу и Мулуя. Еще в первой четверти XII века вряд ли кто-нибудь мог предположить, что в скором времени эти грубые и невежественные скотоводы станут во главе одной из наиболее блистательных Магрибинских династий.

Воспользовавшись военными неудачами тогдашних правителей Марокко - Альмохадов и, в частности, сокрушительным поражением, нанесенным им в 1212 году в битве при Лас Навас де Толоса объединенными силами христианских государств, кочевники Бану Марин устремились на северо-запад, захватывая плодородные земли Телля, на которые они прежде никогда не осмеливались посягать.

Поначалу борьба шла с переменным успехом. В 1244 году альмохадский халиф ас-Сайд наголову разбил войска кочевников у стен Феса, заставив их в беспорядке отступить на юг, к Сахаре. Но уже четыре года спустя Мериниды под предводительством своего племенного вождя Абу Яхьи вновь вторглись в пределы альмохадского государства и, одержав ряд побед, 20 августа 1248 года заняли Фес. С этой даты начинается династическая история Меринидов, которые правили в Марокко до второй половины XV века.

Блеск и могущество Меринидского государства основывались на огромных богатствах, накопленных благодаря хорошо отлаженной внешней торговле. Традиционными торговыми партнерами Марокко с незапамятных времен были Испания, итальянские торговые порты, страны Леванта, Западный Судан.

Из Испании в Марокко доставляли лес, некоторые сельскохозяйственные продукты, холст. Венецианские, пизанские, генуэзские купцы привозили металлические изделия, скобяные товары, сукна, разнообразные ткани. На итальянских торговых кораблях, курсировавших вдоль Североафриканского побережья, из Египта и Сирии доставлялись хлопок, шелк, ароматические эссенции, пряности. Нескончаемым потоком шли из оазисов Сахары и Судана караваны, груженные слоновой костью, рабами, золотом и серебром.

Традиционными предметами марокканского экспорта были кожи и шкуры животных, шерсть, воск, ковры. Значительное место в транзитной торговле занимала перепродажа чернокожих рабов, доставлявшихся из Судана и пользовавшихся особым спросом на европейских невольничьих рынках.

Главными центрами прибыльной торговли с Европой были такие порты, как Мелилья, Танжер и речной порт Феса - Бадис,

куда нередко заходили венецианские торговые корабли. На особом положении находилась Сеута, где вся торговля была сосредоточена в руках генуэзских купцов.

Четко налаженная таможенная служба, взимавшая десятипроцентные пошлины с ввозимых в страну товаров, обеспечивала постоянное обогащение государственной казны. Расширение внутреннего рынка способствовало расцвету местных ремесел, интенсивному росту городов.

В первой четверти XIV века марокканское государство Меринидов приближалось к апогею своего могущества и славы.

Глава вторая

«Я отправился в одиночестве, без товарища, дружба которого развлекала бы меня в пути, без каравана, к которому мог бы присоединиться, меня побуждала решимость, и сильное стремление души, и страстное желание увидеть благородные святыни. Я твердо решил расстаться с друзьями - мужчинами и женщинами, покинуть родину, как птицы покидают свое гнездо. Родители мои были еще тогда в узах жизни, и я, так же как и они, перенес много скорби, покинув их…»

Так начинает Ибн Баттута свою книгу «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

Несколько дневных переходов с ночевками в постоялых дворах Тетуана, Бадиса, Мелильи, и вот уже тянутся по обеим сторонам дороги предместья абдельвадидской столицы Тлемсена. Город настолько красив, что один арабский писатель назвал его «невестой на брачном ложе». Уютно расположенный на склоне горы Тлемсен утопает в изумрудной зелени фруктовых садов. Горный воздух свеж и прозрачен, как родниковая вода. Белокаменные особняки местной знати отделаны добротно, со вкусом, с тем утонченным вниманием к каждой линии и детали, в котором без труда угадывается андалузское влияние. Посреди касбы недостроенная мечеть, во дворе неглубокий, выложенный зеленою плиткою бассейн без воды. Зрелище унылое, и султан Абу Ташфин, проезжая мимо мечети, всякий раз вздыхает, жалуется на неотложные дела. А их и впрямь невпроворот. Молодой султан энергичен, образован, честолюбив, ученые беседы и плотские развлечения ставит превыше всего, но это бы не помеха, если бы не беспрерывная, отнимающая много сил и времени кровавая распря с восточным соседом - хафсидским султаном Ифрикии Абу Бекром.

Правда, и в усобице случаются передышки. Не раньше как вчера Абу Ташфин принимал, стараясь удивить пышностью дворцового церемониала, хафсидских послов - благочестивого кадия из Туниса Абу Абдаллаха Нафарзави и известного своей ученостью шейха Абу Абдаллаха аль-Кирши из Зубейда.

На посланников изысканность приема особого впечатления не произвела, и, видимо, главным образом из-за болезни Нафарзави. Почтенный тунисский кадий мучился одышкой, говорил медленно, вяло, то и дело проводя шелковым платочком по высокому, покрытому бронзовым загаром лбу.

Наутро послы тронулись в обратный путь. Провожая взглядами процессию, вытянувшуюся длинной лентой на дороге

от касбы, горожане строили догадки о целях посольства и причинах столь поспешного отъезда высоких гостей.

- Я бы советовал тебе, сын мой, нагнать их в пути, - настаивал шейх маленькой завии, в которой Ибн Баттута остановился на ночлег. - На дорогах опасно, бедуины грабят ночью и днем, а с послами все-таки будет надежней…

Путешествие да еще в одиночку по караванным путям Североафриканского побережья действительно было сопряжено с огромной опасностью. Для кочевавших поблизости бедуинских племен ограбление караванов было не только излюбленным занятием, но и основным источником дохода. Временами, не довольствуясь и этой добычей, разрозненные группы кочевых грабителей объединялись и налетали на прибрежные деревни и даже на небольшие города. Жители вынуждены были откупаться или идти за помощью к местному эмиру. Впрочем, самой надежной защитой от посягательств бедуинов служили лишь мощные крепостные стены или внушительный конвой, к тому же вооруженный луками и арбалетами, которых бедуины боялись как огня.

Обо всем этом Ибн Баттута слышал от заезжих купцов еще в Танжере, а поэтому счел за благо прислушаться к доброму совету и немедленно выступил в путь в надежде догнать посольство на одном из ближайших перегонов.

Из-за болезни Нафарзави посольство задержалось на десять дней в небольшом алжирском городке Мальяна. Старого кадия Ибн Баттута застал в плачевном состоянии. Невыносимый зной, обычный для этих мест в такое время года, усугублял страдания больного, который слабым голосом давал последние наставления своему сыну Абу Тайибу и, судя по всему, готовился предстать перед аллахом. Так оно и случилось, и сразу же после похорон, попрощавшись со своими новыми друзьями, Ибн Баттута двинулся в путь с тунисскими купцами, направлявшимися в Алжир.

Алжир - по-арабски «аль-джазаир» - означает «острова». Так берберский военачальник Бологгин определил несколько мелких островков-скал, торчащих из воды недалеко от порта. Новое название закрепилось за городом, а впоследствии и за всей страной. Это случилось в 935 году, а до этого город назывался Икосиум. В пуническую эпоху здесь, как и в Танжере, находилась процветающая финикийская торговая колония. После падения Карфагена древние римляне превратили город в укрепленную крепость, которая, впрочем, не спасла их от ударов берберов Нумидийского царства. Далее Икосиум пережил события, схожие с теми, что выпали на долю большинства североафриканских

городов. Римлян сменили вандалы, вандалов - византийцы, пока наконец в 647 году сюда не пришли арабы.

В Алжире караван пробыл несколько дней. Здесь Ибн Баттуту догнал шейх Зубейди и сын покойного судьи. Посоветовавшись, спутники решили идти до Бужи или Бона вместе с караваном, а там отделиться от него и продолжать путь втроем, так как на дороге из Бона в Тунис, по слухам, в последнее время кочевники совершили несколько особенно дерзких нападений на торговых людей.

Начались горы. Дорога сузилась, пошла петлять. Позвякивая бубенцами, караван медленно втягивался в глубокое ущелье, пробирался вдоль скалистых каньонов, словно змея в груде камней. Ближе к морю ущелье стало расширяться, на дне его возникла неширокая речная пойма, и дорога постепенно пошла на спуск, и вскоре открылся перед глазами переливающийся солнечными бликами голубой овал Беджайского залива с красноватой глыбой мыса Карбон, связанного с берегом длинным узким перешейком.

Врезающиеся в прибрежную равнину горы Джебель-Гурайя покрыты густым лесом. Склоны одеты зеленью платанов, лавров, олеандров, магнолий, ближе к Бужи стройные алеппские сосны и средиземноморские кедры вытесняются рощами пробкового дуба с его рыхлой желтой корой…

В Бужи Ибн Баттуту неожиданно свалил приступ лихорадки. Шейх Зубейди трогательно заботился о нем, каждые полчаса менял примочки, поил из своих рук безвкусной теплой водой, которую здесь собирают в период дождей в цистернах, сохранившихся еще с римских времен.

- Если аллах судил мне умереть, - повторял Ибн Баттута по нескольку раз в день, - пусть смерть настигнет меня в пути с лицом, обращенным к святым местам.

Шейх Зубейди, похоже, не разделял тяги своего юного друга к религиозному подвижничеству. Не сомневаясь в том, что умереть по дороге в Мекку куда достойней, чем почить в бозе на грязной циновке постоялого двора, он тем не менее каждый день откладывал выход, ссылаясь на тысячу важных обстоятельств.

- Дорога кишит разбойниками, - рассуждал он вслух, размешивая в глиняной пиале очередное, известное только ему снадобье. - До Константины, ну, на худой конец, до Бона мы можем идти с караваном. А потом до Туниса самый опасный перегон. Поверь мне, сынок, я-то уж исходил эти тропы вдоль и поперек. Стало быть, остается только одно…

Он делал паузу, попробовав на вкус изготовленное им снадобье, продолжал:

- Тебе, сын мой, не к лицу держаться за верблюжью уздечку, как эти нечестивые торгаши, которые никогда не заглядывали в Коран, ибо так и не научились отличать букву «алеф» от кукурузного стебля… Продай верблюда и все, что навешал на его бока, а я одолжу тебе славного ослика и палатку, и мы выступим налегке, не привлекая внимания кровожадных арабов.

«И среди зол есть выбор», - думал Ибн Ваттута, завязывая в край ветхого, подаренного ему отцом ихрама золотые динары, вырученные от продажи своего нехитрого скарба. Он чувствовал, что болезнь еще не прошла, но, отирая холодную испарину с осунувшегося, пожелтевшего лица, улыбался, делал вид, что тяготы предстоящего пути ему нипочем.

В дороге Ибн Баттуте стало совсем нехорошо. Его бросало то в жар, то в холод, во рту пересохло, покрасневшие веки налились свинцом. Не желая огорчать своих спутников, и в особенности добросердечного Зубейди, еще в Бужи предвидевшего такой исход, юноша стянул с головы тюрбан и, размотав его, привязал им себя к седлу. Так в полузабытьи провел он несколько дней, пока перед самым Тунисом в ходе болезни не наметился перелом.

В город въезжали через южные ворота - Баб Язира. Здесь остановились и послали одного из стражников во дворец с вестью о прибытии. Через полчаса из ворот касбы показалась группа всадников. Теплую и торжественную встречу омрачило лишь известие о смерти кадия Нафарзави. За приветствиями и расспросами никто из встречавших не обратил внимания на Ибн Баттуту. Юноша стоял в стороне, теребя в руках край отвязанного от седла мятого тюрбанного полотна. На глазах у него блестели слезы. Вряд ли он рассчитывал на объятия и поцелуи незнакомых ему людей, но, привыкший к заботливой опеке шейха Зубейди, чем-то напоминавшего ему отца, он, пожалуй, впервые остро почувствовал свое одиночество.

Смятение Ибн Баттуты не укрылось от внимания находившегося среди встречающих почтенного старца в зеленом тюрбане хаджи.

- Рад приветствовать тебя в нашем городе, сын мой, - сказал он, ласково щуря умные проницательные глаза. - Я надеюсь, путешествие не очень утомило тебя?

Старый хаджи посоветовал Ибн Баттуте остановиться в знаменитом тунисском медресе аль-Кутубийин и обещал представить его самым знаменитым улемам и признанным авторитетам в области мусульманского права, которыми столь славилась по всему Магрибу хафсидская столица.

А в двадцатых годах XIV века Тунису действительно было чем гордиться.

С 1318 года на хафсидском престоле сидел молодой энергичный халиф Абу Бекр Абу Яхья. Еще в юные годы он был назначен своим старшим братом, халифом Абуль Бака, наместником Константины, но спустя некоторое время в лучших традициях той эпохи провозгласил себя независимым эмиром. Тем временем в Тунисе произошел государственный переворот, в результате которого Абуль Бака был низложен, а на его место сел один из влиятельных хафсидских вельмож - Ибн аль-Лисьяни. Занятый расширением своих владений на западе, Абу Бекр установил дружественные отношения с узурпатором и, казалось, не помышлял о своих правах на престол. Показное миролюбие было всего лишь ловким политическим маневром. Достаточно окрепнув, Абу Бекр двинул свои войска к владениям самозваного халифа и за три года отвоевал у него весь Северный и Центральный Тунис. Ибн аль-Лисьяви бежал из страны, оставив армию на попечение своего сына Абу Дарба, который, отступая под натиском превосходящих сил молодого халифа, был заперт в приморском укрепленном городе Махдия.

Первые годы правления Абу Бекра отмечены непрерывными вылазками мятежников. Опираясь на поддержку могущественного бедуинского племени сулейм, они долгое время не оставляли надежд восстановить утраченное положение. Немало хлопот доставила Абу Бекру и неизменная враждебность абдельвадидских правителей Тлемсена. Обеспокоенные усилением своего восточного соседа, абдельвадиды не только поощряли любые смуты и беспорядки на территории Туниса, но и сами при любой возможности вторгались в его пределы.

Несмотря на постоянные войны и углубляющуюся феодальную раздробленность, Тунис в первой половине XIV века все еще был одним из самых процветающих торговых городов Североафриканского побережья. Ежедневно десятки кораблей, груженных зерном, финиками, оливковым маслом, коврами, кораллами, оружием, шерстью и кожами, покидали тунисский порт, направляясь к берегам Италии и других средиземноморских стран. Одновременно под разгрузкой стояли генуэзские, пизанские, венецианские и арагонские торговые суда. Тесные склады юродской таможни были битком набиты всевозможными товарами - винными бочками, клетками с ловчими птицами, высокохудожественными изделиями из дерева, металла и стекла, благовониями, пряностями, лекарственными травами, пенькой, льном, хлопком, дорогими тканями. Как и правители Марокко, десятипроцентную пошлину, взимаемую с ввозимых в страну товаров, хафсиды предписывали отчислять в халифскую казну. Золотые динары и серебряные дирхемы местной чеканки можно

было встретить на рынках Европы, Леванта и даже далекой Индии.

В восточной части города, недалеко от построенного на берегу озера арсенала, находились многочисленные фондуки христианских купцов. Здесь торговые люди хранили свой товар, здесь же находили убежище в случае мятежей и погромов. Интересы европейцев в Тунисе защищали консулы, аккредитованные при халифском дворе. Два флорентийских купца - Аччайуоли и Перуцци - имели в Тунисе постоянные торговые представительства и, ссужая халифу значительные суммы денег, пользовались огромным политическим влиянием при дворе. Постоянному расширению торговых операций способствовало морское страхование и наличие специальных договоров, защищавших личность и имущество иностранцев.

Торговля чаще всего велась в кредит, но случалось, что расплачивались и звонкой монетой. В помещениях таможни устраивались шумные аукционы с помощью наемных драгоманов, которые умело вели торговый спектакль на нескольких языках. Иногда выгодные сделки заключались между частными лицами за пределами таможни, но в этих случаях власти не несли никаких моральных обязательств, а недобросовестностью грешили как христианские, так и мусульманские купцы.

Опасаясь нападения пиратов, перед выходом в море купцы нанимали мощный конвой. Это зачастую приводило к кровопролитным морским баталиям, разыгрывавшимся в виду берега на глазах у бессильных что-либо сделать властей. Особенно дерзко действовала шайка корсаров под предводительством католического авантюриста Романа Мунтанера, основавшего своеобразную пиратскую республику на острове Джерба, недалеко от берегов Туниса.

Остров Джерба был отвоеван мусульманами в 1335 году, но это, по-видимому, не привело к существенному сокращению морского разбоя, вписавшего в историю средневекового Средиземноморья немало драматических страниц.

Далеко за пределами Туниса шла слава о его знаменитых рынках. В их прохладном полумраке ни днем ни ночью не замирала оживленная торговая жизнь. Перекрытые кирпичными сводами, эти рынки напоминали пещеру сорока разбойников из сказок «1001 ночи»: сюда стекались богатства со всех концов обитаемого мира.

На манер большинства мусульманских городов Тунис состоял из укрепленной крепости - касбы, мусульманского подворья - медины, где находились мечети и медресе, а также изолированных друг от друга кварталов, где проживали

иностранцы.

Иностранцев, большей частью европейского происхождения, в городе было много. Несколько сот каталонцев составляли личную гвардию халифа, доверявшегося их корыстолюбию больше, чем доброй воле своих единоверцев. Их верность халиф щедро оплачивал звонкой монетой. Намеренно препятствуя их сближению с городскими жителями, он разрешал им открыто молиться в христианских церквах. Кроме них, в Тунисе всегда хватало ренегатов из числа принявших мусульманство бывших рабов, христианских пленников, отбитых в морских сражениях у пиратов, католических клириков, обслуживающих приходы христианских общин, францисканских и доминиканских миссионеров, которые в XIV веке бродили по дорогам всего мира.

Медресе аль-Кутубийин, где остановился Ибн Батту-та, стоит в самом центре медины, рядом со знаменитой Большой мечетью - Джами аз-Зейтуна. Медина обнесена мощной крепостной стеной, с западной стороны к ней примыкает городская цитадель - касба, сооруженная еще в эпоху альмохадов и значительно реконструированная хафсидскими халифами. Здесь же, в медине представляющей собой сеть узеньких улочек, змеящихся, как ручейки, среди беспорядочно прилепленных друг к другу плосковерхих мусульманских построек, находятся торговые ряды, лавки ремесленников, цирюльников, приземистые купола общественных бань. В эти знойные дни в городе необычно тихо. У лавок с полуопущенными навесами роятся мухи, отгоняя их, подрагивают плешивыми ушами привязанные к дверным кольцам невозмутимые ослики. На улицах ни одного прохожего, лишь изредка мелькнет, пугливо прижимаясь к стене, закутанная в черное покрывало женская фигурка или прогромыхает, вздымая клубы пыли, деревянная повозка с арбузами или дынями, накрытыми дерюгой, обильно смоченной в воде.

Идут последние дни месяца рамадана. В этот месяц мусульмане постятся: от восхода солнца до захода воздерживаются от еды и питья. Ближе к вечеру город несколько оживляется, наполняется резкими запахами готовящейся пищи, возбужденными голосами правоверных, ожидающих сигнала к разговению. Но сигнал этот будет дан, лишь когда белая нитка станет неотличимой от черной в сгущающейся темноте, а до этого прикоснуться к еде или к женщине - значит взять на свою душу тяжкий грех.

В Тунисе Ибн Баттута проводит дни веселого праздника, которым по традиции завершается месяц великого поста. Самое яркое событие праздника - торжественный выезд халифа на молитву в Джами аз-Зейтуна.

Исключительная помпезность и изощренность церемониала призвана подчеркнуть незыблемое могущество хафсидского трона. Под приветственные крики толпы, с утра ожидающей у ворот царской резиденции Каср Та-бья, молодой халиф выезжает верхом на белом коне. Грохот барабанов и звон литавр сливаются с ликующим тысячеголосым криком приветствий и славословий. За султаном, волоча по земле полы белоснежных бурнусов, горделиво шагает его многочисленная свита - придворные, знатные вельможи, высокопоставленные шейхи. Шелестят, развеваясь на ветру, разноцветные языки знамен из вышитого шелка, и выше всех покачивается на тонком древке белый халифский штандарт, символ могущества и власти.

Вооруженная охрана из христиан-наемников стройными рядами топает вслед за придворными, глотая поднимающуюся из-под их ног пыль. Надменно задрав вверх щетинистые подбородки, колонну замыкает регулярное войско - джунд, пестрый сброд неустрашимых головорезов из турок, андалузцев, арабов, персов, переметнувшихся в мусульманство христиан…

В Тунисе Ибн Баттута окончательно оправляется от болезни, понемногу приходит в себя после утомительных караванных переходов и неуютных ночевок в грязных постоялых дворах. Покровительство шейха Зубейди открывает ему доступ в высшие круги, и здесь молодой магрибинец сразу же завоевывает всеобщее признание своими обширными познаниями в области мусульманского богословия и права. Особенно льстит самолюбию юного танжерца то, что даже самые признанные религиозные авторитеты, привыкшие нести свои головы, словно они сделаны из хрусталя, теперь церемонно раскланиваются с ним, называя его шейхом.

Долгие летние вечера Ибн Баттута проводит в домах известных богословов, где после обильных, а порою попросту неумеренных угощений принято читать Коран, спорить, давая собственное истолкование тому или иному спорному месту. Нередко дебаты затягиваются до утра, и лишь с первыми лучами солнца покидает Ибн Баттута гостеприимных хозяев, со счастливой улыбкой шагая в направлении медресе Кутубийин по пустынным, еще хранящим ночную прохладу улочкам медины.

Признание, пришедшее без всяких скидок на его юный возраст, опьяняет его, и в мечтах он видит себя почтенным шейхом, сидящим у одной из колонн мечети в окружении почтительных учеников.

Необъятность и многообразие мусульманского мира, раскинувшегося на огромных пространствах от Атлантического океана до загадочной страны Катай, волнует воображение Ибн

Баттуты. Долго ворочаясь на кошме в тесной келье спящего медресе, он мысленно беседует со знаменитыми улемами Иерусалима и Багдада, достойнейшими из достойных, познавшими мудрость аллаха, на которой, как на гранитной скале, держится вселенная…

К началу осени весь город говорит о предстоящем выходе каравана в Хиджаз. Шейхом каравана халиф назначает благочестивого паломника из Суса, судьею - Ибн Баттуту. Для безопасности каравану выделяется отряд из ста всадников, вооруженных мечами и луками.

В начале ноября караван трогается в путь. Дорога идет вдоль моря, время летит быстро, без особых событий, в однообразном чередовании дневных переходов и ночных привалов, иногда прямо под открытым небом у костров, разложенных проводниками на обочине караванной тропы.

Никогда не забудет Ибн Баттута эти славные ночи!

В воздухе свежо и безветренно. Шевелятся, обугливаются в языках пламени кирпичики из высушенного верблюжьего помета, стреляют, выбрасывая вверх огненные брызги, витые стебли верблюжьей колючки. Красные отсветы колышущегося пламени выхватывают из темноты спокойные строгие лица собеседников, рассказывающих удивительные вещи о странах и городах, в которых им довелось побывать. Где-то рядом журчит теплая средиземноморская волна, слышится гортанный переклик ночной стражи…

* * *

«Добродетельная жена лучше, чем весь мир и все, что он вмещает», - сказал однажды пророк, очевидно, имея в виду свою Хадиджу, которой он был обязан очень многим из того, что произошло в его удивительной жизни. Впрочем, еще задолго до его проповедей почитаемый всеми арабами легендарный мудрец Лукман достаточно определенно высказался на этот счет. «Добродетельная жена, - утверждал он, - как корона на голове царя, а нечестивая - как тяжелая ноша на спине старца».

Итак, речь пойдет о прекрасном поле, к которому наш путешественник питал особую слабость, заставившую его посвятить подругам своей беспокойной кочевой жизни несколько самых возвышенных и трогательных страниц книги воспоминаний.

Мы говорим о подругах жизни во множественном числе, ибо известно, что ислам допускает полигамию. Свободный член мусульманской общины наделен правом иметь одновременно четырех законных жен. Кроме того, ему позволяется содержать сколько угодно рабынь-наложниц.

Однако установленные Кораном рамки не являлись преградой для сластолюбцев, всю жизнь искавших любовных утех. При исключительной легкости расторжения брака мужчина мог иметь практически бесконечное число жен, ибо, разводясь с одной из них, он тут же брал себе новую, никогда не выходя за пределы предписанного ему максимума. История знает много таких примеров.

Строгое затворничество женщин и их содержание за стенами гаремов, равно как и многоженство, также не было изобретено исламом. У бедуинов Аравии женщина пользовалась достаточной свободой и не скрывала своего лица за чадрой. Обычай ревниво оберегать своих жен от посторонних глаз, превращая их в пожизненных пленниц, был заимствован арабами у персов, задолго до возникновения ислама разделявших свои дома на мужскую и запретную женскую половину, охраняемую рабами-евнухами.

Коран, определяющий число положенных мужчине жен, содержит и другие предписания, регламентирующие внутрисемейные отношения, вопросы наследования, развод.

«Мужья стоят над женами», - утверждает Коран, законодательно закрепляя неравенство женщины, характерное, впрочем, не только для ислама, но и для многих других религий. Пренебрежительное отношение к женщине проистекает в данном случае не только из того обстоятельства, что жена находится на содержании у своего мужа, или, как говорит Коран, «они (мужья) из своего имущества расходуют на тех (жен)», но также из убеждения, что обязанность заботиться о семье мешает правоверным исполнять свой религиозный долг.

Но вернемся к нашему герою. Что же случилось в его жизни во время остановки каравана в древнем городе-крепости Сфакс?

А случилось то, что рано или поздно должно было произойти: молодой магрибинец задумал жениться.

Напрасно было бы искать за этим решением романтическую историю в духе Тристана и Изольды, ибо хорошо известно, что в традиционном мусульманском обществе браки чаще всего заключались не по любви, а по условиям заранее составленного контракта, к тому же заочно: до самой свадебной церемонии жених и невеста, как правило, не имели представления ни о внешности, ни о достоинствах или недостатках друг друга.

В своей книге Ибн Баттута посвящает этому событию лишь одну строку. «В Сфаксе, - пишет он, - я заключил брачный контракт с дочерью одного из тунисских синдиков. Ее привезли ко мне в Триполи». И больше ни слова.

О причинах, побудивших Ибн Баттуту решиться на такой шаг,

мы, таким образом, ничего не знаем. А поэтому, верные своему принципу, не будем восполнять неизвестное домыслами и догадками, ограничиваясь тем, что имеет подтверждение в источниках и сомнению не подлежит.

Считается, что из всех месяцев мусульманского лунного календаря лучшим для женитьбы является жеваль, а худшим - мухаррем. Ибн Баттута затеял женитьбу в мухарреме. Очевидно, оттого, что торопился.

Брачный контракт у мусульман чаще всего устный, реже записывается на бумаге, и это делается специально приглашенным судьей - кадием. Церемония заключения контракта довольно проста. Невесту, как правило, представляет отец или кто-нибудь из близких родственников. Со стороны мужа требуется присутствие жениха или его представителя, а также двух свидетелей и кадия. Участники церемонии хором читают первую суру Корана - фатиху, и жених передает отцу невесты выкуп, сумма которого заранее оговорена. Обычный акт купли-продажи завершается рядом формальностей, без которых он не имеет законной силы. Жених и представитель невесты садятся на землю, и каждый из них с силой давит оттопыренным большим пальцем на большой палец другого. Кадий набрасывает на их соединенные руки платок и торопливо читает проповедь. После этого они повторяют вслед за ним текст брачного договора.

- Я отдаю свою дочь, являющуюся девственницей, за сумму… - тянет отец, подтверждая, что вполне доволен тем числом динаров, которые весело позвякивают в кармане его халата.

- Я беру ее у тебя, - подпевает жених, и это означает, что сделка состоялась и пересмотрена быть не может. Счастливый жених обнимает тестя и сообщает ему дату свадебного пира, который по традиции происходит через 8-10 дней после заключения контракта…

Первый брак Ибн Баттуты оказался на удивление недолговечным. Уже по пути в Триполи, куда паломники двигались по осенней распутице, окоченевшие от ледяного ветра и проливных дождей, Ибн Баттута в пух и прах рассорился со своим тестем и сгоряча бросил в лицо молодой жене те два слова, которых достаточно для расторжения брака.

«Ты свободна», - повторил он три раза, давая понять, что решение его бесповоротно.

Троекратный повтор этой незамысловатой формулы исчерпывает всю процедуру развода у мусульман. Отвергнутой жене не остается ничего иного, кроме как выждать три месячных цикла, чтобы убедиться в отсутствии беременности, и уйти, получив от мужа то, что полагается ей по шариату.

Между тем, избавившись от первой жены, Ибн Бат-тута уже подумывает о следующем браке.

«Я женился на дочери одного из фесских паломников, - сообщает он. - Когда ее доставили ко мне в Каср аз-Заафия, я закатил пирушку для каравана, которая продолжалась целый день…»

…После короткой остановки караван вновь двинулся по оживленному торговому тракту. Впереди был Египет.

Глава третья

Перелистывая книгу «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий», сразу же подмечаешь одну любопытную особенность зрения Ибн Баттуты. Где бы он ни был и что бы ни описывал, взгляд его выхватывает из многообразия окружающего мира в первую очередь то, что прямо или косвенно связано с исламом. Крупным планом всегда даются мечети, медресе, дервишские обители, слова и деяния мусульманских государей, благочестивых затворников, ученых мужей. Все, что не имеет отношения к исламу или враждебно ему, либо вовсе остается за пределами кругозора нашего автора, либо рисуется с нескрываемой неприязнью и пренебрежением, реже с ироничной снисходительностью взрослого, наблюдающего за играми неразумных детей.

Секрет такого видения мира объясняется не индивидуальными особенностями воспитания или образования. Таким - разделенным на своих и чужих, верующих и неверных, праведников и грешников - представлялся мир средневековому человеку, ограниченному шорами религиозных представлений, усвоенных с самого детства и в зрелом возрасте возведенных в абсолют.

Критерий оценки явлений окружающего мира, событий, людей - вероисповедный. Все свое нравственно, логично, целесообразно, красиво; чужое отвратительно, безнравственно, лишено здравого смысла. Лишь собственная вера истинна, чужая же ложна, вредоносна, порочна.

Подобный взгляд был вообще свойствен людям средневековья.

«По Мухаммедову закону, - писал о ненавистных ему сарацинах венецианец Марко Поло, - все, что ворується и грабится у людей не их веры, хорошо и за грех не почитается… а поэтому, если бы не удерживали их и не воспрещали им те, кто ими управляет, много зла наделали бы эти люди. А вот этот закон исполняют все сарацины: когда кто при смерти, приходит к нему священник и спрашивает его, верит ли он, что Мухаммед истинный посланник господа: если умирающий ответит, что верит, то спасется; оттого, что спасение так легко и свершить всякие злодеяния дозволяется, обратили очень многих татар в свою веру, по которой ни один грех не воспрещен».

Сегодня такие рассуждения вызывают улыбку, но для средневекового христианина, православного или католика, мусульмане - это поганые бесермены, агаряне, нехристи. Весь же

христианский мир в глазах мусульманина - нечестивцы, гяуры, неверные, погрязшие в заблуждениях, невежестве и разврате.

По мусульманскому вероучению земля разделена на три части: «дар ас-салам» - область мира, населенная правоверными, «дар аль-харб» - область войны, где живут иноверцы, не признающие аллаха и его пророка, и, наконец, «дар ас-сульх» - область перемирия: немусульманские страны, находящиеся в вассальной зависимости от мусульман.

С нечестивцами правоверным надлежит вести беспощадную священную войну - джихад, дабы огнем и мечом обратить их в истинную веру. Участие в джихаде - святой долг любого правоверного; смерть в этой войне почетна и дает полное освобождение от земных грехов.

Не всегда «священная война» велась с одинаковой страстью и накалом. Фанатизм и непримиримость порой уступали место сосуществованию и терпимости, но за оттепелями неизменно начиналась новая полоса вражды и кровопролития. В XIII-XIV веках страсти были накалены. На Востоке еще не улеглось эхо жестоких крестовых походов, на Западе, в Испании, грозной лавиной катилась с севера, срывая мавров с насиженных мест, неумолимая кровавая волна христианской Реконкисты.

Ибн Баттута был мусульманином, религия составляла краеугольный камень его мировоззрения, кругозора, отношения к событиям и людям. Он был сыном своей эпохи, отделенной от нас шестью веками эволюции и прогресса, и мы не должны смотреть на него свысока и тем более мерить его критериями сегодняшнего дня.

«Мы ничего не поймем в средневековой культуре, - пишет советский историк-медиевист А.Я. Гуревич, - если ограничимся соображением, что в ту эпоху царили невежество и мракобесие, поскольку все верили в бога, ведь без этой «гипотезы», являвшейся для средневекового человека вовсе не гипотезой, а постулатом, настоятельнейшей потребностью всего его видения мира и нравственного сознания, он был неспособен объяснить мир и ориентироваться в нем. Ошибочное с нашей точки зрения не было ошибочным для людей средневековья, это была высшая истина, вокруг которой группировались все их представления и идеи, с которой были соотнесены все их культурные и общественные ценности…»

…Тунисский караван паломников прибыл в Александрию в начале месяца джумада уля мусульманского лунного календаря.

Ибн Баттута перечисляет врата Александрии, восхищается гаванью, подробно описывает знаменитый маяк Фарос, упоминаемый как одно из чудес света во всех арабских

географических трудах. Не ускользают от его внимания и античные достопримечательности, но на них он долго не задерживается, ограничиваясь замечанием, что не знает, когда и кем они были воздвигнуты.

Главное событие его кратковременного пребывания в Александрии - встреча с ученым шейхом по имени Халифа, с которым Ибн Баттута, судя по всему, поделился своими путевыми впечатлениями.

- Я вижу, ты любишь путешествовать, - сказал Ибн Баттуте ученый шейх. - Ты должен навестить моего брата Фарид ад-дина в Индии, Рукн ад-дина в Синде, Бурхан ад-дина в далекой стране Син. Когда ты увидишь их, передай им привет от меня…

Ибн Баттута признается, что до разговора с шейхом Халифой не помышлял о путешествиях в далекие страны. Слова шейха запали в его душу, пробудив в ней тревожную страсть к рискованным странствиям и предчувствие волнующих встреч с верными эмиссарами ислама, бесстрашно шагнувшими за черту обозримого мира.

Александрийская встреча была прологом к драматическим переменам в жизни молодого паломника. Вторая встреча, случившаяся через несколько дней в дервишской обители, неподалеку от небольшого городка Да-манхур, стала завязкой событий, сделавших заурядного ганжерского пилигрима величайшим путешественником всех времен и народов до Магеллана.

Абу Абдалла аль-Муршиди - один из наиболее почитаемых в Нижнем Египте суфийских шейхов, подвижник, аскет, затворник, предающийся молитвам и размышлениям в маленькой придорожной обители, куда к нему отовсюду сходятся в поисках истины и совета сотни и тысячи людей. Бродячие дервиши, феллахи, ученые-богословы, окрестные эмиры-феодалы. Время от времени наведывается в обитель всемогущий властелин Египта, мамлюкский султан Насир ад-дин Калаун, чье имя внушает уважение повсюду от берегов Атлантики до Китая.

В Даманхур Ибн Баттута прибыл перед полуденной молитвой, когда солнце находится в зените и все живое прячется в тени финиковых пальм и зарослей дурры, разделенных на квадраты узкими полосками оросительных каналов с их застоявшейся, покрытой зеленью ряски водой. У коновязи переминались с ноги на ногу, лениво отмахиваясь от мух и трутней, поблескивающие серебряными уздечками мамлюкские кони. Шейх Мур-шиди, седобородый, высокий, одетый, несмотря на жару, в черную шерстяную джуббу, вышел навстречу новому постояльцу, радушно приветствовал его, провел в прохладную маленькую

молельню, где, прислонившись к стене, полукругом сидели на ковре знатные гости - мамлюки во главе с эмиром, завернувшим в обитель за благословением.

Близился полдень, и шейх Муршиди назначил Ибн Баттуту предстоятелем молитвы. Весь день они провели в благочестивых беседах, а вечером шейх велел Ибн Баттуте идти спать на крыше обители. Ибн Баттута поднялся наверх и нашел там циновку, кожаную подушку, медный сосуд для омовения, глиняный кувшин с водой и стаканчик для питья.

Ночь была душной. Где-то рядом громко трещали сверчки и цикады, тоскливо завывали собаки, квакали лягушки. В небе далекими огоньками трепетали, то вспыхивая, то угасая, тысячи звезд. Из-за ссутулившихся у самого горизонта пальм, медленно помахивая огромными крыльями, летела, увеличиваясь в размерах, диковинная птица. Ее огромные когтистые лапы скребнули по крыше, и молодой паломник увидел рядом с собой ужасный, загнутый книзу клюв. Ночная гостья походила на легендарную птицу Рух, прилетавшую к потерпевшим кораблекрушение путникам в сказках «1001 ночи». Птица расстелила свои крылья на крыше, и Иби Баттута, цепенея от страха, быстро вскарабкался ей на спину. Через мгновение он почувствовал, что отрывается от земли, и крепко вцепился обеими руками в жесткие перья. Набирая высоту, птица понесла его на восток, в сторону киблы, потом, накренясь, скользнула к югу и, пролетев над самой землей, повернула на запад…

Ибн Баттута проснулся от холода. Заря едва-едва теплилась, в сумраке плыли, повисая клочьями на кронах пальм, серые клубы тумана. Внизу, совсем рядом, сердито похрапывали кони, слышался негромкий разговор.

Совершив омовение, Ибн Баттута спустился к утренней молитве. Он, как и вчера, был предстоятелем, и в этот раз его голос звучал как-то особенно пронзительно и четко.

После молитвы мамлюкский эмир распрощался и уехал, а Ибн Баттута со старцем сели за завтрак. Шейх внимательно выслушал взволнованный рассказ Ибн Бат-туты о его загадочном сне и, ничуть не удивившись, словно ход событий был ему заранее известен, сказал:

- Ты совершишь паломничество в святые места, пересечешь Йемен и Ирак и вступишь в земли турок и индусов. Ты будешь бродить по свету много лет, и в далекой Индии встретится на твоем пути мой брат Дельшад по прозвищу Веселое Сердце, который вызволит тебя из большой беды…

Далее путь Ибн Баттуты лежал через города и села Нижнего Египта. В Нахрарии он встретился с эмиром Саади, рассказавшим

ему о своем сыне, который служит у индийского царя, в Махалле гостил у местных отшельников-суфиев, в Дамьятте видел бритых наголо, безбородых и безбровых факиров из дервишского ордена каландаров. Население Дельты жило скученно и тесно, и дорога из Александрии в Каир показалась Ибн Баттута одним нескончаемым рынком, тянущимся вдоль оросительных арыков.

* * *

«Особенность Востока - очаровывать издали и отталкивать вблизи». Такой вывод сделал русский ученый В. Андреевский, посетивший Египет в последней трети прошлого века.

А вот на его соотечественника, торгового гостя Василия, прошедшего через Египет и Сирию в 1465-1466 годах, Каир произвел ошеломляющее впечатление.

«Египет град вельми велик, - сообщал Василий, - а в нем четырнадцать тысящь улиц… да в иных улицах до 18 тысяч дворов, да во всякой улице по торгу по великому…»

Такие цифры казались фантастическими не только россиянам. Большинство европейских путешественников отмечали, что своими размерами и численностью населения средневековый Каир превосходил все крупные западные столицы. Итальянец Фрескобальди, добывавший в Каире в 1384 году (после двух чудовищных эпидемий, известных в истории средних веков под названием «черная смерть»), писал, что огромный город не мог вместить всех желающих жить в нем, и каждую ночь до ста тысяч человек искали пристанища за городскими стенами.

Многоэтажные дома и сегодня составляют прерогативу крупных городов, а в средневековом Каире они не были редкостью.

«Если поглядеть издали на город Миср, то кажется, что это гора, - писал в «Сафар-намэ» великий персидский писатель Насир-и-Хусрау. - Там есть дома в четырнадцать этажей друг над другом, есть здания и в семь этажей. Я слышал от верного человека, что кто-то из жителей устроил па крыше семиэтажного дома сад, доставил туда теленка и вскармливал его, пока он не вырос. Тогда он устроил там гидравлическое колесо, которое этот бык приводил в движение и таким образом поднимал воду. На этой крыше он посадил сладкие и кислые апельсины, бананы и другие деревья, которые все приносили плоды. Он посадил там также цветы и различные растения».

Две вещи особенно поражали воображение иностранцев: размах торгово-ремесленной жизни и четкая организация коммунальных служб.

В 1258 году под ударами монгольских полчищ пал Багдад. Аббасидский халифат фактически прекратил свое существование.

Роль религиозного, культурного и научного центра арабского мира перешла к Каиру, куда со всех сторон потянулись спасающиеся от завоевателей беженцы - мелкие феодалы, торговые люди, ремесленники, богословы, ученые, литераторы, врачи.

Одновременно возросла роль Каира как центра транзитной торговли между Азией, Африкой и Европой. Наряду с традиционными торговыми связями с Византией и Арагоном установились новые, в частности, с Золотой Ордой и Венецией, которая с XIV века становится главным партнером Каира, разделив с ним монополию на всю торговлю между Западом и Востоком.

Альянс Венеции с Каиром был вынужденным. Захватив в результате четвертого крестового похода богатые левантийские портовые города, венецианцы использовали их как транзитные пункты в своих торговых операциях с азиатскими странами и вовсе не собирались делиться сказочными богатствами с кем бы то ни было. Но в 1291 году египтяне отвоевали у них эти города, и, выбирая из двух зол меньшее, венецианцы заключили с Египтом торговый договор. Легкость, с которой Венеция пошла на сговор с мусульманами, беззастенчиво вытеснив из Египта своих давних конкурентов - генуэзцев, возмутила весь христианский мир и стала еще одним подтверждением того, что в торговле, как и в политике, нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы. С тех пор Каир стал своеобразным таможенным решетом, сквозь которое просеивались товары, текущие с Востока в Венецию и другие европейские города. Пошлины и штрафы золотой рекой хлынули в султанскую казну, немалые барыши выпадали и на долю мамлюков и купечества.

Каирские купцы пользовались благоволением властей. Султаны знали, что внешняя торговля - главный источник поступления денег в казну, к тому же поборы, а порою добровольные приношения торговых людей не раз выручали их в периоды смут или военной опасности. Поэтому они не только охотно закрывали глаза на злоупотребления купцов, но кое-кого из них приближали к себе, одаривали лошадьми и царской одеждой.

О сказочных богатствах каирских купцов складывались легенды. В торговых кварталах с завистью и восхищением рассказывали об одном удачливом торговце, который вложил в строительство нового дома 50 тысяч динаров и выстлал полы в нем мрамором. Демонстрируя свою набожность щедрыми пожертвованиями нищим, купцы считали возможным не особенно придерживаться других предписаний ислама. Даже отправляясь в

паломничество, они тащили в бесконечных обозах весь свой гардероб, а некоторые приказывали выращивать овощи и фрукты в ящиках с землей, установленных на спинах верблюдов, чтобы в течение утомительных пустынных переходов не испытывать перебоев в свежих продуктах.

Венецианские торговые корабли везли в Египет закупленные в Крыму русские кожи, дорогие меха, воск и особенно ценившихся на каирском невольничьем рынке славянских рабов. В Европу же из Египта уплывали чернокожие рабы, слоновая кость, гуммиарабик, китайский шелк, мускус, фарфор. Наибольшим спросом в Европе пользовались индийские пряности. Они стоили очень дорого и приносили купцам баснословные прибыли. Торговля пряностями находилась в руках каремитов, которые пользовались особым покровительством султанского двора и держали для своих торговых операций многочисленный флот, позволявший им быстро использовать для обогащения малейшие колебания рыночной конъюнктуры. Несметные богатства каремитов, которые к тому же вовсю занимались банковскими операциями, вошли в поговорку. Финансовое могущество, умноженное на расположение двора, давало каремитам огромный политический вес. Известно, что мамлюкские султаны нередко направляли каремитов своими послами в Йемен.

Рост торгового предпринимательства способствовал расширению внутреннего рынка, расцвету местных ремесел. Как и в других крупных мусульманских городах, ремесленники одной профессии занимали отдельные кварталы. Ремесло не отделялось от торговли: в глубине лавки подмастерья бойко стучали молотками, а у входа хозяин оптом и в розницу продавал сделанные ими медные тарелки или кувшины.

Рынков в Каире было столько, что одно их перечисление заняло бы немало места. Наряду с рынками башмачников, парфюмеров, кузнецов, оружейников, свечников, Шапошников, сундучников и ремесленников других профессий в городе были и так называемые киссарии, где продавались заморские товары. Особой известностью пользовался базар Сук аль-Канадиль, примыкавший с северной стороны к древнейшей каирской мечети Амра ибн аль-Аса.

«Подобных базаров нет ни в одной стране, - писал Насир-и-Хусрау, - там можно найти все диковины, какие только бывают в мире. Я видел там изделия из черепахи, как, например, ларчики, гребенки, ручки для ножей и тому подобное, видел также чрезвычайно красивый хрусталь, который обрабатывают искусные мастера; его привозят из Магриба, но говорят, что поблизости, в море Кулзум, нашли хрусталь, лучше и прекраснее

магрибинского. Видел я также слоновую кость, привезенную с Занзибара, там было много кусков, весивших более двухсот мен. Была там также бычья шкура, привезенная из Абиссинии, напоминавшая шкуру леопарда; из нее делают обувь. Из Абиссинии же была привезена домашняя птица, довольно большого роста, с белыми крапинками и хохолком на голове, как у павлина».

Мусульманский Каир просыпается рано, под хриплый звук горнов и дробь барабанов, доносящихся от султанской резиденции - цитадели. Это означает, что султан уже проснулся и, передав связку тяжелых, глухо позвякивающих ключей привратникам, готовится к утренней молитве. Вслед за вратами цитадели со скрипом отворяются двери кварталов. Негромкие голоса, посапыванье, покряхтыванье, шарканье ног наполняют узкие извилистые переулки. Кое-где еще горят зажженные с вечера масляные фонари, и хмурые факельщики-мушаили, босые, в дырявых галабиях, начинают свой обход, туша их один за другим.

После утренней молитвы правоверные садятся за еду. Горячая бобовая похлебка - фуль, кусочек овечьего сыра, две-три маслины и стакан холодной воды - таков обычный завтрак большинства каирцев.

На улицах появляются бродячие торговцы, цирюльники с зеркалами, висящими на загорелых жилистых шеях, продавцы горячего фуля с тележками, в нижнем ярусе которых дымятся под плоскими сковородами раскаленные угольки жаровен. Вскидывая в разные стороны йоги с болтающимися на кончиках пальцев сандалиями, трясутся на спинах семенящих осликов базарные торговцы, спешат к своим лавкам, где старательные подмастерья уже наводят порядок: поливают свой участок улицы, заметают в угол вчерашний мусор, наполняют водой пузатые глиняные жбаны, которые султан велел держать у каждой лавки на случай пожара. Вдоль лавок нетерпеливо прохаживаются ранние покупатели, то и дело проверяя рукой привязанные к кушакам тугие платки с динарами.

Водоносы, взвалив на осликов и верблюдов тяжелые бурдюки с мутной нильской водой, разбредаются по улицам и переулкам. Там, где улицы узки и животному не пройти, проворные мальчишки принимают на спины кожаные мехи или бронзовые кувшины и разносят воду по этажам. Иногда мальчишкам лень подниматься наверх: из окон служанки выбрасывают бельевую веревку, и, перехваченный петлей, кувшин медленно ползет вверх, корябая стену; мелкой пылью облетает с нее султанская известка. В доме воду переливают в медные кувшины и пористые

глиняные сосуды - кулли, взятые напрокат за один дирхем в месяц, а бронзовая посуда на той же веревке возвращается к ожидающему внизу водоносу. Нильская вода не отличается чистотой, поэтому в состоятельных домах перед питьем в нее обильно отжимают кисло-горький сок карликовых лимонов-померанцев.

Водоснабжение - узловая проблема средневекового мусульманского города. Неспроста в арабских географических трудах описание города всегда содержит сообщение о том, какой водой пользуются его жители. Наличие или отсутствие проточной воды или, на худой конец, колодцев - едва ли не главное в характеристике населенного пункта, включающей описание системы фортификации, рынков, садов, мечетей, медресе и общественных бань. Не составляет исключения и книга Ибн Баттуты, где упоминание о воде всегда на первом месте независимо от величины и значения города, о котором идет речь.

От ворот каирских постоялых дворов вереницами тянутся к рынкам ослы и верблюды, навьюченные тяжелыми тюками. В назначенных местах заезжих торговцев уже поджидают перекупщики и маклеры, назначающие цену и тут же в присутствии свидетелей выписывающие векселя.

На рынке шум, ругань, толчея. У лавчонок - ханутов Деревянные скамейки, на которых, поджав под себя левую ногу и выставив колено правой, часами сидят за неторопливой беседой постоянные посетители, знакомцы хозяина. Здесь с утра рассказываются городские новости и сплетни, здесь же формируется общественное мнение, которое тотчас же через ушастых проведчиков становится достоянием дворца.

Несколько неприятных минут доставляет торговцам ежедневный обход инспектора-мухтасиба, - который проверяет правильность весов и мер, следит за ценами, снимает пробу еды в харчевнях и лично взимает с провинившихся денежные штрафы.

Какую только публику не увидишь на каирском рынке! Степенные улемы в длинных аббах с широкими рукавами и огромными тюрбанами на головах, проповедники-хатибы в черных накидках, дервиши в просторных хитонах, пестрящих разноцветными заплатками, нищие в немыслимых лохмотьях, тянущие навстречу прохожим покрытые струпьями и волдырями задубелые руки. Иноверцев узнаешь по особому покрою перехваченных кушаками кафтанов - узкие рукава и короткие полы, а главным образом по размеру тюрбанов. Размотанные, они не должны оказаться длиннее семи локтей, причем христианам предписано носить синие тюрбаны, иудеям - ядовито-желтого цвета. Иноверцам, как, впрочем, и всем иным жителям, кроме

мамлюков, разрешается ездить только на осликах или мулах. При этом осликов иноверцам надлежит выбирать низкорослых, худых, по цене не более 100 дирхемов; проезжая мимо сидящего мусульманина, они обязаны спешиться, отвесить поклон.

Но шумная, разноголосая, многоликая каирская жизнь не ограничивается рынком. Своим, непохожим на другие укладом живут мечети, дервишские обители, медресе и даже бани, которым местные барды посвятили немало вдохновенных строк.

Мечети делятся на соборные и квартальные.

В соборных мечетях не только молятся, но и учатся, и вершат правосудие. В назначенные часы профессора богословия собирают здесь своих учеников и читают лекции по вопросам предания, интерпретации Корана, экзегетики, права. В другом уголке мечети кадий ведет разбирательство судебных дел - отсюда доносятся шум, крики, пререкания тяжущихся.

В квартальных мечетях обстановка попроще. Открытые за редкими исключениями круглые сутки мечети - это не только молитвенные дома, но и надежное пристанище для всех, кто не имеет крыши над головой. Случалось, что после пожаров, уничтожавших в средневековом Каире целые кварталы, в мечетях месяцами жили бездомные семьи, перебиравшиеся туда с уцелевшим скарбом, чадами и домочадцами. В мечетях спали и ели, за неторопливой беседой коротали знойные послеполуденные часы, брились и стриглись, а иногда, забывшись, даже играли в кости. Ученые, собравшись в кружок, обсуждали здесь спорные вопросы логики и грамматики, рядом, расстелив на циновках тяжелые паруса, рыбаки штопали их, рассказывая друг другу подробности вчерашнего лова.

Словом, средневековые египтяне не проявляли по отношению к мечетям такого благоговейного трепета и пиетета, который был свойствен пастве христианских приходов.

Совершенно иначе обстояло дело с дервишскими обителями, которые в Магрибе именовались завиями, а в Египте получили название ханак.

Ханака - своеобразное общежитие, где послушники-мюриды жили и проходили стадии духовного совершенствования под началом шейха-наставника. Принятию в дервишское братство предшествовал период искуса, в течение которого послушник, готовившийся к посвящению в мюриды, должен был доказать, что способен смирить гордыню, отрешиться от земных благ и отдаться умерщвлению плоти. Лишь после этого шейх-наставник облачал его в дервишское вретище - харку, которую мюрид должен был носить всю свою жизнь, и выделял ему одну из келий общежития.

Дервишские обители, в которых существовал строгий внутренний устав, регулировавший все стороны жизни и поведения послушников, были существенной частью религиозной жизни мамлюкского Египта.

Суфии называли себя факирами, то есть бедняками. Их вретища представляли собой одежду из грубой шерсти, надевавшуюся на голое тело. Суфии изнуряли себя бесконечными молитвами, многочасовыми радениями, длительными постами.

«Еда их - голод, дождь их - слезы», - писал о суфиях средневековый автор Ибрахим Дасуки.

Суфийские ордена отличались друг от друга не только внутренним уставом, но и внешним видом своих адептов. Так, мистики, принадлежавшие к распространенному в Египте ордену ахмедийя, считали своим патроном святого шейха Ахмеда Бадави и носили одежду ярко-красного цвета. Члены ордена рифаитов выделялись черными тюрбанами; странствующие дервиши - каландары брили головы и брови, утверждая, что именно в этом проявляется их благочестие и покаяние. Некоторые дервиши заковывали себя в цепи, носили тяжелые вериги, прокалывали уши острыми стальными булавками, ходили босиком по огню, ели битое стекло и песок.

Египетские султаны и мамлюкские эмиры покровительствовали суфиям и вкладывали немалые деньги в строительство ханак, что стало одним из распространенных видов благотворительности. После смерти наставника той или иной обители его преемник назначался особым султанским указом. Мамлюкские султаны нередко навещали дервишские обители и даже принимали участие в радениях - поминании божественного имени с музыкой, плясками и песнопениями. Кроме послушников, в ханаках находили пристанище престарелые, юродивые, увечные, слепые, женщины, брошенные мужьями.

Ибн Баттута оставил подробное описание суфийских общежитий Каира.

«Каждая обитель в Каире, - сообщал он, - предназначена для определенной секты факиров. Большинство из них - персы, люди образованные и искушенные в ступенях суфизма. Каждая обитель имеет своего шейха и привратника. Их внутренний устав удивителен. Например, в том, что касается еды, у них существует такой обычай: прислужник по утрам приходит к послушникам, и каждый из них определяет ему, какой еды ему хотелось бы отведать. Когда они собираются за трапезой, каждый ест свой кусок хлеба и свою похлебку из отдельной тарелки. Едят они дважды в день. У них есть зимняя и летняя одежда и месячное содержание от 20 до 30 дирхемов. Кроме того, каждую пятницу

вечером они получают сахар, мыло для стирки одежды, деньги на баню и масло для лампад. Все они холосты, а для женатых существуют отдельные обители».

Из описания Ибн Баттуты видно, что далеко не все суфийские секты и ордена отличались фанатической приверженностью идеям самоотречения и аскетизма. В XIV веке многие каирские ханаки куда больше напоминали обычные духовные училища - медресе, с которыми они, кстати сказать, весьма небезуспешно конкурировали.

…Долгими часами бродил Ибн Баттута по улицам Каира, пытливо вглядываясь в окружающую его удивительную жизнь огромного города.

«Кто не видал Каира - не видал мира, - говорили в те времена. - Его земля - золото, и его Нил - диво; женщины его - гурии, и дома в нем - дворцы, а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир - зто весь мир».

Глубокий след в душе молодого магрибинца оставило посещение больницы - маристана, построенного султаном Мансуром Калауном в 1284-1285 годах.

«Не хватает слов, чтобы описать ее красу», - с восхищением вспоминал об этой больнице Ибн Баттута.

Больница возводилась в спешке, в считанные месяцы, и на строительстве нередким гостем был сам султан, который кнутом подгонял рабочих, не давая им ни минуты передышки. Каждого, кто проходил по улице Бейн аль-Касрейн, обязывали перетащить к месту строительства хотя бы один камень. Уникальное лечебное учреждение, действовавшее до середины XIX столетия, красноречиво свидетельствует о замечательном расцвете культуры в тогдашнем мусульманском мире.

Больница, входившая в единый архитектурный ансамбль с мавзолеем Калауна и зданием медресе, состояла из четырех отделений. В одном из них врачевали от различных лихорадок, в другом проводили хирургические операции, в третьем лечили глазные болезни. Наконец, отдельно находилось женское отделение.

Каждому больному выделяли чистую постель и смену белья, кормили с общей кухни и выписывали лекарства из больничной аптеки. Все это бесплатно: больница существовала на пожертвования из султанской казны.

В XIII веке широкую популярность приобрело имя египетского врача, инспектора каирской больницы Ибн ан-Нафиса, одного из авторитетнейших комментаторов «Канона» Авиценны. Арабы считают, что Ибн ан-Нафис на три века

опередил европейцев в открытии и описании системы кровообращения. Известным врачом того времени был и старейшина цеха хирургов христианин Ибн аль-Киф. В мамлюкский период особого расцвета достигла офтальмология, в которой уже тогда практиковались методы лечения, еще неизвестные в других странах. Египетский врач-офтальмолог Абу аль-Махасин аль-Халаби составил фундаментальный труд по глазным болезням, по которому училось не одно поколение врачей. В период правления султана Мансура Калауна глазной врач Салах ад-дин Ибн Йусуф составил известный медицинский трактат «Свет очей».

Не менее успешно развивалась в эту эпоху фармакология. Египетский врач XIII века Ибн аль-Кабир составил трактат по фармакологии, который в течение длительного времени был настольной книгой врачей и фармацевтов, - «То, чего нельзя не знать врачу о лекарствах и их смесях». Широко известна была и книга фармацевта Мухаммеда ал-Каусави о действии различных ядов и способах выведения их из организма.

Особое место в жизни средневекового Каира - и этого не мог не заметить Ибн Баттута - принадлежало баням. За исключением некоторых богатых эмиров, каирские жители не мылись дома. Некоторая часть населения, надо думать, не мылась вообще. И все же для удовлетворения потребностей огромного города существовало бесчисленное множество бань - мужских и женских. Некоторые в первой половине дня обслуживали мужчин, а после полудня - женщин. Баня, как и базар, в определенном смысле была центром общественной жизни: в нее приходили не только мыться, но встретиться с друзьями, провести время за приятной беседой, обсудить свежие городские сплетни. Особое значение имело это для женщин, для которых ввиду их вынужденного затворничества посещение бани было единственной возможностью пообщаться с подругами, поглядеть на других и показать себя. Женщины собирались в баню не менее тщательно, чем готовились к свадьбе: заранее подбирали лучшие наряды, красили хной ладошки и ступни ног, сурьмили глаза и увешивались самыми дорогими побрякушками. Только здесь они сбрасывали покрывало и могли, что называется, показать товар лицом. Высматривая хорошеньких невест, в банях постоянно крутились профессиональные свахи и сводни. Последние за известную плату оказывали сомнительные услуги любителям любовных приключений.

Все эти вольности вызывали возмущение некоторых особенно строгих мусульманских богословов и правоведов. Но обычай мыться в бане был настолько распространен, что никто не

отваживался призывать к его запрету. Благочестивые чинуши избрали путь мелочных придирок, выискивая недозволенное в каких-либо деталях декора или внутреннего распорядка бань. Так, гнев виднейшего мусульманского богослова аль-Газали обратился против изображений зверей и птиц на дверях некоторых бань.

«К числу осуждаемого, - писал он, - относятся изображения, которые бывают на дверях или внутри бани; каждому, кто входит в нее, надлежит их уничтожать, если сможет, а если они на высоком месте, до которого не достает рука, то позволительно входить только в случае крайней необходимости, лучше же пойти в другую баню. Ведь смотреть на предосудительное не дозволено».

На такие предостережения мало кто обращал внимание. Раздевшись и повязавшись набедренной повязкой - изаром - купаться голым считалось верхом неприличия, - правоверный на время переносился из мира, разделенного сословными перегородками, в веселое банное братство, где все равны, ибо ни у кого не написано на лбу - чиновник он или презренный обмывальщик трупов. Помывшись, мужчины спешили к цирюльнику, ловко орудовавшему остро наточенным стальным лезвием. В банные цирюльники, как правило, выбирали смазливых юношей, которым строго предписывалось в дни работы воздерживаться от лука и чеснока.

В мусульманской бане принято было платить при выходе: неспроста арабская пословица утверждает, что в баню легче войти, чем выйти из нее. Расплатившись и дав на чай банщику, правоверные покидали влажный полумрак и, щуря глаза, выходили на свет, возвращаясь в мир сословных и цеховых различий, где каждому было отведено место, выше которого он прыгнуть не мог.

В XIV веке вершину иерархической пирамиды в Египте составляли мамлюки - военно-феодальная корпорация вчерашних невольников, из которых формировалась мощная, хорошо обученная армия. Традиция комплектования офицерского корпуса из воинов-рабов («мамлюк» по-арабски «раб») полностью сложилась при Айюбидах в ходе кровопролитных войн с крестоносцами. Наиболее мужественных, умелых и преданных мамлюков султаны жаловали земельными наделами в обмен на обязательство нести военную службу. Постепенно в Египте складывался своеобразный класс земельной аристократии, разраставшийся не на основе наследственного принципа, а путем постоянного приобретения на невольничьих рынках новых воинов, которые росли в военной иерархии от звания к званию и

выдвигали из своей среды эмиров и даже султанов.

Мамлюки попадали в Египет из разных стран и в этническом отношении представляли собой довольно пеструю картину. Известно, что султан Кутуз был племянником среднеазиатского хорезмшаха Джалал ад-дина, Кала-ун, положивший начало целой мамлюкской династии, родился в кипчакских степях, Кутубуга был монголом, а Ладжина доставили в Египет из Прибалтики.

Заинтересованные в укреплении своей армии, мамлюкские султаны щедро платили за каждую новую партию невольников, и это привлекало в Египет купцов, занимавшихся работорговлей. Особенно ценились мальчики, которые ввиду их малого возраста легче поддавались воспитанию и отличались горячей преданностью своим хозяевам.

Купленных для военной службы мамлюков в тот же день одевали в дорогие одежды, одаривали золотом, драгоценностями, лошадьми, подчеркивая то привилегированное положение, которое им вскоре надлежало занять. После этого мальчики шли на медицинский осмотр, где их делили на группы. К каждой группе приставлялся наставник, учивший их чтению Корана, письму, начаткам богословия и права.

Когда мальчики подрастали, наступал черед военной подготовки. Ибн Баттута видел, как у подножия горы Мукаттам они целыми днями занимались верховой ездой, джигитовкой, фехтованием, стрельбой из лука. Воспитание молодых воинов поручалось евнухам-наставникам, которые должны были заботиться об их нравственности и отвечали головой за малейшую провинность своих подопечных. Когда однажды султан Насир узнал, что один из мамлюков пил вино, он приказал засечь его до смерти, а евнухов-воспитателей посадил в крепость.

Пройдя курс военной подготовки, мамлюки поступали на службу, становились на довольствие и поселялись в казармах, которые поначалу находились на острове Рода, посреди Нила, а позднее были перенесены в цитадель. Раз в год мамлюки получали с султанских складов одежду; кроме того, в их содержание входила ежемесячная выдача мяса, сахара, фруктов, масла, воска, фуража.

Отвага и преданность, проявленные в сражениях, вознаграждались продвижением по службе. В результате строгого отбора из среды юношей-новичков постепенно выдвигались десятники, сотники, тысяцкие. Высшим признанием боевых заслуг мамлюкского военачальника был султанский указ о произведении его в эмиры. Получив звание эмира, вчерашний раб становился свободным. Он покидал казарму и обзаводился собственным хозяйством: домом с конюшнями,

продовольственными складами, штатом прислуги, постройками для рабов-мамлюков, которых он отныне имел право приобретать на невольничьих рынках.

«Эмирам-предводителям, - писал арабский историк XIV века Макризи, - во время торжественного выезда на площади выдавались золотые подпруги, а каждому эмиру из свиты султана в месяц рамадан выдавалась порция сахара и сладостей, а в день жертвоприношения все получали жертвенных животных согласно их чину, и им же полагались участки клевера для пастьбы их скота, а иногда вместо этого выдавался фураж… Дважды в год между эмирами распределялись султанские кони; в первый раз весной, когда султан входил в свои конюшни после завершения периода подножного корма, а второй раз - при игре в мяч на площади. А приближенные лица из султанской свиты получали их в большом количестве, так что некоторым из них доставалось по сотне коней в год… И если пал конь у мамлюка, то представлял он его мясо и свидетельство того, что конь пал, и получал замену. И даровал султан приближенным из своей свиты поместья и большие сооружения. И выдавал иногда некоторым из них более сотни тысяч динаров; и это часто случалось при Насире… а также одежды из разных материй; а при отправлении на охоту и в других подобных случаях выдавался фураж и предоставлялось жилье…»

Поместья, которыми султан наделял своих мамлюков, считались как бы платой за верную службу и не могли передаваться по наследству. Не были наследственными и эмирские звания, и сыновья эмиров не пользовались привилегиями отцов. Этот порядок вызвал к жизни своеобразную форму благотворительности: чтобы как-то сохранить накопленные при жизни капиталы, эмиры щедро вкладывали их в строительство мечетей, дервишскйх обителей, медресе, где в качестве попечителей, шейхов и наставников подвизались их отпрыски и родственники, которые все чаще избирали для себя путь религиозной деятельности. Такой «перелив» немало способствовал расцвету зодчества и оживлению духовной жизни.

Подробно описывая архитектурные памятники, Ибн Баттута ничего не сообщает о своих контактах с мамлюкской верхушкой. Чуждые египтянам в этническом и Социальном отношении, мамлюки жили своим узким мирком, замкнуто и обособленно. Опасаясь заговоров и мятежей, что случалось весьма нередко, султаны не поощряли сближение мамлюков друг с другом, и, если провед-чики доносили, что несколько эмиров собирались вместе для азартных игр, метания стрел или иных развлечений, участникам сборища грозила ссылка или даже заключение в

тюрьму.

Однако вопреки строгим запретам мамлюки то и дело сбивались в группы и партии, объединенные общностью происхождения и языка; эти группы конкурировали и враждовали друг с другом и нередко прибегали к оружию в непрекращающейся кровавой борьбе за власть. Когда одной партии удавалось подмять под себя остальные, ее лидер становился султаном и, следуя давнему айюбидскому обычаю, торжественно въезжал на коне в цитадель.

Именно таким образом в 1279 году к власти пришел Майсур Калаун, бывший раб последнего айюбидского султана ас-Салиха, в свое время купленный им за тысячу золотых динаров и получивший прозвище Альфи, что значит «Человек-тысяча».

В 1293 году египетский престол перешел к его сыну Насиру, и это был, пожалуй, первый случай прямого наследования у мамлюков. Но не последний. Династия, основанная Калауном, просуществовала до 1390 года. Султан Насир правил почти 42 года, если не считать двух перерывов, когда, пользуясь его малолетством, конкурирующие эмиры на время захватывали власть.

У султана Насира был сложный и противоречивый характер, и этого не могли скрыть даже хроники, апологетически трактующие каждый его шаг. Вполне в духе времени жестокость и вероломство он сочетал с расточительностью и склонностью к великодушным жестам, отличался крайним пуританизмом в вопросах морали и, следуя традициям отца, много строил, увековечив свое имя в таких архитектурных жемчужинах, как каирский акведук, мечеть в цитадели и уникальный ансамбль из усыпальницы, медресе и маристана на улице Бейн аль-Касрейн.

Ибн Баттута сообщает, что в период правления Насира блеск и могущество египетского государства достигли своего апогея. Его международные связи охватывали полмира, от Арабского Запада до Золотой Орды, Индии и Китая. Особый вес египетскому двору придавало то обстоятельство, что в Каире находилась резиденция аббасидских халифов, которые после захвата монголами Багдада лишились политической власти, но в глазах правоверных по-прежнему оставались духовными пастырями общины.

Признание Каира религиозным центром мусульманского мира обязывало ко многому. Именно в этом, очевидно, заключалась одна из причин благосклонности мамлюкских султанов к представителям ученых кругов, которых в Каире было больше, чем в какой-либо иной столице. Ученые шейхи, или, как их называли в народе, «носящие чалму», назначались султаном на

высокие должности министров, казначеев, инспекторов, верховных судей. В этом качестве они были как бы связующим звеном между мамлюками и местным населением. Благоволение мамлюкских султанов ученому сословию временами проявлялось в эксцентричных жестах, которые мгновенно становились достоянием молвы и фиксировались в сводах придворных летописцев. Известно, например, что некоторые улемы освобождались от обязанности целовать пол перед султаном, хотя в этом не находили ничего зазорного даже самые влиятельные из мамлюков. Нередко султаны выезжали из цитадели, чтобы навестить больного или находящегося при смерти улема, а на похоронах шли во главе процессии перед гробом и даже иногда пытались подставить под него свое плечо. И все-таки всех превзошел султан Ладжин, который на глазах у изумленных придворных поднялся с трона и, согнувшись в поклоне, приложился губами к руке имама Мухаммеда ибн Али аль-Манфалуты.

Разумеется, все это было лишь лицемерной игрой, но так или иначе в выигрыше оставались улемы, которым благорасположение властей обеспечивало безбедное существование. Многие ученые жили в роскошных, отделанных мрамором особняках, щеголяли в изысканных одеждах, держали свои конюшни и огромный штат прислуги.

Всего этого не мог не заметить Ибн Баттута. В своих воспоминаниях он перечисляет видных каирских ученых, в числе которых были выходцы из Гренады, Туниса, Сирии, Ирака и Малой Азии.

* * *

Весна 1326 года. Каир готовится к проводам каравана паломников. Уже объявлено, что эмиром-хаджи султан назначил начальника дворцовой канцелярии Аргуна Давадара. Эту новость каирцы встретили с одобрением: образованный, справедливый, мягкий, Аргун Давадар любим и уважаем в народе. Другая новость, не объявленная глашатаями, в виде слухов гуляет по каирским улицам и рынкам - об отправлении в хадж супруги султана На-сира, монгольской хатуни Хунды. Имя хатуни у всех на языке: в памяти каирцев еще свежи воспоминания о пышной свадебной церемонии, состоявшейся шесть лет назад, когда не кто иной, как Аргун, вместе с султанским кравчим Бектемиром и кадием Керим ад-дином доставили прибывшую из Золотой Орды принцессу в цитадель.

На третий день после малого байрама, венчающего месяц мусульманского поста - рамадан, многотысячные толпы каирцев спешат к цитадели для участия в церемонии выноса покрывала на

гробницу пророка в Медине. Это покрывало, называемое «махмиль», представляет, собой кусок красной парчи, которая натягивается на деревянный остов в форме куба с пирамидальной верхушкой. Поверх парчи кладется слой тончайшего красного и зеленого шелка, на котором золотыми нитками вышит растительный орнамент. На острие пирамиды и в четырех верхних углах куба возвышаются серебряные, покрытые золотом луковки, увенчанные скобочками ажурных полумесяцев, по периметру нижнего среза остова нежно позвякивает бахромка в виде маленьких серебряных шариков с хвостиками из шелковых нитей.

С утра к площади перед цитаделью тянутся торжественные процессии шейхов, ремесленников, купцов. Каждый цех шествует отдельно со своими хоругвями, барабанами и свирелями. К воротам цитадели подъезжают верховные судьи, султанский казначей и инспектор. Их кони нетерпеливо топчутся на месте, стучат копытами по нагретой утренним солнцем брусчатке. Наконец ворота открываются, и на площади показывается Аргун Давадар, назначенный в этом году эмиром-хаджи. За ним, ведомый под уздцы босоногим погонщиком, идет высокий, выкрашенный желтою хною верблюд. На его спине покачивается, позвякивает шариками бахромки махмиль. По площади прокатывается восторженный гул. Толпа напирает, каждый старается коснуться рукою бахромки или хотя бы верблюжьего бока. Те, кому удается это сделать, целуют свои руки и возлагают их себе на голову. Кое-кто, охваченный религиозным экстазом, падает на землю, ползает, подбирая верблюжью слюну.

Наступает самый волнующий момент церемонии. Достигнув середины площади, эмир-хаджи останавливается и на глазах у всех целует золотую уздечку верблюда. После этого сопровождаемая воинами и водоносами процессия отправляется в местечко Сабиль Аллям, в предместье Каира, где становится лагерем на три дня, ожидая, пока туда подтянутся все отбывающие в Хиджаз паломники. Состоятельные люди разбивают там свои шатры и проводят эти дни в пиршествах, щедро раздавая подаяния нищим и факирам, которые собираются в Сабиль Аллям со всего Каира. Здесь паломники прощаются с родными и близкими, и по сигналу эмира-хаджи огромный караван трогается в путь.

Ибн Баттута весьма подробно описывает церемонию выноса махмиля, состоявшуюся в раджабе 1326 года в Каире. Однако у ученых-востоковедов, подвергнувших критическому анализу текст книги путешествий, возможность участия Ибн Баттуты в этом событии вызывает серьезные сомнения. Более того, чешский

арабист И. Хрбек, посвятивший вопросам хронологии странствий Ибн Баттуты обстоятельное исследование, положительно утверждает, что во время церемонии выноса покрывала нашего путешественника попросту не было в Каире. По мнению И. Хрбека, в раджабе 1326 года Ибн Баттута находился на полпути из Каира в Айдаб, куда он спешил, рассчитывая сесть там на корабль и морем переправиться в Хиджаз.

Впрочем, Ибн Баттута и не утверждает, что видел церемонию собственными глазами. Возможно, он описал ее с чужих слов, хотя не исключено и то, что ему удалось стать свидетелем церемонии в один из своих более поздних приездов в Каир. Хронологическая последовательность событий меньше всего волновала Ибн Баттуту, и нередко случалось, что в своих воспоминаниях он ставил рядом эпизоды, разделенные временным интервалом в десять, пятнадцать, а то и двадцать лет. Так бывало, когда какой-нибудь город встречался ему дважды - по пути на восток и по возвращении на родину. В таких случаях все события и факты, касающиеся данного города, он описывал, как правило, в одной главе, и то, что сегодня может показаться путаницей, ему представлялось естественным и логичным.

Как и многие другие средневековые авторы, Ибн Баттута зачастую не делал различия между виденным и слышанным, представляя и то и другое в виде собственных живых впечатлений.

Наглядное подтверждение тому - описание пирамид. Коротко пересказывая известную историю о том, как халиф Мамун приказал поливать их уксусом и обстреливать из катапульт, Ибн Баттута ни словом не упоминает о гигантской фигуре сфинкса, которую посетитель заупокойного комплекса на западном берегу Нила не заметить никак не мог. Скорее всего Ибн Баттута слышал о пирамидах Гизы, но не видел их. Памятники древнеегипетской цивилизации, о которых средневековые египтяне не знали ровным счетом ничего, не вызывали у них такого жгучего интереса, который сегодня собирает у пирамид сотни тысяч туристов из разных стран мира.

Цветные барельефы на стенах полуразвалившихся храмов рассказывали о жизни язычников, наказанных аллахом за невежество, бесстыдство и упорство в поклонении идолам. Рядом валялись статуи их богов с соколиными клювами, с головами шакалов, быков и птиц. Они были похожи на окаменевших джиннов, поверженных всевышним и разбросанных им вдоль нильского берега до самых порогов, за которыми начиналась страна черных - Судан. Изображения зверей и птиц, обнаженных женщин и мужчин с огромными фаллосами, должно быть,

вызывали у мусульман отвращение и суеверный ужас, ослабленные лишь привычкой жить по соседству с этим миром развалин, которые, в сущности, были безобидны и не приносили правоверным ни добра, ни зла.

В эпоху раннего христианства коптские монахи, вооружившись молотками и зубилами, с удивительным упорством уничтожали следы языческого культа - выкалывали глаза, отбивали носы. Спасаясь от преследований, ранние христиане прятались в могильниках Долины Царей, в зимнюю стужу жгли в них костры, покрывавшие слоем копоти цветные настенные рисунки.

Мусульмане относились к окружавшему их кладбищу язычников гораздо терпимее. За редкими исключениями ничего не разрушали. Но, конечно же, если удавалось напасть на след древнего захоронения, так же как и их предшественники, не отказывали себе в удовольствии вытащить из него все, что можно было сбыть на рынке, - золото, серебро, драгоценные камни.

Нередко они участвовали в разрушении, не преследуя никакого злого умысла. Так, феллахи с чисто крестьянской сметкой подметили, что глиняные кирпичи, которые были основным строительным материалом древних зодчих, очень удобно использовать для удобрения полей. Они называли эти кирпичи себахами. Миллионы таких не имеющих цены себахов на протяжении нескольких веков перемешивались с землей, как простой навоз. Так в сравнительно короткий исторический срок были «съедены» целые города.

Путешествуя вверх по Нилу, Ибн Баттута, как всюду, куда он приезжал, в первую очередь интересовался суфийскими обителями, могилами святых, встречался с религиозными деятелями провинциальных египетских городов. Лишь мимоходом обмолвился он о виденном им в Ихмиме древнем храме с барельефами и иероглифами, изображениями зодиака и животных. И снова перечень мечетей, мавзолеев-мазаров, благочестивых шейхов-чудотворцев, местных святых. Даже в Луксоре, этой лавке древностей, Ибн Баттута не заметил ничего, кроме гробницы городского патрона Абуль Хаджаджа аль-Уксури, которая, кстати сказать, находилась в небольшой мечети, примостившейся на территории храма фараона Аменофиса III с его святилищами и колоннами гипостиля, возвышающимися по сей день.

Не заметил Ибн Баттута и того, что неторопливые темнокожие жители Верхнего Египта, ревностно исполняющие все заповеди пророка, с не меньшим усердием чтут обычаи и поверья языческой старины и что многие их праздники, которые по

ошибке относят к мусульманской традиции, родились во времена фараонов и имеют в своей основе культ Осириса, Амона-Ра и Хатхор.

- О солнце, о солнышко! Возьми зуб осла и подари мне зуб газели! - говорят они, бросая вверх вырванный зуб. И в этом узнается древний, унаследованный от предков культ Солнца.

Исламу не удалось до конца разрубить невидимые духовные узы, связывавшие мусульман с жизнью Древнего Египта. В некоторых районах Дельты, желая убедить собеседника в чем-то, клялись солнцем; жители каирского пригорода Матария, как и их древние предки в Гелиополисе, поклонялись дереву.

В деревнях долины Нила столь же искренне, как и тысячи лет назад, верили в магию, дурной глаз, заклинания, талисманы и амулеты. Сохранялся там и женский обряд изгнания злых духов.

Многие феллахи по примеру древних египтян суеверно делили дни недели на счастливые и злосчастные; плакальщицы били себя по лицу и рвали волосы, наполняя жалобными причитаниями знойную тишину мусульманских кладбищ; мужчины по праздникам выходили в круг биться на тростниковых палках, повторяя движения, увековеченные в цветных барельефах на стенах храмов и гробниц.

Об этой преемственности Ибн Баттута не мог ничего знать. Зато подметил особую, почти суеверную любовь египтян к Нилу, даром которого, по известному выражению Геродота, была их страна. Нил - первая крупная река в жизни Ибн Баттуты - отложился в его памяти рядом с двумя другими великими реками - Волгой и Индом.

…Дорога идет вдоль Нила. В этих местах речная долина сужается: вдоль западного берега сплошным хребтом тянутся однообразные серые горы, восточный берег - узенькая полоска возделываемой земли, зажатая между водой и серебристыми дюнами. Желтые змейки песчаных оползней вклиниваются в зеленую пойму, засыпают посевы. Здесь у изножья дюн белеют глинобитные постройки феллахов: люди живут в раскаленных песках, зорко охраняя от натиска пустыни каждый клочок плодородных илистых наносов.

Солнце печет немилосердно, воздух, как раскаленная жидкая лава, обжигает ноздри и щеки, слепит слезящиеся глаза. Жара спадает лишь к ночи, но спать почти невозможно - мириады комаров слетаются от арыков, до самого рассвета с пронзительным писком кружат над головой.

Наконец остаются позади Кена, Кус, Иена, Идфу. Короткая остановка, где осликов приходится сменить на верблюдов: предстоит двухнедельный мучительный переход по каменистой

пустыне. На городском рынке с утра толпятся погонщики-бедуины, сдающие внаем выносливых быстроходных верблюдов - махари, которым не страшны ни зной, ни жажда, ни раскаленные пески.

В целом мире, очевидно, нет более унылого и удручающего ландшафта, чем тот, что открывается взору путника, направляющегося к Красному морю. Узкая караванная тропа тянется в безжизненном ущелье, среди пышущих жаром обломков скал и отполированных знойными ветрами гигантских валунов, то и дело преграждающих путь. Размеренно похрустывает под верблюжьими ступнями мелкий гравий, повсюду, куда ни бросишь взгляд, бесконечные серо-черные холмы, причудливые утесы, плоские, напоминающие могильники плато. Жара и безмолвие. Никаких признаков жизни. Лишь кое-где зловеще белеют на черном песке скелеты верблюдов и ишаков, издохших, должно быть, сотни лет назад, потому что в местном сухом климате трупы сохраняются долгие годы, не подвергаясь гниению, и лишь сжимаются, усыхают, не теряя своего первоначального обличья, если только не станут добычей стервятников или гиен. Временами, пугаясь песчаного оползня или подпрыгнувшего из-под ноги камня, выскочит из-под скальных обломков, помедлит, присматриваясь холодным немигающим взглядом, серая пустынная змея и зашуршит, извиваясь гибкой лентой, снова исчезнет в камнях. Особенно опасна слепая рогатая турриша - сжавшись упругой пружиной, она прыгает прямо в лицо. Прикроется бедуин ладонью, и останется одно из двух: либо отсечь острым кинжалом укушенную кисть, либо умереть в корчах, не успев покаяться и испросить прощения грехов.

На одном из ночных привалов путникам пришлось отбивать нападение гиен.

«Одна из гиен, - вспоминает Ибн Баттута, - вцепилась в мое седло и, разорвав привязанный к нему вьюк, утащила мешок с финиками. Лишь наутро мы обнаружили пропажу. Мешок был разодран в клочья, и большая часть содержимого съедена…»

Утром пятнадцатого дня с востока задул солоноватый свежий морской ветер. Ущелье стало раздвигаться, и к полудню в далекой сизой дымке возникла крошечная игла минарета.

Это был Айдаб, знаменитая гавань, главный пункт морской торговли с Йеменом и Индией. Персидский путешественник Насир-и-Хусрау, побывавший в Айдабе в XI веке, оставил красочное описание этого красномор-ского городка:

«Город Айдаб лежит на берегу моря, там есть мечеть, жителей там около пятисот человек. Он подчинен египетскому султану.

Там находится таможня, так как туда прибывают суда из Абиссинии, Занзибара и Йемена, откуда товары везут по той пустыне, по которой ехали мы, До Асуана, а из Асуана на судах по реке Нилу доставляют в Миср,

По правую руку от этого города, если обратиться в сторону Киблы, есть гора, а за горой этой - огромная равнина с обильными пастбищами. Там живет большое племя, называемое беджа; это люди, у которых нет ни веры, ни религии, они не следуют никакому пророку, так как живут слишком далеко от заселенных мест. Равнина их в длину больше тысячи фарсахов, а в ширину более трехсот, и на всей этой равнине есть только два маленьких городка: один называется Бахр ан-Наам, а другой Айдаб… Беджа эти живут на той равнине; они не злые люди, не воруют и не совершают набегов и заняты только своим скотом. Мусульмане и другие люди крадут у них детей, возят в города Ислама и продают…

В городке Айдаба нет ни колодезной, ни ключевой воды; пользуются там только дождевой водою, а когда случается, что долгое время нет дождей, воду привозят Беджа и продают. За те три месяца, что мы там пробыли, мы платили за мех воды дирхем и даже два…»

Однако Ибн Баттуте Айдаб понравился. Он отметил, что в городе много рыбы, молока и фиников, и дал живое описание обитавшего там племени беджа.

«Жители Айдаба чернокожие, они питаются верблюжьим молоком, закутываются в желтые покрывала, на головах у них повязки толщиной с палец».

Ибн Баттута прибыл в Айдаб в неподходящее время. Кровавый конфликт между правителем беджа Хадраби и наместником египетского султана был в самом разгаре. Египтяне все еще удерживали в своих руках треть города, но все их корабли были сожжены и потоплены кочевниками, а поэтому рассчитывать на морское путешествие в Джидду не приходилось.

Продав свой провиант, который был запасен до самой Мекки, Ибн Баттута расплатился с погонщиками и, не теряя времени, пустился в обратный путь, в Каир.

Глава четвертая

«Если нет того, чего желаешь, желай того, что есть». Эта арабская поговорка довольно точно отражала настроение Ибн Баттуты, возвращавшегося в Каир из своей неудачной поездки в глубь Верхнего Египта.

Паломники, возглавляемые Аргуном Давадаром, уже вышли в путь, и вся надежда Ибн Баттуты была на то, что в Дамаске он успеет присоединиться к сирийскому каравану, отправление которого было назначено на начало шавваля.

Ибн Баттута спешил. В Каир он прибыл затемно, а утром следующего дня уже покачивался в седле своего ослика на пути в Шам.

В то время Сирия входила в состав мамлюкского государства султана Насира, его наместники сидели в Халебе, Хомсе и Дамаске, но времена были неспокойные, и на границе с Палестиной египтяне предпочитали иметь мощные защитные кордоны. Опасались главным образом лазутчиков хулагуидского хана Абу Сайда, с которым у Египта сложились напряженные, недружественные отношения. С другой стороны, пограничные пункты использовались для взимания таможенных пошлин с купцов, сновавших по бойкому торговому тракту между Каиром и Дамаском.

О масштабах шпионажа в ту эпоху мы можем судить по переписке египетского султана Калауна с монгольским ханом Ахмедом. В пространных посланиях рассерженные монархи осыпали друг друга упреками в преднамеренном засыле проведчиков, которые десятками и сотнями шли по торговым дорогам в обличье странствующих дервишей, нищих, христианских монахов, паломников, врачей.

По синайской дороге, тянущейся вдоль побережья, на каждом шагу попадались караван-сараи, которые египтяне называли ханами. В их внутренних двориках, обнесенных высокими глинобитными стенами, люди спали вповалку, расстелив на влажном песке войлочные кошмы либо прислонившись к сброшенным как попало вьюкам. Тут же, сбившись в кучу, дремали животные - ослики, мулы, верблюды. Неподалеку от хана, как правило, находилась сакия, где перед выходом в путь поили животных, а у главных ворот по обе стороны дороги - ветхие лавочки - хануты. В них продавали съестное, фураж, шорные принадлежности.

У самой границы была таможня, где с приезжих купцов брали закят - пятипроцентный налог с золота и серебра - и взимали

пошлины в зависимости от рода товара и его количества. Не слушая причитаний и жалобных криков, угрюмые рослые таможенники острыми ножами взрезали шелковые или фибровые веревки, бесстрастно вываливали в пыль рулоны китайского шелка, бархата, камки, рисованных сирийских тканей с золотыми прошивками. Во дворе таможни пахло мускусом, перцем, гвоздикой, десятки ног втаптывали в песок золотые осыпи заморской хны и шафрана. Писцы скрипели тростниковыми каламами, составляя под диктовку таможенников нескончаемые списки рулонов, вьюков, бурдюков, кувшинов; босоногие платные свидетели нетерпеливо переминались с ноги на ногу в ожидании обещанного бакшиша.

В канцелярии начальник таможни эмир Изз ад-дин с утра до вечера выписывал разрешения на выезд и въезд. Без такой бумаги, скрепленной его печатью, никто не имел права пересекать границу. С вечера стражники граблями боронили песок, а поутру сам эмир выходил смотреть, не появились ли на нем за ночь подозрительные следы. За нарушителем высылались бедуинские конные разъезды. С пойманным эмир расправлялся на месте, не утруждая себя установлением личности и допросом.

Ибн Баттуту эмир встретил приветливо, мигом выписал ему все необходимые бумаги и даже выехал провожать до дороги. В этом сказалось преклонение перед ученостью молодого паломника, подтвержденной иджазами и рекомендательными письмами влиятельных богословов.

По пути в Иерусалим Ибн Баттута заехал в маленький городок Халиль, уютно расположенный в долине среди невысоких, покрытых густой зеленью холмов.

Чуть севернее почти соприкасающийся с предместьями Иерусалима Бейт Лахм - библейский Вифлеем, в окружении виноградников и оливковых рощ.

Расположенный на высоком холме, Иерусалим хорошо виден издалека. Над зубчатым срезом крепостной стены купола церквей, золото колоколов, точеные шпили мечетей. Предместья раскинулись в гористой местности; на склонах виноградники, оливковые рощи, фруктовые сады.

Насир-и-Хусрау так описывает Иерусалим:

«Окрестности и пригороды Бейт-ал-Мукаддас гористы, но вся земля там возделана и много масличных, фиговых и других деревьев. Воды там нет совершенно, но тем не менее там много богатств и жизнь дешева. Там есть хозяева, у каждого из которых колодцы и цистерны наполнены более чем пятьюдесятью менами оливкового масла; они развозят его оттуда во все страны света.

Теперь я опишу город Бейт-ал-Мукаддас. Это город,

расположенный на вершине горы. Воды там, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть ручьи, но в самом городе нет. Вокруг города возведена прочная стена из камней, скрепленных известью, с железными воротами. Около города нет ни одного дерева, так как город стоит на камне.

Это большой город. В то время, когда я посетил его, там было двадцать тысяч жителей. Там есть красивые базары, высокие здания; вся земля его вымощена каменными плитами. Где была гора или возвышение, их срезали и сравнивали, так что, когда идет дождь, вся земля в городе вымывается начисто.

В городе много ремесленников, и каждый цех занимает на базаре отдельный ряд».

Насир-и-Хусрау посетил Иерусалим в первой половине XI века.

Ибн Баттута - спустя три столетия, когда в историю Святого города уже вписали свои кровавые страницы европейские рыцари, пришедшие сюда «освободить Гроб Господень» от нечестивых сарацинов. Именно так любили объяснять свой грабеж и насилие участники крестовых походов.

В действительности же все обстояло иначе.

Путь на Восток был известен европейцам с давних времен. Тысячи и тысячи пилигримов со всех концов Европы ежегодно отправлялись в паломничество к святым местам. Многие из них религиозные цели сочетали с торговыми и, привозя на родину диковинные восточные товары, наживали солидный капитал. Путешествие в Левант было длительным и опасным, и паломники, как правило, собирались в крупных торговых городах, откуда огромными караванами отправлялись на Восток. По пути к ним присоединялись странствующие рыцари, мелкие феодалы, нищие клирики, ваганты, проходимцы и авантюристы всех мастей.

Европа полнилась слухами о баснословных богатствах восточных городов. Воспоминания о странствиях обрастали фантастическими домыслами, превращались в легенды о неге и роскоши, в которых утопали жители Леванта. Все это будоражило воображение и горячило кровь.

Между тем в XI веке европейское рыцарство вполне созрело для прыжка на Восток. Европа уже давно задыхалась от нехватки свободных земель. Все пригодные для земледелия массивы были распаханы. Порядок единонаследия, по которому феод передавался только старшему из сыновей, превращал остальных наследников в безземельных рыцарей, промышлявших военными авантюрами и грабежом. Сотни мелких феодалов со своими отрядами прятались в лесах, совершая оттуда дерзкие нападения

на окрестные села или обозы проезжих купцов. Нетрудно понять, какие честолюбивые замыслы возбуждали в них рассказы богомольцев, возвращавшихся из святых мест. Безземельному рыцарству поход на Восток представлялся панацеей от всех бед, единственным способом поправить свои дела.

Богатства восточных стран манили и крупную феодальную аристократию, мечтавшую расширить свои владения за счет плодородных левантийских земель, основать там вассальные государства по подобию своих европейских феодов.

Не в меньшей степени в территориальных захватах были заинтересованы итальянские торговые города Генуя, Венеция, Пиза, стремившиеся полностью прибрать к рукам посредничество в торговле между Западом и Востоком. Для этого им необходимо было остановить продвижение турок-сельджуков в Малой Азии и вытеснить из средиземноморских портовых городов своего традиционного конкурента - Византию, которая все еще сохраняла значительное влияние в восточном Средиземноморье. Осуществить эти цели можно было лишь с помощью военных кампаний, и итальянские торговые города выразили готовность организовать снабжение рыцарских армий оружием и продовольствием и на своих судах обеспечить переброску их морем к левантийским берегам.

Католическая церковь, заинтересованная в росте доходов, объявила крестовые походы богоугодным делом. Папство рассчитывало, что военная экспедиция станет первым шагом в осуществлении его главной политической цели - установлении господства над всем христианским миром.

Выступая в 1095 году на церковном соборе в Клермоне, папа Урбан II призвал верующих отправиться в святые места для «освобояедения Гроба Господня». Речь папы вызвала взрыв религиозного фанатизма.

- Бог так хочет! - кричали верующие, тут же нашивая на одежды красные кресты.

Стараясь привлечь к крестовым походам как можно больше людей, церковь объявила о льготах, предоставлявшихся их участникам. Все, кто имел долги, освобождались от их уплаты на время своего пребывания в походе; крепостные, принявшие крест, выходили из-под власти своих господ. Тысячи и тысячи крестьян, доведенных до отчаяния голодом и чудовищной эксплуатацией, вливались в ряды крестоносного ополчения.

Европу охватил невиданный доселе религиозный экстаз. В европейской поэзии даже возник новый жанр - chansons de croisade - песни, пропагандирующие идею крестового похода.

Весной 1097 года отряды крестоносцев, потянувшиеся на

Восток со всей Европы, встретились у стен Константинополя. Попав в Византию, грубые и алчные рыцари, казалось, забыли о своих возвышенных целях. Бессовестно грабя местных жителей, они не особенно спешили к конечной цели своего предприятия - Иерусалиму. Завоевание левантийских городов шло медленно, оттягивалось длительными осадами.

В 1099 году рыцарские ополчения появились у стен Иерусалима. После яростного штурма крестоносцы ворвались в город и учинили жестокую расправу над его жителями. Архиепископ Вильгельм Тирский в своей истории Иерусалимского королевства красочно описывает сцены бессмысленной жестокости крестоносцев, опьяненных полной беззащитностью побежденных. В течение нескольких дней город был свидетелем кровавой оргии, жертвами которой становились женщины, старики, дети. Жестокая непрекращающаяся война мусульман с завоевателями стала основным содержанием последующих веков. Героем мусульманской реконкисты, нанесшим смертельный удар по владениям крестоносцев на Востоке, стал айюбидский правитель Египта Салах ад-дин. Объединив в едином государстве Египет, значительную часть Сирии и Месопотамии, он в 1187 году нанес европейским рыцарям страшное поражение в битве у Тивериадского озера и очистил от них города-крепости Средиземноморского побережья.

В том же году армия Саладина осадила Иерусалим. Пять дней султан кружил вокруг городской стены, выбирая, куда нанести удар. Наконец решено было начать с северной стороны. Там были установлены катапульты, стрелявшие день и ночь, чтобы пробить брешь в стеке. Крестоносцы были преисполнены решимости защитить город.

Но брешь в стене была все-таки пробита. Мусульманская пехота хлынула в проем. Видя, что положение безнадежно, франки направили к Саладину послов, которые предложили сдать город на милость победителя. Но вопреки всем правилам средневековой войны Саладин ответил, что милости не будет.

- Я поступлю с вами точно так же, - сказал он послам, - как поступили вы с жителями Иерусалима, когда взяли его у мусульман. За зло я воздам злом.

От этих слов грубые франкские воины, привыкшие к жестокостям и крови, не могли не содрогнуться. Решено было прибегнуть к хитрости. Находившийся в осажденном городе правитель города Рамля Балэн II попросил у Саладина личной аудиенции.

- О король! - обратился он к Саладину. - Знай, что осажденные не хотят умирать. Но если мы увидим, что смерть

неминуема, то, клянусь богом, мы убьем наших детей и женщин и сожжем все, что есть в городе, не оставив вам ни динара. После этого мы разрушим мечеть Скалы и аль-Акса и другие священные для вас места и убьем мусульманских заложников, а их числом не менее пяти тысяч. И лишь тогда мы умрем, утешившись, что сохранили свою честь».

Это был хитрый маневр, рассчитанный на то, что Саладин не допустит разрушения мусульманских святынь. Расчет оказался верным: египетский султан согласился помиловать франков и предложил им заплатить выкуп за каждого человека.

Договоренность была достигнута, и на городских стенах взвились мусульманские стяги. Саладин не нарушил своего слова, и, хотя кое-где не обошлось без кровопролития, в целом победители проявили великодушие.

Назначенная на тот день пятничная молитва не состоялась. Молитвенный зал знаменитой мечети аль-Акса был залит нечистотами. Оказалось, что рыцари-тамплиеры, издеваясь над религиозными чувствами мусульманских жителей, устроили там солдатскую уборную.

Мечеть Скалы - Ибн Баттута подробно описывает ее в своей книге - расположена в центре вымощенной каменными плитами террасы, приподнятой над площадью Харам аш-Шериф. Пройти к ней можно по широким мраморным ступеням с разных сторон площади.

На Ибн Баттуту мечеть Скалы произвела глубокое впечатление. Пиетет верующего при виде святыни соединился с восторгом ценителя прекрасного, созерцающего одну из жемчужин омейядского искусства, вобравшего в себя строгую монументальность поздней античности и щедрую чувственность сасанидской эпохи.

В этих гулких галереях что ни шаг - воспоминания, исторические параллели. Омар ибн аль-Хаттаб, Абд алъ-Малик ибн Мерван, Саладин, Бейбарс - великие тени шевелятся в полумраке просторной залы, ставшей ровесницей самой истории.

Иерусалим не похож ни на какой другой город. Две большие пересекающиеся улицы делят его на четыре части, и каждая - отдельный квартал со своей историей, обычаями и порядками. На северо-западе, где находится храм Гроба Господня, обосновались христиане.

На северо-востоке живут мусульмане, на юге ˆ иудеи, и в каждом подворье круглый год столпотворение паломников, сходящихся со всего света в этот удивительный город, где каждый камешек связан с той или иной легендой Ветхого или Нового завета, с коранической притчей. Кривые, узкие мощеные улочки,

зажатые каменными домами с гнездами резных балконов, похожи одна на другую, но есть среди них одна - via dolorosa, куда назойливые проводники в первую очередь тащат христианских паломников, чтобы в тысячный раз повторить скорбный путь от дома Пилата до Голгофы…

Рассказывая об Иерусалиме, Ибн Баттута вскользь упоминает о вретище, надетом на его плечи одним из местных суфийских шейхов. Облачение в грубошерстный хитон - составная часть посвящения в факиры, следовавшая обычно после длительного искуса, в течение которого послушник показывал свое смирение и высокие моральные качества. Такая честь не покупалась ни деньгами, ни знатностью, и этот эпизод - яркий штрих к портрету молодого паломника, который, по-видимому, не терялся ни в какой обстановке и повсюду умел преподнести себя в самом выгодном свете.

Из Иерусалима Ибн Баттута направился на север Палестины, в Галилею. Всюду ему встречались развалины крепостей и некогда цветущих городов - печальные следы недавних кровавых сражений. Несколько лучше сохранилась Табария - историческое место на западном берегу живописного Тивериадского, или Гениссаретского, озера, где в 1187 году Саладин наголову разбил крестоносное войско под началом иерусалимского короля Гвидо Лузиньяна. Груда камней неподалеку от деревни Айн ат-Табига, укрывшейся в одной из озерных бухт, являлась местом паломничества христиан, считавших, что здесь некогда находилась легендарная Вифсаида.

Разумеется, библейские реминисценции менее всего волновали Ибн Баттуту. Он, правда, упоминает о могилах пророков в одной из мечетей Табарии, но главное, что привлекает его внимание, - это роскошные бани, построенные у горячих источников в южной части города. В античные времена в Тивериадские бани наведывались римские патриции и легионеры. Считалось, что горячая, насыщенная минеральными солями вода исцеляет от ревматизма и возвращает бодрость духа и ясность ума.

Дорога шла берегом моря. Справа тянулись крутые, поросшие вечнозелеными лесами склоны Ливана с вершинами, покрытыми снежными шапками. За много веков до нашей эры здесь в портовых финикийских городах кипела шумная торговая жизнь. Египтяне, хетты, ассирийцы, вавилоняне, греки, персы, римляне, арабы - какие только завоеватели не приходили сюда, привлекаемые богатствами Древней Финикии и ее удобным расположением на перекрестке торговых путей!

Судьбы городов похожи на судьбы людей. Города рождаются,

растут, расцветают, проходят период зрелости, дряхлеют, погибают, превращаются в руины, оставаясь жить лишь в воспоминаниях современников и исторических хрониках. Волею исторических обстоятельств заштатные города становились столицами могущественных государств, а некогда цветущие столицы теряли самобытность и блеск, покрывались плесенью провинциальной скуки и превращались в захолустья.

«Маленький городок с хорошими рынками и красивой мечетью, - писал Ибн Баттута о Бейруте. - Отсюда в Египет везут фрукты и железо».

Зато Баальбеку, Хомсу, Хама и даже Маррат ан-Нуа-ман, который сегодня отыщешь разве что на крупномасштабной карте, в книге Ибн Баттуты посвящены пространные описания.

Драматически сложилась судьба Триполи, который в мамлюкском государстве был столицей одной из шести провинций, или, как их тогда называли, королевств. В начале XII века город стоял на полуострове и с трех сторон был окружен морем. Во время шторма волны перекатывались через крепостные стены и мириадами брызг обрушивались на стены домов, покрывавшихся из-за этого тонкой соляной коркой. С востока город был защищен глубоким рвом и зубчатой стеной с бойницами. Вдоль стены стояли мощные катапульты, стрелявшие каменными глыбами и снарядами с греческим огнем.

Посреди города возвышалась соборная мечеть с мраморным бассейном для омовения, вокруг нее четырех-, пяти- и даже шестиэтажные дома по обеим сторонам чистых, утопающих в зелени улиц. Коммерческим центром города был, разумеется, порт, куда заходили груженные товарами корабли из Рума, Франгистана, Андалузии и Магриба. В таможне с иностранных купцов брали десятину, которая отчислялась в султанскую казну.

Но Триполи жил не только торговлей. Широкой известностью пользовались его богословы, ученые, каллиграфы, врачи. Город даже имел свой Дом знания на манер домов мудрости и наук в Багдаде и Каире. Известный рыцарь-феодал и писатель XII века Усама ибн Мун-кыз в своей «Книге назиданий» приводит такой эпизод. Когда в 1109 году Триполи был взят крестоносцами, эмиры из соседних владений немедля отправились к победителям выкупать пленников. И каковым же было удивление малограмотных европейских рыцарей, когда выяснилось, что речь идет о вызволении из плена не воинов и даже не женщин, а двух седобородых старцев - ученого и каллиграфа.

«Только одна черта проводит резкую грань между Востоком и Западом, - писал об этом замечательный русский арабист И.Ю. Крачковский. - Эта грань настолько ясна, что сразу можно

разглядеть, где в эту эпоху культура выше - в Европе или Азии. Черта эта - культура ума, потребность в ней и органическая связь ее с жизнью…»

В 1289 году Триполи был освобожден от крестоносцев египетским султаном Ашрафом Халилем, старшим братом и предшественником султана Насира. Ибн Баттута, правда, называет освободителем города мамлюкского султана Бейбарса Арбалетчика, но это ошибка, хотя и знаменательная: султан Бейбарс, о подвигах которого слагались фольклорные эпические циклы, настолько прочно вошел в народное сознание в образе неустрашимого героя мусульманской реконкисты, что молва относила на его счет все победы в войне с франками.

В ходе осады старый Триполи был, очевидно, разрушен, и некоторое время спустя по соседству с ним вырос новый город. Именно здесь остановился Ибн Баттута, в Дервишской обители на склоне высокой горы, в нескольких милях от побережья, неподалеку от сожженного при осаде и восстановленного вновь замка крестоносцев Сен-Жилль.

Переместившись с полуострова в предгорье, город обрел новую жизнь, и таким его застал Ибн Баттута летом 1326 года.

Следующая остановка на пути в Дамаск - Хама, древняя Эпифания, городок в долине бурной горной речушки Оронт. Долину Оронта Ибн Баттута назвал самой живописной в Сирии. Узкой гибкой лентой река извивается в теснине между склонами двух горных цепей, покрытых густыми зарослями плюща, дикого винограда, лавров, смоковниц и платанов. В XIV веке Хама была центром султаната, управлявшегося последними отпрысками знаменитого курдского рода Айюбидов, которые считались вассалами египетского султана. Достаточно странно, что Ибн Баттута, хранивший в памяти имена десятков мелких правителей, сотен ничем не примечательных провинциальных законоведов, проповедников и судей, не упомянул в своей книге тогдашнего султана Хама, известного арабского историка и географа Абуль Фида. Можно лишь предположить, что либо правитель был в то время в отъезде, либо по каким-то причинам не счел нужным встречаться с нашим путешественником. В противном случае память о такой встрече Ибн Баттута сохранил бы надолго: любознательный магрибинец и знаменитый географ наверняка нашли бы о чем поговорить.

В Хама Ибн Баттуту особенно поразили гигантские водяные колеса - науры, поднимавшие воду из реки к желобам каменных акведуков. Ибн Баттута сравнил эти колеса с вращающимся небосводом.

Ибн Баттута впервые в этих местах, но ему кажется, что он

неоднократно бывал здесь прежде. Каждая гробница, крепость, мечеть воспета в стихах великих поэтов, описана в многотомных сочинениях путешественников и летописцев.

Халеб знаком Ибн Баттуте по книге валенсийского поэта и путешественника XII века Ибн Джубейра, составившего непревзойденные по своей выразительности и точности описания Египта, Сирии, Аравии, Ирака.

В центре города на искусственном холме возвышается знаменитая цитадель с железными воротами, с прямоугольными башнями, нависающими над глубоким рвом. Крепость, в которой было два колодца, могла выдерживать длительные осады и славилась своей неприступностью. Даже монголы, под тяжелой пятой которых хрустели и осыпались древнейшие укрепленные города, дважды - в 1299 и в 1300 годах - уходили отсюда ни с чем, оставляя у насыпи горы трупов и деревянные обломки грозных осадных машин.

В XIV веке Халеб был еще процветающим торговым городом. Ибн Баттута отмечает его богатые крытые базары, огромную киссарию, раскинувшуюся вокруг соборной мечети с мраморным бассейном и минбаром из инкрустированного слоновой костью эбенового дерева, его духовные школы и больницу-маристан наподобие той, что он видел в Каире, фруктовые сады, окружающие город со всех сторон, и виноградники, тянущиеся в предместьях вдоль берега Оронта.

- Этот город, - восклицает Ибн Баттута, - мог бы быть столицей халифата!

Столицей халифата Халеб никогда не был, и в истории прославился он другим. В X веке город служил резиденцией маленькой арабской династии Хамданидов, вокруг которых собралась блестящая плеяда поэтов, литераторов и ученых. Здесь, при дворе хамданидского правителя Сейф ад-Дауля, несколько лет провел величайший поэт арабского мира аль-Мутанабби, писал свои трактаты один из крупнейших мыслителей средневековья аль-Фараби, учился слепой поэт и философ аль-Маарри, человек беспощадной искренности, поднявшийся над предрассудками своей эпохи и бросивший смелый вызов лицемерию и несправедливости.

В мамлюкский период Халеб в значительной степени утратил свое значение, превратился в окраину, беспрекословно подчинявшуюся любому приказу из Каира. Наместником здесь Аргун Давадар. Тот самый, что месяцем раньше вышел из Каира в качестве эмира-хаджи, сопровождая к святым местам монгольскую хатунь. Образованного, утонченного эмира, как магнит, притягивал блеск каирского двора, и в Халебе он бывал

редко, наездами, лишь если того требовали неотложные дела.

Во время путешествия по Северному Ливану на пути Ибн Баттуты попадались неприступные крепости, построенные на развалинах византийских фортификационных укреплений. Мрачные и одинокие, безжизненно глядящие с крутых склонов пустыми глазницами поросших травою бойниц, они напоминали покинутые орлиные гнезда. И лишь свежие следы на красноземе узких, теряющихся в траве тропинок свидетельствовали о том, что там, на почти заоблачной высоте, продолжалась какая-то своя, непонятная непосвященному жизнь.

«Это крепости секты, называемой исмаилитами, - пишет Ибн Баттута. - Их еще называют федаями. Их не посещает никто из посторонних, и они - стрелы султана Насира, которыми он поражает своих врагов в Ираке и других странах. У них есть свои степени. Когда султан Насир хочет послать кого-либо из них для убийства своего врага, он выделяет убийце дию - выкуп за кровь. Если федаю удается сделать то, что от него требовалось, он берет этот выкуп себе; если же он погибает при исполнении задания, деньги остаются его сыну. Они пользуются отравленными кинжалами, которыми поражают того, кого им приказано уничтожить…»

Ибн Баттута имеет в виду секту неоисмаилитов, или ассасинов, конспиративную организацию крайних шиитов, которая в XI-XII веках действовала на территории Северной Сирии, Ирака и Ирана, наводя ужас тайными убийствами своих политических противников.

Начало неоисмаилистского движения относится ко второй половине XI века. Лидером новой религиозной организации стал некто Хасан-и-Саббах, перс по происхождению, бывший зороастриец, добровольно перешедший в ислам. С помощью группы своих сподвижников Хасан-и-Саббах в 1090 году овладел горной крепостью Аламут, которая сделалась резиденцией исмаилитской верхушки. Действуя то хитростью, то силой, неоисмаилиты за несколько лет овладели многими крепостями, феодальными замками, укрепленными городами в различных частях Ирана.

Как всякое тайное общество, секта имела свой разработанный ритуал посвящения и несколько иерархических степеней, связанных принципом беспрекословного подчинения нижестоящих высшим. Во главе секты стоял Гроссмейстер, за ним следовали Великий проповедник, проповедники, сподвижники - рафики, примкнувшие - ласики и, наконец, рядовые члены - федаи, готовые в любую минуту пожертвовать жизнью по приказу вождей.

Высшая тайна, «внутренняя», эзотерическая доктрина неоисмаилизма полностью была доступна лишь высшим чинам секты.

Слепо веровавшие в безграничное могущество своих вождей и в обещанное ими райское блаженство в награду за послушание и преданность, федаи, в большинстве своем юноши из простолюдинов, составляли корпус тайных убийц, приводивших в исполнение приговоры духовных отцов секты.

Террористическим актам предшествовала длительная подготовка, в ходе которой молодые фанатики обучались владению оружием, методам конспирации и нередко иностранным языкам. Совершив убийство, федаи, как правило, не пытались скрыться и часто погибали под страшными пытками, убежденные, что обеспечили себе вечное блаженство в райских садах с их журчащей родниковой водой, сказочными дворцами и пышнотелыми красавицами-гуриями. Они, разумеется, и не догадывались, что согласно «внутренней» доктрине их секты рай - это всего лишь аллегория высшей степени познания и духовного совершенства.

Адептов неоисмаилизма современники называли хашшашинами, что означает «употребляющие гашиш». Считалось, что низаритские иерархи одурманивали юношей-федаев наркотиками, чтобы вызвать у них видения райских садов, которые ожидали мучеников, погибших за веру. Это широко распространенное мнение не подтверждается никакими фактами, но слово «хашшашин», переделанное франками в «ассасин», вошло во многие европейские языки в значении «убийца».

В числе жертв убийц-ассасинов были халифы, крупные феодалы, богословы, ученые, вожди религиозных сект, потомки дома пророка. Отравленные клинки обратились и против крестоносцев. В XIII веке секта стала постепенно распадаться, ее влияние ослабло в Ираке, а затем в Сирии. В 1256 году последний иранский Гроссмейстер Рукн ад-дин без сопротивления сдал главную исмаилитскую крепость Аламут вторгшемуся в Иран монгольскому хану Хулагу. Мощный удар по сирийским исмаилитам нанес мамлюкский султан Египта Бейбарс. В 1272 году он завоевал горную крепость Мисъяд - главный центр секты в Сирии и, захватив исмаилитскую агентуру низших степеней, в течение некоторого времени использовал ее в своих политических целях.

Судя по сообщению Ибн Баттуты, услугами тайных убийц не гнушался и султан Насир. Зная об этом, его политические противники нигде не чувствовали себя в безопасности * .

В небольшом ливанском городке Джебля, раскинувшемся в

горах в одной миле от берега Средиземного моря, Ибн Баттута посетил могилу Ибрахима аль-Адхама, одного из наиболее ранних и почитаемых мусульманских святых.

Культ святых, корни которого восходят еще к доисламским верованиям арабов и персов, не поощрялся первосвященниками ислама. Допуская возможность святости некоторых подвижников, они считали предосудительным любое поклонение им или их могилам. С превращением ислама в религию развитого феодального общества народные верования о существовании посредников между богом и людьми нашли свое воплощение в культе святых, который в X-XIII веках был официально признан рядом ведущих богословских школ.

Культ святых вызвал к жизни традицию паломничества к их гробницам и празднования дней их рождения, официально занесенных в религиозные календари. При могилах, как правило, строились мавзолеи, мечети и странноприимные дома, которые имели весьма немалые доходы от богомольцев и паломников.

Житие святого Ибрахима аль-Адхама, могилу которого посетил Ибн Баттута, является великолепным образчиком морально-этических идеалов мусульманского плебса в период усиливающегося классового и социального размежевания в халифате.

Центральная фигура жития не сам святой, а его отец Адхам, чудесная история которого согласно преданию началась в Бухаре. Однажды, совершая омовение на берегу небольшого ручейка, журчавшего в тени густого фруктового сада, Адхам заметил яблоко, которое, увлекаемое потоком, плыло прямо в его руки. Почтенный богомолец принял этот дар, посланный ему судьбой, но, вкусив от плода, решил все-таки выяснить, кому принадлежало дерево, с которого перезревшее яблоко упало в ручей. На его стук вышла рабыня, которая объяснила, что половина сада является собственностью ее госпожи, а другая - владения султана. Заплатив за половину съеденного им яблока, Адхам поспешил в Балх, где, по слухам, находилась султанская ставка.

Выслушав Адхама, султан был поражен его беспримерной честностью. На фоне жестоких нравов того времени, когда жажда обогащения толкала людей на кровопролитие и разбой, страдания молодого богомольца по поводу половинки яблока, взятого им из чужого сада, казались подвигом совести, не запятнанной ни одним из земных грехов.

У султана была красавица дочь, к которой ежедневно сватались сыновья эмиров и правителей сопредельных государств. Все они уезжали ни с чем, и лишь Адхам удостоился

любви луноликой принцессы. Она полюбила его за набожность и благочестие, и, уступая ее воле, султан дал согласие на брак.

Свою первую брачную ночь Адхам провел в молитвах и после этого продолжал молиться еще семь дней и ночей. На восьмой день терпению султана пришел конец.

- Я не отпущу тебя, - сказал он Адхаму, - пока ты не войдешь к своей жене.

В ту ночь Адхам исполнил свой супружеский долг и, совершив омовение, снова принялся за молитву. Вскоре он умер, обращая к аллаху жгучую проникновенную мольбу о прощении, а через девять месяцев султанская дочь родила мальчика, которого назвали Ибрахимом.

Ибрахим, сын Адхама, был признан носителем особой благодати, ниспосланной ему свыше и сделавшей его посредником между земными тварями и господином миров.

Верил ли Ибн Баттута в чудеса? В чудотворчество отшельников и аскетов, в их особую благодать и способность угадывать прошлое и провидеть будущее? Воспринимал ли он всерьез чудесные исцеления, влияние звезд на судьбы людей и государств, гадание на песке, пророческие сновидения?

Да, верил и воспринимал всерьез. И в этом нет ничего удивительного. Средневековому человеку вообще было свойственно легковерие, и, как пошутил один известный медиевист, в объяснении нуждались не чудеса, а их отсутствие.

Для мусульманина мир был таким, каким его видел Коран - единственная книга, авторитет которой был абсолютен и непререкаем. Отсюда истинным считалось лишь то, что соответствовало его догматам; все прочее оставалось за пределами кругозора, а если и попадало в него, то признавалось нелепицей, чепухой, вздором. Средневековому обществу довлело коллективное сознание; самостоятельное мышление, пробивающее бреши в скорлупе традиционных представлений, встречалось крайне редко, и многое из того, что сегодня представляется самоочевидным, тогда существовало в форме гениальных догадок, казавшихся современникам ересью и абсурдом.

Известно, что ислам поощрял путешествия, но хотя географический кругозор арабов в XIV веке был уже весьма обширен, даже самым образованным людям мир виделся мозаичным и фрагментарным. Факты переплетались с вымыслом, серьезное со смехотворным, и слухи, разносимые купцами и паломниками, принимались на веру, без критического отсева. Мир был обширен, но не был един. Разрозненные звенья предстояло собрать, соотнести одно с другим, поставить рядом,

склеить и получить целостную картину мира, многообразного и единого в непрекращающемся сложном взаимодействии его частей.

Разумеется, Ибн Баттута не думал об этом, когда вечерами при колышущемся свете свечи неторопливо переносил свои дневные впечатления на шелковистую поверхность самаркандской бумаги. Ему и в голову не приходило, что, когда много лет спустя он продиктует последнюю строку своих воспоминаний, неожиданно выяснится, что ему суждено стать единственным среди людей, хранящим в памяти если не весь населенный мир, то, безусловно, большую его часть…

* * *

В Дамаске Ибн Баттута пробыл чуть более двадцати дней. Этого хватило как раз, чтобы завести полезные связи и подготовиться к изнурительному переходу через пустыню с паломниками, которые собирались в путь в самом начале шавваля.

Неудивительно, что описание Дамаска Ибн Баттута начинает со знаменитых фруктовых садов Гуты: стояла августовская жара, и именно здесь, в тени орешников, персиковых, абрикосовых и гранатовых деревьев, вечерами собиралось полгорода. На закате ручейки, сбегающие сюда с отрогов Антиливана, вспыхивали струйками огненной лавы на траве, вдоль извилистых берегов расстилались коврики, циновки, маты, и почти до рассвета не умолкали смех, песни, шепоты, визг ребячьих голосов.

В выходные дни гулянье начиналось с самого утра. После полуденной молитвы, когда солнце входило в зенит и утопающие в траве каменные надгробия пылали, как жаровни, Гута на несколько часов погружалась в тяжелый дурманящий сон и оживала лишь к предзакатной молитве, повинуясь заунывной перекличке муэдзинов с окрестных минаретов.

Ибн Баттута с женой и спутниками остановился в меликитском медресе аш-Шарабшия. Многодневное путешествие подорвало его силы, и его вновь свалил приступ лихорадки. Страдания Ибн Баттуты усугублялись тем, что в самый разгар летнего зноя начался рамадан, и, хотя Коран считает болезнь достаточным основанием для нарушения поста, верный привычке во всем аккуратно следовать предписаниям пророка, он стойко переносил голод и жажду и как мог скрывал от окружающих свой недуг.

В Дамаске у него появились новые друзья. Особенно любезен и добр был учитель медресе Нур ад-дин ас-Сахави. С ним Ибн Баттута провел несколько праздничных ночей за трапезой и неторопливой беседой. Узнав о болезни молодого паломника, ас-

Сахави чуть ли не насильно уложил его в своем доме и вызвал лучшего лекаря. Домашний уход и снадобья, прописанные именитым эскулапом, сделали свое дело, и в канун малого байрама Ибн Баттута мог уже совершать прогулки по городу.

Неистощимая любознательность ведет молодого магрибинца из квартала в квартал, от мечети к мечети. Далекое и недавнее прошлое, события сегодняшнего дня, лекции известных богословов и свежие городские сплетни - все привлекает его внимание, жадно впитывается памятью, вызывает участие и интерес.

Месяцы странствий заметно истощили его кошелек, и несколько серебряных дирхемов в привязанном к поясу Шелковом платке позвякивали, возвращая его к печальным размышлениям о завтрашнем дне. Но долго печалиться ему не пришлось - тот же добросердечный ас-Сахави, невесть откуда прослышавший о материальных затруднениях своего юного друга, исподволь готовил ему сюрприз. Как-то утром Ибн Баттута увидел у глиняной изгороди тюки с фуражом и сложенные стопкой пустые кожаные мехи. На вопрос, что все это значит, ас-Сахави с притворным недоумением развел руками. Но когда вечером того же дня на заднем дворе появились безучастные к проклятьям погонщиков, седые от пыли верблюды, Ибн Баттута вдруг понял, что учитель богословия делает ему подарок, которого он не заслужил. После долгих препирательств было условлено, что верблюдов и провиант Ибн Баттута берет в долг, который вернет при первой оказии, и, хотя гость и хозяин мало верили в такую возможность, ас-Сахави все-таки всучил Ибн Баттуте кожаный мешочек с дирхемами, и тут уже молодой паломник не удержался от слез.

Как-то вечером Ибн Баттута был приглашен на обед к одному из крупных чиновников султана, Имад ад-дину Кайсарани. Весть о пребывании в Дамаске ученого магрибинца дошла до почтенного канцеляриста, и он велел своим людям во что бы то ни стало разыскать Ибн Баттуту и условиться о встрече с ним.

Кайсарани принимал своего гостя в саду, где по этому случаю расстелили огромный ширазский ковер. В четырех углах его слуги поставили начищенные до блеска бронзовые светильники, в центре - медную чашу с фруктами, окаймленную гирляндой из жасминов и роз. Рядом с подушками поблескивали в тени стеклянные вазы для очистков.

Как полагалось, слуги принесли глубокий таз и кувшинчик с водой.

Взяв тремя пальцами правой руки горячую лепешку, Кайсарани подхватил ею самый лакомый кусочек баранины и

протянул его Ибн Баттуте. За ужином он как мог развлекал своего гостя, рассказывал ему городские новости и лишь в конце, не удержавшись, стал жадно расспрашивать о Каире, разлука с которым, по-видимому, была мучительна для него.

В те дни весь Дамаск говорил о недавнем аресте Ибн Таймийи, крупного богослова ханбалитской школы, известной своим буквализмом в истолковании Корана и непримиримостью к любым новшествам. В своих страстных, зажигательных проповедях и лекциях Ибн Таймийя призывал к полному слиянию духовной и светской власти, гневно осуждал поклонение святым, веру в их чудотворчество и культ их гробниц, едко высмеивал мистическую практику и изощренные ритуалы суфийских сект.

В мечетях, где он выступал, собирались многотысячные толпы. Слушая проповеди, люди дивились его прямоте и смелости, переглядывались, покачивая головами. Перебранки между сторонниками и противниками Ибн Таймийи нередко доходили до рукопашной, и всклокоченных, измазанных кровью забияк волокли к судье, который приказывал бить их плетьми, что исполнялось немедленно, к величайшему удовольствию толпы.

За свою строптивость Ибн Таймийя дважды попадал в тюрьму. В третий и последний раз он был схвачен в июле 1326 года, за месяц до приезда Ибн Баттуты в Дамаск.

Ибн Таймийя умер в темнице в 1328 году. Несколько веков спустя его идеи легли в основу религиозно-реформаторского учения ваххабитов, по сей день являющегося официальной идеологией Саудовской Аравии…

Ибн Баттута с волнением слушал рассказ Кайсарани о горестной судьбе бесстрашного богослова. По отдельным ремаркам в его книге странствий можно догадываться, что Ибн Баттута, принадлежавший к последователям иного, маликитского толка в исламе, тем не менее относился к Ибн Таймийи с величайшим почтением. Приехавший в Дамаск лишь в августе, Ибн Баттута, разумеется, никак не мог видеть Ибн Таймийю, который к тому времени уже три недели томился в подземной темнице. Тем не менее в своей книге Ибн Баттута пишет, что в одну из пятниц присутствовал на проповеди Ибн Таймийи.

Вряд ли эта обмолвка объяснима ошибкой памяти. Куда уместней предположить, что здесь нашим путешественником руководило тщеславие. Авторитет Ибн Таймийи в мусульманском мире был столь высок, что Ибн Баттута, по-видимому, не удержался от искушения прихвастнуть, что лично видел опального законоведа. Сообщая об этом, он, очевидно, был уверен, что вряд ли кому-нибудь удастся его проверить.

Но Ибн Баттуту все-таки проверили. Сделал это наш современник, дотошный чешский арабист И. Хрбек. Сопоставив приводимые Ибн Баттутой даты с реальными историческими событиями, он неопровержимо доказал, что эпизод встречи с Ибн Таймийей является плодом воображения Ибн Баттуты, надеявшегося таким способом поднять свой авторитет в глазах читателей.

Однако не будем слишком строги к нашему герою. Отнесем некоторые накладки за счет его пылкой страсти познать все, чем жил в его эпоху многоязыкий и разношерстный мусульманский мир, и донести до современников каждое событие - великое или малое, - временами непроизвольно украшая его узорами воображения и фантазии. Простим ему это, ибо чему же, как не его неистощимой любознательности, мы обязаны нашей сегодняшней прогулкой по городам и странам, отделенным от нас временной дистанцией в шесть веков.

«Ненасытными бывают двое: стремящийся к богатству и стремящийся к знанию», - утверждает старая арабская поговорка. Тяга к расширению знаний не покидала Ибн Баттуту даже в те дни, когда в его кошельке, как выражаются арабы, «гулял ветер» и будущее не сулило ни выгоды, ни прибытка.

В самый разгар знойного рамадана 1326 года, когда люди завидовали неразумным ишакам, утолявшим жажду из грязных луж, Ибн Баттута, пошатываясь от лихорадки, ежедневно отправлялся в мечеть слушать комментарий Ибн Шихна аль-Хиджази на книгу известного законоведа аль-Бухари, считавшуюся основным источником по мусульманскому праву. Прослушав разъяснения сирийского богослова по 3450 разделам книги, Ибн Баттута не преминул получить от него письменное свидетельство, которое давало ему право впредь самому комментировать этот труд от имени учителя.

К концу путешествий у Ибн Баттуты набрался целый ворох таких дипломов. Куда бы ни приезжал Ибн Баттута, повсюду старался он пополнить свои знания. Слушал лекции знаменитых ученых, подолгу беседовал с суфийскими шейхами, принимал участие в шумных диспутах по спорным вопросам догматики и права. В те времена заявить: «Я учился у такого-то…» - было лучшей аттестацией, открывавшей доступ в самые высшие сферы общества. Воспитанник дюжины известных ученых в значительной степени разделял их славу, и чем громче и авторитетнее было имя наставника, тем больше возможностей открывалось перед учеником. В средневековом мусульманском мире ценился энциклопедизм. Широта знаний ставилась превыше всего, и критерием учености было не самостоятельное научное

мышление, а количество общепризнанных источников, которыми овладевал тот или иной школяр. Разумеется, весь корпус богословских и светских наук в силу своей необъятности был недоступен одному человеку, и тысячи «вечных студентов» чуть ли не всю свою жизнь находились в пути, переходя из города в город, от одного учителя к другому. Ученые хвастались друг перед другом числом наставников, которых они прослушали, и в выигрыше оказывался тот, кто мог предъявить дипломы, содержащие созвездия громких имен.

Широкая образованность молодого танжерского шейха сразу же бросалась в глаза всем, с кем ему приходилось общаться, и именно это ставило его над людьми, которые разделяли с ним тяготы дальних странствий. В любой компании - будь то паломники или купцы - Ибн Баттуте принадлежало особое место; и где бы ни останавливались караваны на постой, его в первую очередь приглашали в свои дома местные правители, чиновники, ученые, судьи, знатные горожане.

…1 сентября 1326 года караван паломников вышел за городские ворота. Во главе колонны на белом коне ехал эмир-хаджи Джубан аль-Мансури, за ним рядами по четыре отряд мамлюков, предназначенный для охраны каравана.

В небольшой деревушке аль-Кисва, в нескольких милях от Дамаска, Ибн Баттута простился с женой. Она была беременна, и тяготы предстоящего путешествия оказались бы ей не под силу. Много лет спустя, находясь в Дели при дворе султана Мухаммеда Туглака, узнает Ибн Баттута от заезжего сирийского купца, что женщина, оставленная им в Сирии, родила сына. Он пошлет ей несколько золотых динаров и дорогие индийские украшения и в тяжелые минуты не раз еще вспомнит о ней и о мальчике, которого никогда не видал. Через двадцать лет он вновь посетит Дамаск и будет ходить от мечети к мечети, расспрашивая знакомых имамов о местонахождении своей семьи. И узнает, что нет на свете ни жены, ни сына, и печальное это известие неизбывной горечью ляжет на сердце, долгие годы не знавшее иных забот, кроме жажды идти от горизонта к горизонту, познавая города, мир, людей…

Вдоль старой римской дороги, тянущейся на юг от Дамаска, стелются клубы пыли. Голова колонны, где Дремлет, покачиваясь в паланкине, великий эмир Джубан аль-Мансури, медленно втягивается в предместья Босры, а многие из тех, что в хвосте, еще прощаются с родственниками у южных ворот Дамаска.

Сорок тысяч паломников, охраняемые отрядом из шестидесяти мамлюков, нескончаемой вереницей движутся по знойному тракту. Еще в Дамаске колонну поделили на отряды, у

каждого отряда свой шейх, свои погонщики и слуги, плетущиеся с обозом. Публика побогаче мирно посапывает в уютных верблюжьих седлах, кто победнее - до крови натирает затекшие ягодицы о спины безропотных ишаков, есть и такие, кто топает пешком, экономя копившиеся годами дирхемы, которые пригодятся, когда караван вступит в пустыню, где поневоле придется брать в аренду мула или осла.

Первая крупная остановка в Босре. Здесь караван стоит четыре дня, пополняя запасы питьевой воды и провианта и поджидая тех, кто отстал в пути.

Босра - древний римский город, столица Хаурана, находящегося на стыке возделываемых земель и пустыни. С незапамятных времен здесь останавливались караваны, возившие пряности и другие йеменские товары из Мекки в Дамаск. Наведывался сюда и пророк Мухаммед в те годы, когда бедным погонщиком служил у своей будущей жены, богатой мекканской купчихи Хадиджи. Считается, что именно в Босре произошла его знаменитая встреча с христианским монахом Бахирой, который предсказал ему будущую пророческую миссию.

К югу от Хаурана насколько видит глаз тянется беспредельная и безмолвная лавовая пустыня с островками пологих холмов, на которых кое-где встречаются полуразрушенные верстовые столбы с непонятными франкскими надписями, и это единственное, что напоминает о существовании человека, веками пытавшегося освоить эти безжизненные просторы.

Здесь, на краю пустыни, римляне строили крепости, защищавшие южные рубежи провинции от набегов бедуинских племен. В зимний период, когда песок покрывается пушком скудной растительности, бедуины кочуют в глубинных районах, питаясь дичью и верблюжьим молоком. В засушливые летние месяцы они пробираются на север и словно саранча проносятся вдоль южной кромки Хаурана, промышляя обменом с местными жителями, но чаще грабежом. Особенно страдали от неожиданных налетов купцы и паломники, которых пираты пустыни порою в буквальном смысле раздевали догола.

Нацеливая в грудь онемевшего от страха путника острие длинного индийского копья, бедуин обычно приказывал:

- Раздевайся, ибо твоя тетка совсем голая!

Под теткой они имели в виду свою прародительницу Агарь, изгнанную в пустыню библейской Саррой, матерью Исаака, считавшегося ими родоначальником всего оседлого люда. Отсюда грабеж рассматривался бедуинами как возвращение добра, незаконно отнятого Исааком у Исмаила.

Спасти от полного разорения мог только щедрый выкуп, и со временем обычай выплачивать дань шейхам кочевавших в этом районе бедуинских племен был взят за правило всеми, кто рассчитывал в целости добраться до места назначения…

Еще четыре дня караван стоял у стен Карака - «Вороньего замка», построенного крестоносцами в 1145 году и отвоеванного у них Саладином. При мамлюках Карак стал центром отдельной провинции, и замок превратился в тюрьму для опасных государственных преступников. В течение нескольких лет в нем скрывался юный султан Насир, сброшенный с престола в результате заговора придворных мамлюков.

В Караке караван наполнял водою кожаные мехи - готовился к переходу через пустыню, которая начиналась сразу же за Мааном, «последним сирийским местечком», по словам Ибн Баттуты.

Переход через пустыню - тяжелое испытание. Не всем паломникам суждено вынести его. Каждое паломничество уносило десятки и сотни человеческих жизней, и история знает случаи, когда в красных песках Нефуда погибали целые караваны.

Перед выступлением шейхи отрядов съезжаются к эмиру-хаджи за инструкциями. Он подробно разъясняет им предполагаемый маршрут, число и порядок стоянок, значение условных сигналов, употребляемых во время движения. Днем приказания, как правило, передаются по цепи, ночью - при помощи длинных шестов, на которые в оговоренном порядке вешаются сигнальные лампы. У каждого отряда особое расположение ламп, образующее различные фигуры: овалы, треугольники, квадраты, круги. Лампы представляют собой подвешиваемые на цепочках медные жаровни, в которых жгут сухие дрова. В ночной темноте огни хорошо видны издалека и служат надежным ориентиром для тех, кто идет сзади или случайно сбился с пути.

Погружая в раскаленный песок толстые, не боящиеся ожогов подошвы, верблюды идут рядами по четыре. Шейх отряда полулежит на носилках, которые несут два верблюда - один спереди, другой сзади. Носилки обтянуты пропитанной воском тканью и застланы накидкой из дорогого зеленого сукна. Рядом с носилками шейха позвякивают, покачиваясь на боках крепкого вьючного верблюда, два оправленных серебром сундучка с казной. Каждый из верблюдов несет два вьюка: один с провизией, другой с товарами, которые состоятельные паломники берут с собой для продажи в святых местах.

В жаркие месяцы караван движется ночью, а днем отдыхает. И лишь при самых опасных переходах, когда две соседние

станции находятся на значительном удалении друг от друга, движение происходит круглые сутки с пятьючасовыми остановками для молитв. Во время этих остановок верблюдов не развьючивают, но разрешают им опуститься на песок. В полночь им дают еще одну часовую передышку, освобождая от тяжелой поклажи.

Издревле замечено, что верблюды веселее идут под музыку или пение, очевидно помогающее им сохранять один и тот же монотонный ритм. Для этого на верблюжьи бока, а иногда на шею и на ноги вешают маленькие колокольчики, а погонщики, как правило, идущие пешком, часами исполняют заунывные, одним только им известные песни. Считается, что из этих незамысловатых песен, в которых погонщик старательно перечисляет все попадающие в поле его зрения предметы, родилась бедуинская поэзия, лежащая в основе поэтической культуры арабов.

Пустыню Нефуд арабы называют «бахр била ма», что означает - «безводное море». От вязкого красноватого песка пышет жаром, при малейшем дуновении оп поднимается веером, оседает на ресницах, забивается в уши, хрустит на зубах. Раскаленный воздух обжигает легкие, и лишь в воде - теплой, мутноватой, солоноватой, нежно побулькивающей в бурдюках - спасение от этой безмолвной смерти, подстерегающей человека на каждом шагу.

Люди обессилены, но короткие молчаливые привалы в пустыне никого не радуют. Едва переводя дух, каждый с нетерпением ждет сигнала, чтобы продолжить движение к далекому рубежу, за которым животворная влага источника - единственный символ жизни среди неподвижности песков.

На третий или четвертый день запасы воды на исходе. С унынием поглядывая на пустые, покрывшиеся песчаной коркой бурдюки, паломники приподнимаются в седлах, стараясь обнаружить в однообразном ландшафте хотя бы одну примету близкого оазиса или кочевья. В души людей закрадывается страх, и они снова забываются в тревожной полудреме и вздрагивают, сбрасывая оцепенение, когда накатом идет от головы колонны к хвосту радостное рычание верблюдов, увидевших вдали каменистые утесы и за ними зеленый спасительный островок финиковой рощи.

В Табуке караван встречают водоносы.

«Они становятся у источника, - пишет Ибн Баттута, - держа в руках мехи из воловьей кожи, и из них поят верблюдов и наполняют протянутые им бурдюки. За небольшую плату водоносы напоят твоего верблюда и пополнят твои запасы воды».

Четверо суток паломники отдыхают в Табуке, забыв об опасностях, ожидающих их впереди.

Мучительный путь из Табука в аль-Улу проходит через русло высохшего потока, зажатое между крутыми склонами, покрытыми вулканической лавой. Эту долину Ибн Баттута сравнивает с адом.

«Немало паломников погибло здесь от самума, который выпаривает воду, - отмечает он. - Стоимость одного глотка воды доходит здесь до тысячи динаров».

Словно в насмешку бедуины назвали это мрачное место Вади аль-Ухайдир, что по-арабски означает «зеленая долина».

На пятый день караван прибывает в Бир аль-Хиджр, где, по словам Ибн Баттуты, «изобилие воды». Хиджр, что на южноарабском наречии означает «городище», - бойкая караванная станция на торговом пути из Йемена в Сирию. Здесь в глубокой древности обитало арабское племя самуд, которое согласно легенде было истреблено аллахом за отказ принять единобожие. Упоминание о самудитах встречается в ассирийских и Древнегреческих источниках и позднее у римского историка Плиния.

В домусульманский период племя самуд играло важную роль во внутриаравийской и транзитной торговле между южноарабскими государствами и странами Ближнего Востока.

В оазисе аль-Ула вновь четырехдневная остановка. Здесь паломники нежатся в тени финиковых пальм, пополняют свои запасы, стирают в холодной родниковой воде задубевшие от песка и пота одежды. Им предстоит совершить последний опасный переход через Вади аль-Аттас, где, по словам Ибн Баттуты, случаются песчаные бури, нередко заметающие целые караваны.

Но наконец пройден и этот участок пущ. По правую сторону, заслоняя клонящийся к закату солнечный диск, тянется цепь высоких базальтовых скал, слева насколько видит глаз убегают к самому горизонту финиковые рощи, зеленые поля, огороды. Впереди Медина, благословенный город пророка, обнесенный мощной крепостной стеной с 30 башнями. Караван останавливается на широкой плоской равнине, неподалеку от северных ворот форта. Здесь, следуя давней традиции, эмир-хаджи разбивает свой шатер.

Торопливо развьючив верблюдов и мулов, паломники направляются к Сирийским воротам и оттуда мимо общественного колодца и овощного рынка к аль-Масджид аль-Харам - второй по значению мечети в исламе, в которой покоится прах Мухаммеда и двух его сподвижников, праведных халифов Абу Бакра и Омара.

О гробнице Мухаммеда в средневековой Европе ходили самые фантастические слухи. В частности, считалось, что она… висит в воздухе, на некотором расстоянии от пола, не поддерживаемая ни цепями, ни колоннами. Распространению небылиц способствовало то обстоятельство, что священные города Мекка и Медина были запретными для христиан, и лишь в позднее средневековье нескольким предприимчивым европейцам хитростью и обманом удалось посетить мусульманские святыни. Для этого они, как правило, рядились в мусульманские одежды и присоединялись к паломникам, выдавая себя за последователей пророка.

Подобные предприятия были связаны со смертельным риском - в случае разоблачения неверного ожидала неизбежная, зачастую мучительная смерть. Десятки авантюристов за свою любознательность расплатились собственными жизнями, но тяга к знанию была неистребима, и по меньшей мере 25 европейцев - итальянцев, испанцев, швейцарцев, англичан - не только заглянули в святая святых ислама, но отразили свои впечатления в пространных мемуарах.

Один из них - болонец Лодовико ди Вартема, который посетил Аравию в начале XIV века под видом мамлюка - христианина, принявшего ислам и перешедшего на службу к египетскому султану. Ди Вартема, в частности, опроверг вымыслы о гробе Мухаммеда, оставив современникам подробное описание мечети пророка, не утратившее своего научного значения по сегодняшний день…

Можно представить себе волнение, которое испытывал Ибн Баттута, стоя на цветистом ковре в переполненной людьми мечети, построенной самим пророком. Эта мечеть, представляющая собой параллелограмм в 135 метров длиной и более ста шириной, днем и ночью освещается тремя тысячами начищенных до блеска бронзовых светильников. Четыреста опорных колонн из белого обожженного кирпича легки и изящны, как стволы финиковых пальм. В одном из углов четырехугольное купольное строение, занавешенное шелковым покрывалом и окруженное ажурной медной решеткой. По обе стороны дверцы, ведущей к гробнице пророка, разложены фолианты, повествующие о жизни и учении Мухаммеда и немеркнущих подвигах его сподвижников.

Мечеть пророка, так же как и главное святилище ислама - мекканская Кааба, считается заповедной. Здесь, в этом городе, где бывший чернокожий раб Биляль по поручению Мухаммеда впервые пропел призыв к молитве, запрещено любое насилие и кровопролитие. В Медине и ее окрестностях нельзя рубить

деревья и убивать птиц, и каждый, кто вступает в этот благословенный город, находит в нем убежище и защиту.

Ибн Баттута знает, что молитва в Масджид аль-Харам стоит молитв в тысяче других мечетей.

В эти минуты он как бы наяву переживает волнующую, полную драматических поворотов историю первосвященника ислама, известную с детства из рассказов отца и лекций наставников под каменными сводами танжерского медресе.

Как и все, кто знаком с преданием, Ибн Баттута считает, что пророк родился в тот год, когда эфиопский наместник Йемена Абрахи во главе огромного войска выступил против Мекки.

Будущий основоположник ислама происходил из бедного рода банухашим, входившего в состав могущественного арабского племени курейшитов, которые с середины V века были безраздельными хозяевами Мекки.

Мухаммед рано осиротел. С шести лет он вынужден был пасти коз и овец своего дяди Аби Талиба, у которого нашел приют после смерти родителей. Традиция рисует его добрым и богобоязненным мальчиком, склонным к мечтательности и уединению. По достижении совершеннолетия Мухаммед поступил на службу к богатой и влиятельной вдове Хадидже, ежегодно снаряжавшей торговые караваны в Сирию. Путешествия на север с купцами, объезжавшими полмира, значительно расширили кругозор впечатлительного, жадного до знаний юноши, а встречи с христианскими монахами в оазисах Аравии и городах Хаурана, возможно, впервые заронили в его пытливый ум идею единобожия.

Большинство арабов в первые века нашей эры были язычниками. Примитивные верования до поры вполне соответствовали племенному патриархальному укладу староарабского общества. Постепенное разложение родовой общины и появление предпосылок для образования классового общества дали импульс мощным центростремительным тенденциям, направленным на преодоление межплеменной вражды и образование общеарабского государства. Консолидация арабов могла произойти лишь на основе общей для всех доктрины, предусматривающей поклонение одному богу и противопоставляющей племенному сепаратизму принципы религиозного братства и единства цели для всех членов общины.

Монотеистическая идеология вызревала постепенно, исподволь, впитывая в себя идеи и концепции различных религиозных учений - иудаизма, христианства, зороастризма и в некоторой степени манихейства и гностицизма.

Всего этого Ибн Баттута, разумеется, не знал и не мог знать.

Как всякий правоверный мусульманин, учение Мухаммеда он считал ниспосланным свыше, а поэтому рассуждения о генезисе того или иного догмата показались бы ему чудовищным святотатством.

Проповедь единобожия Мухаммед начал, когда ему исполнилось сорок лет. Первые годы не принесли успеха, и через пять лет число его последователей едва ли превышало полторы сотни человек. Врагов было значительно больше: мекканские купцы-работорговцы опасались, что яростные нападки Мухаммеда на идолопоклонство могут привести к сокращению ежегодного паломничества к черному камню Каабы и, следовательно, к ослаблению авторитета Мекки как религиозного и торгового центра.

Отчаявшись обратить в свою веру мекканских сородичей, Мухаммед с группой преданных ему людей в 622 году переселился в плодородный оазис Ясриб, где его учение встретило сочувствие земледельческих племен, известных традиционным соперничеством с Меккой.

Переломный в судьбе вероучения Мухаммеда 622 год позднее был провозглашен точкой отсчета нового мусульманского летосчисления.

Поначалу адепты ислама жили небольшой обособленной общиной, но постепенно она стала обрастать новыми сторонниками и со временем превратилась в мощную религиозно-политическую, а позднее военную организацию.

Расширившись и окрепнув, мусульманская община от слов перешла к делу: над безводными вулканическими равнинами западной Аравии засверкали клинки. Разгромив в нескольких сражениях своих политических противников, Мухаммед к 630 году достиг такого авторитета и могущества, что строптивые мекканцы вынуждены были признать его пророком.

Начались годы стремительного триумфального распространения ислама по всему Аравийскому полуострову, а затем с первыми мусульманскими армиями, устремившимися на север, на обширных пространствах Сирии, Палестины и Месопотамии. Завоевания приняли невиданный размах, и к концу VII века на карте мира появилась огромная мусульманская империя, раскинувшаяся от Атлантики до Индии.

Небольшое сельскохозяйственное поселение Ясриб, где к Мухаммеду пришел первый успех, получило название Медина, или Мадинат ан-Наби, что по-арабски означает «город пророка».

Но главная цель паломников не Медина, а Мекка, которая лежит южнее тропика Рака, в каменистой долине, со всех сторон окруженной голыми, безжизненными холмами.

Последние дни самые тяжелые. В пяти милях от Медины, рядом с небольшой мечетью Зи-ль-халифа, Ибн Баттута сбросил одежду и облачился в традиционное одеяние паломников - ихрам, состоящий из двух кусков белой хлопчатобумажной ворсистой ткани с неподрубленными краями. Одним куском он повязал бедра, другой накинул на плечи. Голова, как этого требует обычай, несмотря на палящий зной, осталась непокрытой; на босых ногах легкие перепончатые сандалии. После этого паломник не должен снимать ихрам до завершения хаджа. Ему также не разрешается стричь ногти, бриться или стричься, вступать с кем-нибудь в спор или повышать голос, убивать насекомых, будь то даже блоха на собственном теле, рвать листья с деревьев.

По пути к Мекке Ибн Баттута ненадолго останавливается в маленьком оазисе Бадр, где в марте 624 года мусульманское ополчение наголову разбило войска мекканского старейшины Абу Суфьяна. Короткая передышка, и снова пустыня - бескрайняя, безмолвная, враждебная. В ней, по словам Ибн Баттуты, «теряет дорогу проводник, и товарищ забывает о товарище».

«Переход продолжается три дня, - пишет он, - и в конце концов возникает долина Рабих, где в сезон дождей образуются потоки, в которых вода сохраняется в течение длительного времени».

В окрестностях Мекки все напоминает о перипетиях установления ислама, каждое местечко связано если не с самим пророком, то с кем-либо из его сподвижников. Посреди пустыни пьют легкий освежающий напиток «савик», который многие в бутылях и флягах притащили с собой из Дамаска, не расплескав ни капли и не поддавшись искушению в те тяжелые времена, когда вода была на исходе и высохшие губы покрывались кровоточащими трещинами.

Плодородные оазисы сменяются пустыней с занесенными песками развалинами древних фортификаций. С каждым шагом растет возбуждение - паломников опьяняет близость священного города, ради которого они проделали долгий, полный опасностей путь со всех концов мусульманского мира.

Город открывается путнику совершенно неожиданно.

«Город Мекка, - писал Насир-и-Хусрау, - лежит среди высоких гор, и с какой бы стороны ты ни подошел к городу, из-за гор самого города не видно. Самая высокая из гор около Мекки - гора Абу Кубейс. Она круглая, как купол, и, если от подножия ее пустить стрелу, она достала бы вершины горы».

Караван, с которым шел Ибн Баттута, прибыл в Мекку ранним утром. Паломники спешились, оставив своих верблюдов и

мулов, потому что обычай запрещает переступать городскую черту верхом.

«Мы вошли в аль-Бейт аль-Харам, - вспоминает Ибн Баттута, - и увидели благородную Каабу».

Кааба - древнее святилище, возвышающееся в центре внутреннего двора Заповедной мечети в виде кубического строения из серого камня, покрытого черной накидкой, расшитой золотыми арабесками. Внутри Каабы хранится священный черный камень. Коснуться его или приложиться к нему губами - высшая благодать, ибо он олицетворяет правую руку аллаха.

Англичанин Ричард Бертон, которому в 1853 году под видом паломника удалось проникнуть в Мекку и с близкого расстояния рассмотреть черный камень, писал, что это, по-видимому, осколок аэролита.

Поклонение Каабе и находящемуся в ней черному камню существовало задолго до возникновения ислама. Первоначально Кааба, очевидно, представляла собой обнесенный оградою квадратный дворик, где наряду с черным камнем были выставлены изваяния языческих божеств. Ежегодно в зимний период у стен святилища собирались кочевники со всех концов Аравии. Они спешили сюда не только для поклонения каменным истуканам, но и для участия в ярмарке, где скотоводческие продукты пустыни обменивались на земледельческие продукты оазисов. В сезон паломничества запрещались войны и кровопролитие - территория вокруг Каабы была заповедной.

Медленно продвигаясь вперед вместе с толпою паломников, Ибн Баттута попадает под своды галереи, вытянувшейся четырехугольником по периметру пространной площади, где уже находятся тысячи людей. Три ряда сводов поддерживаются изящными колоннами с резными капителями; от галерей к центру площади сходятся шесть дорожек, выложенных кварцевым камнем. Там, в центре, кубическое здание Каабы, кафедра для пятничных проповедей, ажурная беседка, покрывающая колодец Земзем, и под крышей, покоящейся на шести пилястрах, Макам Ибрахим, знаменитое Место Авраама, где согласно преданию библейский пророк стоял, когда строил Каабу.

Черный камень плотно укреплен в стене, в восточном Углу Каабы. Выступающая его часть украшена серебром, взгляды паломников прикованы к этому маленькому кусочку скалы. Двигаясь против часовой стрелки, правоверные совершают семь кругов вокруг Каабы.

Толпа медленно несет Ибн Баттуту по кругу. Сердце его бешено колотится, очертания Каабы расплываются и двоятся от застящих глаза слез. Поднявшееся из-за холмов солнце печет

немилосердно, но кто замечает это, шепча пересохшими губами страстные мольбы о вожделенном милосердии аллаха!

Закончив церемонию, паломники идут к колодцу Земзем. Колодец окружен мраморной оградой, с четырех сторон ее установлены резервуары с водой, где правоверные совершают омовения.

Следующий ритуал - бег между холмами Сафа и Мерва, символизирующий метания Агари в поисках воды для умирающего сына. Шлепая сандалиями, правоверные бегут по базару, тянущемуся от подножия Сафа к подножию Мерва. Четырежды им приходится бежать с юга на север и трижды - с севера на юг…

«Между Сафа и Мерва, - пишет Ибн Баттута, - находится великолепный рынок, где продаются зерно, мясо, финики, жир и разные фрукты. Люди, бегущие от Сафа к Мерва, протискиваются сквозь толпы покупателей около лавок».

В канун девятого дня месяца зуль-хиджжа Ибн Баттута отправляется в Мину, расположенную среди гранитных скал в пяти милях к востоку от Мекки. В начале одной-единственной улицы Мины фонтан и напротив него древнее строение, которое называют «домом дьявола». В Мине паломники разбивают палаточный городок и проводят ночь в благочестивых беседах, отдыхая перед центральной церемонией хаджа - «стоянием» в долине Арафат.

Священная гора Арафат, где, по преданию, после долгой разлуки Адам встретил и узнал Еву, находится в пяти милях от Мины.

Паломники выходят в путь затемно, после утренней молитвы, и достигают подножия горы через три-четыре часа. К полудню в голой каменистой долине собираются сотни тысяч людей. Солнечные лучи, как буравчики, вгрызаются в незащищенные затылки; жар поднимается от раскаленных камней, как от жаровен, проникает сквозь подошвы сандалий, жалит ноги. Но в страдании паломники видят особую благодать, и, когда хатиб начинает свою взволнованную, страстную проповедь, люди замирают, смиренно опустив головы. Пронзительный голос проповедника звучит в полной тишине, и лишь шуршат раздуваемые горячим ветром белоснежные полы ихрамов.

Когда солнце начинает клониться к закату, паломники срываются со своих мест и, обгоняя друг друга, устремляются к горе Муздалифа, где согласно предписанию пророка они обязаны совершить вечернюю молитву. У Муздалифы они собирают мелкие камешки, которые в долине Мины мечут в белые каменные столбы, олицетворяющие дьявольскую силу.

Наконец наступает десятый день месяца зуль-хиджжа, которым завершается семидесятидневный сезон паломничества. В этот день правоверные закалывают жертвенных животных, как бы заново проигрывая сюжет коранической легенды о новосостоявшемся заклании Исмаила.

После того как брошенный в пустыне с Агарью Исмаил счастливо избежал смерти, напившись воды из священного источника Земзем, разверзшегося у его ног, ему суждено было пережить еще одно испытание: аллах приказал Аврааму принести его в жертву.

Богобоязненный отец не посмел воспротивиться воле всевышнего, но в последний момент свершилось чудо. Оценив смирение и преданность Авраама, аллах повелел, чтобы вместо Исмаила в жертву принесли барана. Заклание жертвенного животного стало важнейшим ритуалом паломничества, символизирующим бесконечную покорность верующих непререкаемой всеобъемлющей воле аллаха.

В течение трех дней после жертвоприношения паломники совершают обряд «побивания шайтанов». По обычаю каждый из паломников должен кинуть в «дьявольские столбы» от сорока девяти до семидесяти камней.

После этого паломники спускаются в Мекку, где совершают последний, прощальный обход Каабы, и, повязав голову зеленым тюрбаном, покидают священный город.

Мекка быстро пустеет. Один за другим уходят из ее предместий караваны, и уже через несколько дней после окончания хаджа жизнь в городе возвращается в свое обычное русло. Кроме местных жителей, которых не более двух тысяч, в Мекке проживает некоторое число благочестивых богомольцев из разных стран. Их называют муджавирами, что означает «соседи аллаха». Кое-кто из них задерживается в священном городе на месяц-два, другие живут здесь годами, ежедневно исполняя по пять молитв, каждая из которых стоит тысячи.

Ибн Баттута живет в доме, стоящем неподалеку от западной стены Заповедной мечети. Окна его комнаты выходят прямо на Врата Авраама, у которых даже в обычные дни толпятся верующие, совершающие так называемое малое паломничество - умра. Балкончики минаретов западной стены находятся вровень с окнами; от пения муэдзинов, призывающих к молитве, подрагивают тонкие шелковые занавески, прикрывающие оконный проем. Внизу по каменным плитам невозмутимо прогуливаются ленивые откормленные голуби. Их здесь тысячи, и они чувствуют себя в полной безопасности, ибо в Мекке никому не придет в голову поднять руку на любимую птицу пророка.

Ибн Баттута живет впечатлениями хаджа. Часами бродит он вдоль опустевших лавчонок экзотического рынка москательщиков, вдыхая острые запахи пряностей и благовоний, привезенных сюда из Индии и сказочной страны Син. Кого только не видел он за эти несколько дней и чего только не наслышался, сидя на камешке у шатра в ту памятную ночь в канун «стояния» в долине Арафат! Сухощавые маленькие йеменцы, опоясанные куском материи, длинноволосые индусы с Малабарского побережья, смуглые, с заплетенными бородами; желтолицые скуластые паломники из Сарая, странно коверкающие арабские слова; рослые мускулистые африканцы с курчавыми волосами, весело поблескивающие жемчужинами ослепительно белых зубов. Многое о диковинных странах молодой магрибинец знал из книг великих мусульманских путешественников - Табари, Масуди, Ибн Джубейра. Когда ночами при свете свечи перелистывал он страницы фолиантов, описываемые в них страны и климаты казались ему почти нереальными в своей непреодолимой отстраненности от хорошо знакомого, привычного и понятного мира. Здесь, в Мекке, он лицом к лицу столкнулся с чужой, незнакомой, волнующей жизнью, ощутил ее живое неподдельное дыхание - и это, очевидно, в значительной мере предопределило его решение посетить все без исключения страны, в которых люди поклоняются аллаху и его наместнику на земле. Не забывал Ибн Баттута и широко распространенную в средние века поговорку: «Кто отправляется в путешествие ради знаний, тому бог облегчит дорогу в рай».

Паломничество окончено. Двадцатичетырехлетний шейх получает право пожизненно носить почетное звание хаджи. Позади не одна сотня фарсахов, но это лишь толика того, что суждено пройти ему по дорогам мира, И уже не паломником, а пытливым землепроходцем, ведомым благороднейшей человеческой страстью к познанию - ненасытному и неустанному проникновению в суть явлений и вещей.

Паломничество окончено. Странствия начались,

Глава пятая

«Двадцатого дня месяца эуль-хиджжа, - сообщает Ибн Баттута, - я вышел из Мекки с иракским караван-хаджи Бахлаваном Мухаммедом. Он был родом из Мосула и принял па себя обязанности эмира паломников после смерти шейха Шихаб ад-дина Каландара. Шихаб ад-дин был благочестивым шейхом и пользовался огромным уважением своего султана; он брил бороду и брови на манер странствующих дервишей. Когда я покинул Мекку, да возвеличит ее всевышний, в компании с вышеупомянутым эмиром Бахлаваном, он дал мне денег взаймы на путешествие до Багдада и выделил место в караване рядом с собой. Мы вышли в путь после прощального тавафа с караваном иракцев, хорасанцев и персов. Их было бесчисленное множество, и от их шага земля вздымалась волнами; они двигались, как движутся скученные облака, и тот из них, кто по нужде выходил из колонны, не имея ориентира, чтобы определить свое местоположение в ней, терялся из-за столпотворения людей. В караване было много верблюдов с провиантом для благотворительных целей и верблюдов, нагруженных лекарствами, напитками и сахаром для больных. Во время остановок готовилась пища в больших медных котлах, называемых дусутами, и ею кормили путников и тех, у кого не было с собой провизии. Были в караване и верблюды, предназначенные для перевозки тех, кто был не в силах идти. И все эти услуги были от щедрот султана Абу Сайда…» Путь к южным границам Ирака лежит через каменистое, изрытое глубокими вадями плоскогорье Неджд. Огромный караван движется медленно, часто останавливается у источников, где пополняет запасы воды и продовольствия. На стоянках путников встречают бедуины; тут же возникают импровизированные торжища, где богатые паломники на серебряные дирхемы и золотые динары приобретают верблюдов, овец, свежее молоко. По обычаю, на пути к Мекке иракские караваны оставляют в условленном местечке кое-какие запасы продовольствия, и теперь, возвращаясь назад, делают там длительную остановку, собирают занесенные песком тюки, грузят их на верблюдов. Колонна идет по строго означенному маршруту и каждые два-три дня выходит к каменным резервуарам, наполненным дождевой водой. В некоторых из них вода уже успела высохнуть, другие, более глубокие, еще хранят драгоценную влагу, и, чтобы наполнить бурдюки и кувшины, приходится спускаться вниз по истертым тысячами ног каменным ступеням.

Ибн Баттута подробно перечисляет все источники воды. Благодаря удивительной цепкости памяти его описание караванного пути из Хиджаза в Месопотамию становится своеобразной лоцией пустыни, содержащей наряду с практическими ориентирами и приметами любопытные комментарии культурного характера, свидетельствующие о широкой начитанности молодого танжерца. Так, упоминая о неприметном местечке аль-Аджфар, Ибн Баттута мимоходом отмечает, что именно с ним связана романтическая история любви поэта Джамиля и бедуинской девушки Бусейны.

Без памяти влюбленный в Бусейну Джамиль посвятил ей множество проникновенных поэм и этим нарушил бедуинскую традицию, считавшую непристойным описание в стихах девушки из своего племени. Бедуинское общество осудило безрассудного поэта, и вопреки его настойчивому сватовству Бусейну выдали замуж за другого. Но это не остановило Джамиля, и, пренебрегая опасностью, он продолжал тайком встречаться со своей возлюбленной. В результате, преследуемый сородичами мужа Бусейны, он вынужден был покинуть племя и бежать в Йемен, а позднее в Египет. Навсегда разлученный с Бусейной, несчастный поэт увековечил ее в стихах непревзойденной лирической силы, не утративших своего трогательного очарования по сегодняшний день.

Любовная лирика Аравии, сверкнувшая в VII- VIII веках нашей эры целым созвездием ярких имен, вошла в золотой фонд арабской и мировой поэзии. К легенде о несчастной любви Маджнуна и Лейлы, этих Ромео и Джульетты пустыни, на протяжении последующих веков не раз обращались крупнейшие поэты Востока.

1 января 1327 года после полуторамесячного нелегкого перехода через пустыню караван иракских паломников благополучно прибыл в Неджеф.

Если в Хиджазе и священных городах Мекке и Медине многое напоминает о легендарной жизни первосвященника ислама, то Месопотамия связана с историей его непосредственных преемников - праведных халифов и главным образом последнего из них, Али ибн Аби Талиба, чья жизнь, а вернее, трагическая смерть положила, начало схизматическому расколу мусульман на суннитов и шиитов. Этот факт является настолько существенным для понимания мировосприятия Ибн Баттуты, что, прежде чем продолжить вместе с ним путешествие по городам Южного Ирака, нам придется снова совершить небольшой экскурс в историю.

…После смерти Мухаммеда в 632 году члены мусульманской общины избрали своим главой богатого мекканца Абу Бакра,

который получил титул халифа, что в переводе с арабского означает «преемник». Абу Бакр был первым из четырех халифов, которых в силу их близости пророку называют праведными.

Период правления праведных халифов ознаменовался завоевательными войнами, в процессе которых постепенно сложилась огромная арабская империя, получившая название халифата. Уже при втором халифе, Омаре, находившемся у власти более десяти лет, мусульмане подчинили себе все племена Аравийского полуострова и вели войны далеко за его пределами.

Третий праведный халиф, Осман, и группировавшаяся вокруг него мусульманская аристократия присваивали огромные богатства, стекавшиеся в Аравию из завоеванных стран. Это вызывало глубокое возмущение рядовых мусульман, считавших, что трофеи следует распределять поровну между всеми членами общины. Недовольство, начавшееся с глухого ропота, разрешилось открытым мятежом. В 656 году заговорщики, прибывшие в Медину под видом паломников, убили Османа в его собственном доме и провозгласили халифом Али ибн Аби Талиба, двоюродного врата и зятя пророка, женатого на его дочери Фатиме.

Новый халиф не был признан мусульманским наместником Сирии Муавией, происходившим из богатого меканского рода Омейядов, которые сами претендовали на халифский престол. Началась междоусобная война, которая шла с переменным успехом. Стараясь опереться в своей политической борьбе на иракские племена Южной Месопотамии, Али перенес столицу халифата из Медины в Куфу, небольшой городок, основанный арабами в 636 году на берегах Евфрата.

Решительное сражение между соперниками, состоявшееся в 657 году у Сиффиина, не дало перевеса ни одной из сторон. По свидетельству арабских хронистов, войска Али ибн Аби Талиба начали было теснить сирийцев, но в этот момент один из военачальников Муавии, арабский наместник Египта Амр ибн аль-Ас, прибегнул к хитрости, спасшей Муавию от поражения. По его приказу сирийские воины подняли на остриях своих пик рукописные списки священной книги - Корана, предлагая сторонникам Али прекратить сражение и положиться на суд божий. Кровопролитие было предотвращено, но нерешительная позиция Али привела к отколу от него группы его бывших единомышленников, которые выдвинули принцип выборности главы мусульманской общины вне зависимости от того, состоит ли претендент на престол в родстве с домом пророка. Так возникло первое еретическое течение в исламе - хариджизм. Его адепты впоследствии пользовались значительным влиянием в

отдельных частях халифата и даже имели свои княжества и небольшие государства.

Вчерашние союзники оказались непримиримее закоренелых врагов. Поставив целью избавиться от главных действующих лиц династической усобицы, хариджиты в 661 году совершили покушение на Али. Четвертый праведный халиф был убит подосланным к нему лазутчиком в тот момент, когда, совершив молитву, он выходил из дверей соборной мечети в Куфе.

Убийство Али сыграло на руку сирийской оппозиции. Муавия провозгласил себя халифом и перенес столицу в Дамаск, положив начало арабской династии Омейядов.

Между тем сторонники Али не признали законности новой власти, настаивая на том, что во главе мусульманской общины могут стоять только прямые потомки пророка, то есть дети его дочери Фатимы и Али ибн Аби Талиба. В отличие от ортодоксальных мусульман - суннитов сторонники Али стали называться шиитами от арабского слова «ииа», что означает «партия», «группа».

После смерти Али борьбу за власть возглавил его сын Хусейн. Опираясь на поддержку наиболее ревностных шиитов, он начал готовиться к решительному выступлению против второго омейядского халифа Язида.

Однако военное счастье не сопутствовало Хусейну. Население Куфы не оказало ему обещанной поддержки, и в 680 году неподалеку от Кербелы он оказался лицом к лицу с войсками Язида, имея в своем распоряжении отряд из 300 преданных ему воинов.

Омейяды осадили небольшой лагерь Хусейна, отрезав его от источников воды. В течение десяти дней они бездействовали, по-видимому рассчитывая, что обессилевшие от жажды и зноя шииты сдадутся на милость победителя. Их выжидательная тактика объяснялась тем, что никто не хотел запятнать себя кровью внука пророка. На десятый день отчаявшиеся шииты предприняли смелую вылазку и в короткой кровопролитной схватке были уничтожены.

Мученическая смерть Хусейна легла в основу ежегодных мистерий, разыгрываемых шиитами в священном мусульманском месяце мухаррем. В десятый день этого месяца шииты устраивают массовые поминальные шествия, сопровождаемые театрализованными сценами, воспроизводящими «трагедию Кербелы». В знак скорби по Хусейну мужчины, идущие во главе процессии, бьют себя по телу металлическими цепями, рассекают кожу на голове длинными острыми палашами, восклицая: «Шах, Хусейн! Вах, Хусейн!» По-персидски кровавая церемония

называется «шахсей-вахсей», по-арабски - «шествие ашура».

Известный шиитский ученый X века Ибн Бабуйя аль-Кумми призывал своих сторонников: «Всякий раз, как вы видите небо красным, подобно свежепролитой крови, или солнце на стене, подобное красному плащу, вспоминайте о смерти Хусейна».

Ибн Баттута был суннитом и к шиитским идеям относился не только с подозрением, но и с открытой враждебностью. Такая позиция значительно сузила его понимание целого ряда острейших социальных процессов, захлестнувших обширные области Передней Азии. Иранских крестьян, поднявшихся в XIV веке против феодальной эксплуатации и произвола татаро-монгольской кочевой знати, он называет не иначе как разбойниками и смутьянами, не видя в их выступлениях иных мотивов, кроме природной склонности к насилию и грабежу. Это обстоятельство тем не менее не снижает огромной исторической ценности оставленного им описания восстания сербедаров, или «бунта висельников», в Хорасане. Несмотря на явную предвзятость Ибн Баттуты в истолковании этого социального движения, его записи по сегодняшний день остаются важнейшим источником для историков мусульманского средневековья.

Ибн Баттута дает весьма подробное описание Неджефа.

«Это прекрасный город, - сообщает он, - расположенный на обширном пространстве твердой земли, с превосходными чистыми рынками. Мы вошли в Неджеф через Зеленые Врата и попали на овощной рынок, а также в харчевенный и хлебный ряды. За ними идут фруктовый базар, рынок швейников и киссария, далее - базар москательщиков, а за ним ворота Баб аль-Хадра, где находится гробница, в которой якобы похоронен Али, мир да будет с ним. Перед гробницей стоят медресе, завии, странноприимные дома, построенные с большим вкусом. Их стены покрыты кафелем, похожим на магрибинскую глазурованную плитку, но цветом он поярче и рисунком поизысканней. Через Баб аль-Хадра можно пройти к медресе, где живут слушатели и шиитские суфии. Каждого гостя там в течение трех суток дважды в день кормят хлебом, мясом и финиками…»

В Неджефе Ибн Баттута, судя по всему, задержался ненадолго. Здесь он расстался со своими спутниками, следовавшими в Багдад, и, присоединившись к каравану бедуинов из племени Хафаджа, отправился в Басру.

Дорога шла берегом Евфрата, в заболоченной местности, среди зарослей тростника и камыша высотою в несколько метров. На крохотных островках, возвышающихся посреди затопленной поймы, стояли убогие хижины из циновок - сарифы. Над ними поднимались, растворяясь в неподвижном воздухе, сизые дымки

глиняных печей - таннуров; где-то рядом, невидимые за плотной стеной камыша, потявкивали собаки. По всей колонне от головы до хвоста прокатился приказ караванвожатого шейха Шамира не отставать. И это неспроста. Ибн Баттуту уже предупредили, что в этих местах надо держать ухо востро. Озерные арабы, искусно лавирующие на своих узких лодках по многочисленным узким протокам, вряд ли осмелятся напасть на караван бедуинов Хафаджа, но стоит кому-либо из спутников зазеваться и на одном из поворотов отстать от колонны, как тут же невесть откуда навалятся на него разбойники и в мгновение ока оберут до нитки.

Так оно и случилось. Уже почти на подходе к Васиту в хвосте колонны послышались крики, и по знаку шейха Шамира колонна остановилась. Оказалось, что несколько факиров, прибившихся к путникам в Хардже, увлеклись благочестивыми разговорами и потеряли из виду хвост колонны. Выскочившие из зарослей разбойники раздели их донага, отобрав даже убогие, нищенские сумы - каш-кули. Теперь, прикрывая руками срам, белокожие костлявые старцы обиженными голосами рассказывали подробности своего приключения, пересыпая свою речь проклятиями в адрес нечестивцев. Собравшаяся вокруг них толпа беззлобно посмеивалась, кто-то из шейхов послал несчастным факирам куски белой материи - изары.

Умм Убейд - деревушка неподалеку от Васита. В ней находилась известная во всем мусульманском мире обитель суфийского ордена «танцующих дервишей».

- В Басите мы будем стоять три дня, - Кс.к бы угадав мысли Ибн Баттуты, добавил шейх Шамир. - Этого вполне достаточно, чтобы съездить к могиле шейха Ахмеда и вернуться обратно. Надо только договориться с кем-нибудь из местных улемов, чтобы он подобрал надежных проводников из племени Бани Асад.

По прибытии в Васит караван разместился в постоялом дворе неподалеку от рынка, а Ибн Баттута не теряя времени направился в местное медресе, где, по слухам, изучали Коран и богословие триста послушников со всех концов Ирака.

Имам медресе Таки ад-дин принял Ибн Баттуту с трогательной теплотой. Он угощал Ибн Баттуту финиками, расспрашивал его о святых местах, где ему довелось побывать несколько лет назад. Узнав о намерении Ибн Баттуты посетить Умм Убейд, он тут же хлопком в ладоши вызвал одного из послушников и распорядился срочно подготовить все необходимое для путешествия.

Пока на заднем дворе торопливо седлали фыркающего, недовольно косящего непривыкшими к свету глазами пегого жеребца, шейх Таки ад-дин, по-старчески покряхтывая, пошел в

свою келью и вынес Ибн Баттуте кожаный кошелек, туго набитый дирхемами.

- Пригодится в дальней дороге, сын мой. Ведь деньги как птицы: прилетают и улетают…

Ночь Ибн Баттута провел у бедуинов племени Бани Асад вместе с проводниками, которых ему нанял васит-ский улем, а в полдень следующего дня уже привязывал своего скакуна к коновязи у стены обители ордена рифаитов в Умм Убейде.

Эта обитель отличалась от тех, что Ибн Баттута видел прежде. Она была похожа на густонаселенное подворье, где днем и ночью не умолкал многоголосый гул. Факиры в черных траурных тюрбанах, толпившиеся у мавзолея, напоминали гигантский встревоженный муравейник. Ожидался приезд внука святого. Люди возбужденно перешептывались, ожидая новых сюрпризов. Ибн Баттуту с его черной как смоль бородой и щегольским тюрбаном, перевязанным зеленой лентой хаджи, приметили еще при въезде на площадь и приветствовали, низко кланяясь и прижимая правую руку к груди.

Об удивительной, полной благочестия и презрения к мирским благам жизни основателя ордена Ахмеда ар-Рифаи Ибн Баттута был хорошо наслышан. Ученики ар-Рифаи разносили его идеи по всем уголкам империи, и орден, поначалу состоявший из горстки наиболее преданных адептов, со временем стал самым популярным и разветвленным дервишским братством мусульманского мира. Необычные ритуалы рифаитов, сопровождающиеся избиением себя цепями и прокалыванием тела металлическими иглами, неизменно привлекали тысячные толпы любопытных и способствовали шумной известности ордена.

Внук святого шейх Ахмед Куджак тепло приветствовал Ибн Баттуту и предложил ему сесть рядом с собой. По окончании послеполуденной молитвы на небольшую площадь перед зданием обители вышли музыканты с бубнами и барабанами, и выскочившие в круг факиры пустились в пляс. Ритм танца, начавшегося с медленных и плавных движений, с каждым мигом нарастал; из-под босых ног поднимались во все стороны клубы пыли; длиннополые белые рубахи надулись куполами от самозабвенного кружения. Отрешившись от мира, с поднятыми к небу загорелыми лицами, факиры плясали яростно, азартно, до полного изнеможения.

После предзакатной молитвы на лужайке перед входом в обитель расстелили огромные блеклые, с выгоревшими узорами ковры, на которых появились медные блюда с рисовыми лепешками, рыбой, финиками, глиняные пиалы с овечьим

молоком. За ужином, который продолжался до вечерней молитвы, Ибн Баттута расспрашивал шейха Ахмеда о городах Анатолии и о порядках в стране Рум и сообщил ему, что надеется в будущем посетить эти места.

- Что же, сын мой, - сказал шейх Ахмед, - ноги ведут только туда, куда хочет человек. Всегда помни, что надежда без действия подобна дереву без плодов.

Эти слова магрибинец запомнил на всю жизнь. И повторял их про себя всякий раз, когда, пугаясь превратностей дальней дороги, осторожные спутники пытались отговорить его от осуществления задуманного. И всякий раз отбрасывал нерешительность, стиснув зубы, стойко переносил лишения, помня, что одними надеждами цели не достигнешь.

Тем временем не участвовавшие в зикре послушники складывали на площади вязанки хвороста, подтаскивали мешки с подергивающимися в них ядовитыми змеями, отловленными в камышовых зарослях поймы.

С наступлением темноты к небу взметнулись языки пламени. Хрустко постреливал сухой хворост, выбрасывая во все стороны тысячи огненных брызг. Ритмично покачиваясь в такт барабанному бою, факиры цепочкой, один за другим, молча входили в огонь. Некоторые, объятые пламенем, валились на спину, катались по ярко-алым угольям. Другие, широко разевая рты, заглатывали огненные струи и с шумом выдыхали их, отскакивая в сторону. В воздухе разливался едкий запах паленых волос.

Один из факиров, высокий, широкоплечий, с глубоким сабельным шрамом, спускающимся багровой бороздой от самого виска, запустил волосатую руку в шевелящийся мешок, резким рывком выдернул из него длинную серебристую змею. На ее утолщенной голове, плотно перехваченной огромным кулаком, холодно поблескивали бесцветные зрачки, верткое чешуйчатое туловище то напрягалось, отчаянно извиваясь, то обвисало безжизненно, как плеть. Приблизив змеиную голову ко рту, факир вонзился в нее зубами и, дернув рукой, отделил от туловища.

Толпа взорвалась восторженными криками. Обезглавленная змея полетела в огонь, а в мешок полезла рука другого факира, вышедшего в круг на смену товарищу…

Ибн Баттута описывает эти сцены в спокойном повествовательном тоне, не забывая упомянуть, что в Индии, куда он попал несколько лет спустя, ему довелось стать свидетелем радений суфийской секты хайдаритов, которые не менее искусны в исполнении ритуалов с огнем. Это спокойствие объясняется тем, что свои записи он диктовал уже на склоне лет, неторопливо

вытаскивая из лабиринтов памяти события многолетней давности, утратившие волнующий аромат новизны и уже казавшиеся ему заурядными в пыльном ворохе воспоминаний, впечатлений, фактов, имен…

…В Васит Ибн Баттута возвратился лишь к вечеру следующего дня. Караван, вышедший поутру, ему удалось нагнать на полпути к Басре.

От Васита до Басры 50 фарсахов, и путник, идущий неторопливым шагом, преодолевает это расстояние за восемь дней.

«Во времена халифа Омара, - писал арабский историк X века Табари, - Басра как город еще не существовала. Здесь был укрепленный пункт на берегах Тигра, в местности, покрытой черными камнями, которые арабы называли «басра». После битвы при Кадисии, где была уничтожена персидская армия, халиф Омар, опасаясь, что иранский царь станет просить помощи у царей Омана и Хиндустана… счел уместным расположить арабские гарнизоны в устье Тигра и построить город, населенный арабами, чтобы не дать иранцам возможности получать помощь по этому пути. Он вызвал Отбу, сына Газвана, вождя племени Бану Мазин и ближайшего сподвижника пророка, и велел ему построить город».

Это произошло в 637 году, и, следовательно, к моменту посещения Басры Ибн Баттутой история города насчитывала около семи веков.

Город был заложен на самом краю пустыни и, разрастаясь с поразительной быстротой, отвоевывал у безжизненных песков новые и новые пространства. Роскошные особняки знати и мечети строились основательно и добротно, из обожженного кирпича, прекрасные крытые рынки, куда стекались заморские товары, успешно соперничали со знаменитыми базарами Багдада.

Основание Басры открыло новые возможности для морской торговли и дало мощный импульс развитию арабского мореплавания. Уже в VIII веке слава басрийских кораблестроителей распространилась далеко за пределами халифата. Они первыми применили в строительстве судов металлические гвозди, отказавшись от повсеместно распространенной деревянной клепки и веревок из волокон финиковой пальмы. Искусно используя сезонные изменения в направлении ветров, арабские мореходы благополучно добирались до портов восточного побережья Африки, острова Сокотры, Цейлона, Мальдивских островов и Малабарского берега Индии. При этом они широко применяли астролябию, а с XIII века - компас. В отличие от компасов, несколько позднее появившихся

в Европе, магнитная стрелка у арабов указывала направление не на север, а на юг.

Начиная с IX века в арабской географической литературе встречаются упоминания о путешествиях мусульманских купцов в Китай. К тому времени в портовых китайских городах уже существуют процветающие арабские торговые фактории, а китайские джонки регулярно швартуются у причалов Ормуза, Сирафа, Басры и даже поднимаются вверх по Евфрату. В датируемом 785-805 годами руководстве по мореплаванию китаец Цзятянь дает подробные инструкции о навигации от Гуаньчжоу до Персидского залива.

На набережной Басры всегда толчея и шум. Из окна постоялого двора Ибн Баттута видит, как у деревянных свайных причалов покачиваются на высокой приливной воде изящные дау с косыми парусами, громоздкие китайские джонки, быстроходные санбуки. Вот-вот начнется отлив, и судна опустятся на несколько шибров, сравниваясь бортами с кромкой деревянных настилов. Чередование приливов и отливов, подробно описанное Ибн Баттутой, существенно не только для мореходов: приливная соленая волна из Персидского залива вкатывается в устье Шатт аль-Араб дважды в день, и вытесняемая ею более легкая пресная вода наполняет сеть оросительных каналов, подведенных к руслу реки.

Вдоль набережной тянется крытый базар, куда поступает часть заморских товаров; остальные, перегруженные на санбуки и тяжелые парусные плоскодонки балямьт, отправляются вверх по реке или перевозятся в западное подворье - Мирбад, где их тщательно упаковывают в увесистые тюки и отправляют с торговыми караванами по нахоженным верблюжьим тропам.

Как и всюду, в Басре Ибн Баттуту прежде всего интересует история. Мечети, медресе, мавзолеи, каменные надгробия, на которых замысловатой арабской вязью высечены имена великих полководцев, мыслителей, религиозных подвижников.

В соборной мечети Ибн Баттута долго стоит у стройного резного пюпитра, на котором лежит увесистый том Корана с забрызганными кровью страницами. Чуть заметные бурые пятна, по правде, мало напоминают кровь, но согласно преданию это именно тот Коран, который держал в руках третий праведный халиф Осман, когда за его спиной сверкнул нож убийцы. В шести милях от Басры, в Вади ас-Сиба, могила шейха Анаса ибн Малика, основателя маликитского толка, распространенного в странах Магриба. Ибн Баттута - маликит, и поклониться праху шейха-эпонима его святая обязанность.

«В Вади ас-Сиба, - замечает он, - можно идти лишь с большой

группой людей, так как там нередко встречаются львы».

Культурная жизнь в Басре переживает кризис. А в недавнем прошлом город имел репутацию блестящего научного центра. По свидетельству средневековых историков, уже в X веке широкой известностью по всему халифату пользовалась басрийская публичная библиотека, имевшая огромный штат переписчиков-хаттатов. Тысячи студентов изучали там богословие и арабскую грамматику.

Блестящие лингвистические труды ученых знаменитой басрийской школы Халиля ибн Ахмеда и Сибавейхи снискали городу репутацию крупнейшего научного центра раннего средневековья. Первый из них, оманец по происхождению, создал метрическую теорию, которая была основой поэтического творчества арабов вплоть до середины XX века; второй, перс, прославился первым систематическим изложением арабской грамматики, не утратившей своего значения по сегодняшний день.

Углубленный интерес средневековых арабов к тайнам своего языка и связанный с этим бурный расцвет филологических наук можно объяснить конкретными историческими причинами. Уже в первые годы мусульманской экспансии, когда в состав расширяющейся империи были включены народы, говорившие на различных языках, вопрос о чистоте языка завоевателей, на котором написан Коран и о его превосходстве над всеми иными наречиями, приобрел политическое значение. Арабский язык вышел за пределы Аравийского полуострова и, насаждаемый в качестве официального новой мусульманской администрацией, постепенно становился lingua franca обширнейшего региона, включавшего в себя Среднюю Азию, Хорасан, Ближний и Средний Восток, северное и восточное побережье Африки. Необходимо было исключить разночтения в истолковании Корана и унифицировать делопроизводство в интересах централизованного государства. Неудивительно, что эти практические задачи способствовали развитию лингвистики: во многих научных центрах началась разработка общих для всех норм арабского литературного языка.

«Мудрость римлян, - говорили арабы, - заключается в их мозгах, мудрость индийцев - в их фантазии, греков - в их душе, а мудрость арабов - в их языке».

Имело свои причины и то, что лингвистическая школа возникла именно в Басре. Воспользуемся мнением известного языковеда В.А. Звегинцева. «В Басре, - писал он, - в средоточии бедуинов различных племен и диалектов, в прибежище различных религий и арене многочисленных чужеземных

торговцев, в месте приобщения иноверцев к исламу в первую очередь должна была возникнуть потребность в организации известной системы мероприятий для обеспечения правильного произношения и интерпретации «чуда божественного красноречия» - Корана».

Но ничто не может продолжаться вечно. И в XIV веке, когда Ибн Баттута путешествовал по некогда цветущим городам древней Вавилонии и Халдеи, арабская филология, как, впрочем, и вся классическая литературная традиция, переживала глубокий кризис. Это, разумеется, не могло ускользнуть от внимания Ибн Баттуты, много наслышанного о былой научной славе Басры.

«Я присутствовал однажды на пятничной молитве в мечети, - пишет Ибн Баттута, - и когда проповедник поднялся, чтобы произнести проповедь, он сделал много грамматических ошибок. Я удивился и сказал об этом кадию, который мне ответил: «В этом городе не осталось никого, кто хоть немного знал бы грамматику». Это поучительный пример, над которым следует поразмыслить, - да будет славен тот, кто изменяет все вещи и направляет все людские дела! Здесь, в Басре, где грамматика возникла и развилась, где люди некогда в совершенстве владели ею, откуда вышел ее корифей (Сибавейхи. - И.Т.), чье превосходство бесспорно, проповедник не может произнести проповедь, не нарушая правил!»

«Золотой век» арабо-мусульманской мысли, сыгравшей столь значительную роль в становлении и развитии культуры европейских народов, остался далеко позади.

Тому были объективные причины, и исподволь назревавший процесс был ускорен катастрофическим для всего человечества событием, обозначившим трагический водораздел в мировой истории, - опустошительным нашествием татаро-монгольских кочевых орд.

Осмотрев Басру, Ибн Баттута собирался отправиться в Багдад, но эмир города ат-Тевризи посоветовал ему сначала посетить Горный Лур, затем Персидский Ирак и лишь после этого Ирак Арабский. Добрый совет был принят, и позднее Ибн Баттута не пожалел об этом: на его пути лежали такие всемирно известные города, как Тустер, Исфахан, Шираз.

Ибн Баттута покинул Басру в начале февраля 1826 года. Нанятые за несколько фельсов носильщики с вечера перенесли его вещи из гостиного двора «Мелик инб Динар» на борт небольшой самбуки, пришвартованной к берегу в устье одного из многочисленных каналов, пересекающих город вдоль и поперек. Вышли в путь еще затемно, и, когда в прорехах нависших над Басрой кучевых облаков заиграли золотистые блики, самбука уже

полным ходом шла по фарватеру Шатт аль-Араба, рассекая острым носом зеленую, пахнувшую болотной прелью воду. По обоим берегам тянулись рощи финиковых пальм. Разложив на траве горки фиников, свежей рыбы, хлебных лепешек, у тростниковых шалашей сидели утренние торговцы.

К вечеру добрались до Оболлы, где Ибн Баттута расплатился с хозяином самбуки и пересел на морское суденышко, направлявшееся в Абадан.

Абадан - крупное селение на солончаковой отмели, образованной двумя рукавами Шатт аль-Араба при впадении в море. По словам Ибн Баттуты, в Абадане было множество мечетей, странноприимных домов и небольших обителей, где жили отрешившиеся от мирских благ отшельники. Трудно было придумать более подходящее место для тех, кто решил предаться аскетизму и покаянию, - на острове не было никакой растительности и даже воду привозили сюда с материка угрюмые лодочники, заставляя святых старцев расплачиваться звонкой монетой за каждый бурдюк.

На острове Ибн Баттута встретил затворника, долгие годы ютившегося в полном одиночестве под сводами полуразрушенной молельни и питавшегося лишь рыбой, которую он выходил ловить раз в месяц.

- Да исполнит аллах все твои желания в этом мире! - сказал ему отшельник, тронутый искренним поклонением молодого хаджи.

Вспоминая этот эпизод тридцать лет спустя, Ибн Баттута с гордостью отмечал: «По милости аллаха я осуществил свою цель в жизни, *и эта цель - путешествия по земле, и в этом я достиг того, чего не удалось достигнуть никому, кроме меня».*

Эти слова чрезвычайно существенны для понимания личности Ибн Баттуты. В XIV веке странствия по земле были прерогативой купцов и миссионеров, но ни те, ни другие не ставили перед собой задачу познания мира. До эпохи Великих географических открытий оставалось еще полтора-два века, а покуда лишь несколько предприимчивых и отважных мусульманских энциклопедистов прославили свои имена описанием стран, по которым они прошли, и чудес, которые им довелось увидеть. И очень важно, что Ибн Баттута относит себя к этой славной когорте и, более того, вполне отдает себе отчет в том, что его достижения превосходят все, что было сделано до него. Подобно герою известных на Востоке плутовских новелл аль-Хамазани, Ибн Баттуте в его долгой жизни суждено будет выступать в самых разных ролях, меняя ихрам паломника на подбитый ватой кафтан купца, тюрбан предстоятеля молитвы - на

черный колпак сурового маликитского судьи, а судейскую мантию - на грубошерстный дервишский хитон. Но в любом обличье он будет всегда, до конца дней своих прежде всего ощущать себя путешественником, взявшим на себя почетную миссию донести до своих соотечественников правду о мире, по дорогам которого более четверти века вела его жизнь.

Из Абадана Ибн Баттута направился в «Нуристан. Дорога заняла десять дней. Неподалеку от Тустера начались горы, узкая, протоптанная в траве тропинка шла берегом реки Карун. Зима была на исходе, кое-где в горах уже начал таять снег, и высокая паводковая вода неслась, вспениваясь водоворотами, почти вровень с обрывистым берегом.

В нескольких милях от города река перекрыта плотиной, построенной еще в III веке н.э. сасанидским царем Иапуром I. Арабские географы X века называли эту плотину персидским словом «шадурван», но местные жители овут ее «Бенд-и-Кайсар» - «царская плотина», поскольку, по преданию, ее возводили римские солдаты при участии самого императора Валериана, плененного персами в сражении под Эдессой.

Тустер, главный город Хузистана, выстроен на скале, большинство домов в нем двухэтажные, причем первые этажи, как правило, сложены из камня, а верхние - из кирпича. Въезд в город - через ворота Баб аль-Мусафирин, к которым, по словам Ибн Баттуты, ведет длинный понтонный мост.

В Тустере путешественник остановился в городском медресе, предстоятелем которой был известный ученый Шараф ад-дин Муса. Сразу же по приезде Ибн Баттута провел, целый день, беседуя с ученым шейхом и его учениками в тенистом саду духовной школы, на берегу реки Карун. Восхищенный эрудицией и неистощимой любознательностью своего молодого гостя, шейх Шараф ад-дин оказал ему и его спутникам особое гостеприимство, назначив им из средств школы ежедневное содержание, включавшее изысканные блюда из мяса и дичи с обжигающим рот персидским перченым рисом.

К сожалению, в полной мере насладиться гостеприимством хлебосольного хозяина Ибн Баттуте и его спутникам не удалось. Уже на второй и третий день пребывания в Тустере всех их свалила с ног жесточайшая лихорадка. По-видимому, малярия, так как Ибн Баттута упоминает, что болезни такого рода случаются в Дамаске и других городах, где, по его словам, «много воды».

Благодаря заботам шейха Шараф ад-дина Мусы, о котором Ибн Баттута сохранил самые теплые воспоминания на всю жизнь, болезнь постепенно пошла на убыль, и через две недели

путешественник окреп настолько, что стал готовиться к выходу в путь.

В начале марта 1327 года Ибн Баттута прибыл в столицу Луристана Идадж, где остановился в обители, принадлежавшей одному из приближенных местного султана.

Ибн Баттута упоминает о своей встрече с султаном Афрасиябом из династии Хазараспидов и дает ряд красочных подробностей к живых штрихов, не допускающих сомнения в подлинности описываемого им события. Между тем хорошо известно, что султан Афрасияб был возведен на престол не ранее 1340 года, а в 1327 году, когда Ибн Баттута посетил Идадж, у власти в Луристане находился известный своей набожностью и благочестием султан Ахмед.

В объяснении явной хронологической неувязки полоягамся на мнение чешского арабиста И. Хрбена, который считает, что Ибн Баттута посетил Идадж дважды: сначала в 1327 году, во время путешествия по Персидскому Ираку, а потом в 1347 году, когда возвращался на родину из странствий по Индии и Китаю. Тогда-то и состоялась его встреча с Афрасиябом, которую он по ошибке отнес к 1327 году.

Как многие правители ильханского государства Хулагуидов в Иране, султан Афрасияб страдал хроническим алкоголизмом. Он радушно принял Ибн Баттуту и, с интересом расспрашивая его о Марокко, Египте и Хиджазе, то и дело прикладывался к золотому и серебряному кубкам с вином, стоявшим перед ним на столике из эбенового дерева. К концу приема он заметно захмелел и заплетающимся языком принялся расхваливать добродетели одного из своих придворных.

Ибн Баттута глядел на него с отвращением. Когда, выговорившись всласть, султан вспомнил о своем госте и дал ему слово, вместо полагающихся панегириков Ибн Баттута сказал такое, от чего даже у видавших виды придворных побежали мурашки по спине.

- Ты сын султана Ахмеда, известного своим благочестием и воздержанием, - холодно заметил он. - Не существует и не может существовать никаких претензий к тебе как к правителю, кроме этого…

Ибн Баттута кивком головы указал на опорожненные кубки, валявшиеся у ног Афрасияба.

Придворные расходились молча, не поднимая глаз на Ибн Баттуту. Лишь один из них, тот самый богослов, которого похвалил султан, вышел с Ибн Баттутой в переднюю и, поцеловав туфли Ибн Баттуты, положил их на голову.

- Да благословит тебя аллах, - прошептал он задумчиво. -

Сегодня ты сказал султану то, что никто и никогда не осмеливался сказать ему. Я надеюсь, что твои слова произвели на него должное впечатление…

Прямодушие и смелость находили поклонников во всякие времена.

Из Идаджа Ибн Баттута направился в Исфахан. Плодоносная равнина, со всех сторон окруженная горами, оказалась ему раем. По словам известного географа амдудлаха Казвини, благодаря мягкому климату и обильному орошению здесь могли произрастать все растения, кроме граната. Последнее обстоятельство также свидетельствовало о благоприятности края: известно, что гранатовые деревья приживаются только в местностях с плохим климатом.

В окрестностях города обилие голубиных башен, которые местные жители называют вардэ. Голубиный помет используется для удобрения почвы, и поэтому еще Газан-хан строго-настрого запретил своим сокольничим отбирать у крестьян голубей или охотиться в этих местах. Речка Зенде-руд, предмет гордости исфаханцев, вызвала у Ибн Баттуты ироническую улыбку: желтая застойная вода, дурно пахнувшая городскими нечистотами, была совсем непохожа на то «лазурное море», с которым в запальчивости сравнивали ее честолюбивые местные барды. К юго-востоку от Исфахана воды Зенде-руд вовсе исчезали в солончаках, но исфаханцы верили, что в Кермане река вновь выходит на поверхность земли и впадает в море.

В Исфахане одна из самых крупных на Востоке колоний иудеев, которых местные жители считают потомками пленников Навуходоносора. «Пленники Навуходоносора» обитают здесь чуть ли не с тех достопамятных времен, когда по мановению руки Александра Македонского на берегах Зенде-руд возник город Джей; из четырех его врат одни так и назывались Яхудийе, что в переводе с арабского означает «иудейские врата».

Как и всюду, исфаханские иудеи промышляли оптовой торговлей, держали золотые и серебряные ряды, ростовщические конторы, красильни, винные лавки и притоны, где по ночам собирались люди, не боявшиеся ни аллаха, ни шайтана.

Ростовщичество, по Корану, тяжкий грех, ибо получать барыш с ссуды, выдаваемой на оговоренный срок, значит, наживаться на времени, а временем не волен распоряжаться никто, кроме всевышнего. Иудеям же такой запрет кажется смешным, а поэтому исфаханские иудеи благоденствуют. Впрочем, не жалуются на жизнь и их соплеменники в Хилле, Куфе, Басре, Хамадане, Ширазе, Самарканде, Газне.

«Наиболее доходные места, - писал в своей книге

«Мусульманский Ренессанс» швейцарский востоковед Адам Мец, - были заняты христианами и иудеями, сидевшими на них плотно и крепко, особенно среди банкиров, торговой плутократии, торговцев полотнами, крупных землевладельцев, врачей. Сами они распределились таким образом, что в Сирии, например, большинство финансистов были иудеи, а подавляющее число врачей и писцов - христиане. Так же и в Багдаде во главе христианской общины стояли придворные врачи, а во главе иудейской - придворные банкиры. Среди низшего податного сословия иудеи были менялами, кожевниками, сапожниками, однако чаще всего красильщиками. Так, в Иерусалиме Вениамин Тудельский нашел, что иудеи держали в своих руках красильную монополию…»

Об иудеях Ибн Баттута отзывался крайне неодобрительно. Впрочем, с не меньшей подозрительностью он смотрел и на христиан, и даже на своих единоверцев, придерживавшихся еретических, на его взгляд, толков.

Шумные торговые города Персидского Ирака утомили Ибн Баттуту. Рассеянно любуется он причудливыми узорами шелковых ширазских ковров, привычно ощупывает пальцами знаменитые казерунские полотна, а сердце его уже грустит по Багдаду, благословенному Городу Мира, где он ни разу не был, но где каждая улица знакома по заученным еще в детстве стихам великих аббасидских поэтов.

* * *

Аллювиальные почвы в междуречье Тигра и Евфрата столь плодоносны, а климат долины так щедр на солнечное тепло, что именно здесь, по преданию, располагались знаменитые сады Эдема.

Но Тигр жесток и своенравен: разливаясь по зиме паводком, он проглатывает отмели левого берега и заливает огромные пространства своими мутно-желтыми водами.

Жестокие разливы породили миф о потопе.

Здесь, на западном берегу Тигра, неподалеку от древней сасанидской столицы Ктесифона, в 766 году халиф Мансур велел заложить город. Выбор места был одобрен придворным астрологом, и вскоре на песке у самой кромки воды запестрели палатки первых строителей. Их было сто тысяч - безымянных зодчих, ремесленников, феллахов, согнанных сюда со всей империи.

Город имел форму круга. Двойные стены, окруженные глубоким рвом с водой, замыкали огромное пространство, где в панцире лесов поднимались к небу минареты мечети, башни халифского дворца, расползались вширь казармы хорасанокой

гвардии, здания меджлисов и диванов, рынки, склады.

Халиф Мансур назвал свою новую столицу Городом Мира, но простолюдины упорно именовали его Круглым Городом.

В отличие от прежней столицы, Дамаска, развивавшегося в орбите торговой жизни Средиземноморья, Город Мира ориентировался не на Запад, а на Восток. В Персидском заливе быстро строился торговый флот, и при жизни всего лишь двух поколений новая аббасидская столица стала крупнейшим коммерческим и культурным центром средневекового мира, уступая по значению разве что Константинополю.

Средневековые европейцы иногда путали Багдад с Вавилоном, Ктесифоном, Селевкией, еще чаще забавно коверкали, переиначивали на свой лад его название. Венецианец Марко Поло, побывавший в Багдаде в 1271 году, именовал его Баудасом; кое-где в Европе город был известен под названием Балдах, Балдакко и даже Балдахино.

Балдахином на европейских рынках называли дорогую парчу, изготовлявшуюся в Багдаде.

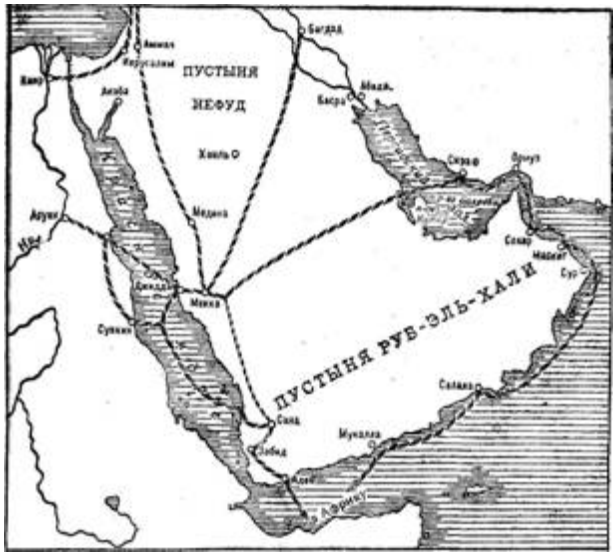
Ибн Баттута прибыл в Багдад в начале июня 1327 года.

Город встретил его духотой, обилием комаров и москитов. Ленивые жирные чайки покачивались на волнах Тигра, который Ибн Баттута сравнил с «зеркалом в оправе берегов», в ветвях разлапистых тополей громко ворковали дикие голуби - фухтая. Узкие мощеные улочки с утра полили водой, и веселые метельщики, ловко помахивая широкими вениками из пальмовых листьев, сгребали мусор к стенам домов. У лавок под полотняными навесами продавцы в клетчатых платках - яншагах торговали джумаром - сочным корневищем молодой пальмы; с рынка медников Сук ас-Сафафир доносился ритмичный перестук молоточков, под сводами Сук-Сарая сонные букинисты раскладывали на дырявых коврах свои фолианты, смахивая широкими рукавами ночную пыль с роскошных кожаных и сафьяновых переплетов.

Устроившись в караван-сарае, Ибн Баттута поспешил в баню. В мыльной ему выдали белоснежную набедренную повязку - паштамаль и неуклюжие деревянные башмаки - кубкаб и провели в парную, где на горячем каменном топчане, покряхтывая от удовольствия, уже нежились несколько ранних посетителей.

В бане дышать было нечем, едкий дымок бухура. вьющийся у потолка, щекочет ноздри, а над распластанным на мокром топчане клиентом уже занесена волосатая лапа далляка с мочалкой из пальмовых листьев, сдирающих кожу как на живодерне. Нежно осыпается на спину и ягодицы мелкая бобовая мука, цепкие пальцы банщика погружаются в затекшие от

длительной верховой езды мышцы, больно ощупывают каждую косточку, растирают, ломают, мнут и, отпустив на мгновение, вонзаются в беспомощное распаренное тело с удвоенной силой, и кажется, нет конца этому сладостному мучению плоти, как бы обретающей новую жизнь…



Маршруты путешествий Ибн Баттуты по Аравийскому полуострову.

«Нигде, кроме Багдада, я не видел такого совершенства», - напишет Ибн Баттута в своих воспоминаниях о багдадских банях.

Все в Багдаде вызывает его восхищение. Вторя известному географу XII века Ибн Джубейру, Ибн Баттута повествует о Багдаде в самых восторженных тонах.

Но Багдад первой половины XIV века уже не тот, каким он был несколько десятков лет назад, когда у его стен загарцевали на диких степных конях всадники в мохнатых шапках, выбирая места для доставленных из Китая камнеметных машин.

В 1251 году, собравшись на курултай в верховьях реки Онон, монгольские нойоны единодушно высказались за продолжение политики завоеваний, начатой еще Чингисханом. Было решено одновременно воевать на два фронта: в Китай с сильным экспедиционным корпусом послали царевича Хубилая; на Ближний Восток направили хорошо подготовленное войско во главе с другим внуком Чингисхана - царевичем Хулагу.

К походу на Ближний Восток монголы готовились тщательно и неторопливо, стараясь предусмотреть все, что должно было обеспечить успех предприятия. Определив с помощью десятков проведчиков основные маршруты следования армий, монгольские

темники приказали заранее изгнать из этих районов кочевников, чтобы обеспечить войскам необходимые пастбища. Из Китая выписали тысячи лучших мастеров для наведения понтонных мостов и строительства осадных машин. Склады пополнялись провиантом, реквизированным у местных жителей.

1 января 1256 года армия Хулагу переправилась через Амударью и встала огромным лагерем на ее левом берегу. Там монгольский царевич принял присягу от пришедших к нему на поклон правителей Персии и кавказских стран и, не теряя времени, двинулся на запад.

В течение 1256 года монголы завоевали главные крепости государства исмаилитов, с каждым днем все туже затягивая петлю на шее багдадского халифа. Было ясно, что положение безнадежно, но халиф Мустансир решил попытать счастья. 16 января 1258 года он вывел свою армию для открытого противоборства с монголами. В битве, продолжавшейся два дня, аббасидское воинство было наголову разбито. Утром 18 января Багдад был разбужен зловещим скрипом устанавливаемых под его стенами китайских баллист.

Багдадцы знали, что по обычаю монголов жители осажденного города могли рассчитывать на пощаду, лишь если сами отворяли ворота до того, как осадные машины начинали обстрел. Этим, очевидно, объясняется то, что монголы взяли Багдад, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Средневековые источники расходятся в оценке ущерба, нанесенного монголами Городу Мира. Некоторые летописцы рисуют картины чудовищных разрушений, и едва ли не самый авторитетный из них - Хамдуллах Казвини - определяет число жертв… в 800 тысяч человек! По свидетельствам других хронистов, ущерб был куда более скромным, хотя известно, что политика массового террора, проводившаяся монголами на завоеванных территориях, казалась современникам страшней моровой язвы.

Так или иначе, но 1258 год оказался роковым в истории Багдада. Спасаясь от завоевателей, город покинули его лучшие поэты, мыслители, богословы, архитекторы, врачи. Колонны беженцев потянулись в Каир, который отныне стал религиозным и культурным центром мусульманского мира.

В результате монгольского завоевания в Иране сложилось могущественное государство хулагуидов, получившее в 1261 году официальное признание великого каана. Правители хулагуидского государства, включавшего, помимо Ирана, территорию нынешней Туркмении, Арабского Ирака, Азербайджана, Армении и навязавшего вассальную зависимость

Грузинскому царству, получили от монгольского каана титул повелителей народов - ильханов. Новый улус, который сами монголы именовали Синей Ордой, просуществовал до второй половины XIV века, когда он распался на ряд феодальных княжеств.

Поначалу монгольские феодалы остро чувствовали свою особность и не смешивались с иранцами. Они строго соблюдали морально-этический кодекс предков - Чингисову Ясу, на манер кочевников жили в юртах и, нимало не заботясь об экономике завоеванных ими земель, нещадно грабили местное население. Когда умер завоеватель Ирана Хулагу, в могилу вместе с ним положили красивых молодых девушек. Необразованные и грубые нойоны предавались обжорству и пьянству. Летописи указывают, что несколько «правителей народов» умерли от алкоголизма.

Однако уже сыновья пришельцев стали брать в жены богатых персиянок и перенимали не только язык, но и обычаи иранцев и даже мусульманское вероисповедание. Приобретая вкус к роскоши и утонченности оседлого быта, они все чаще выражали недовольство грабительской политикой своих соплеменников, приводившей страну к разорению.

К концу XIII века в монгольской военно-феодальной верхушке отчетливо сложились две противоборствующие партии.

К первой относились сторонники старины, которые оседлому быту предпочитали кочевой и, не признавая иного источника дохода, кроме грабежа, по словам известного летописца Рашид ад-дина, ценили иранского крестьянина меньше, чем грязь под ногами. Поначалу они поддерживали единую ханскую власть, но, получив земли для кочевок, обособились в своих хозяйствах и стали яростными противниками централизованного правления.

Другие, главным образом представители придворного сословия и новоиспеченной бюрократии, а также часть купечества и мусульманского духовенства, ратовали за сильную ханскую власть и, все больше сближаясь с местной феодальной аристократией, способствовали развитию городской жизни, заботились о торговле и ремеслах и выступали против хищнического разорения крестьянства.

В начале XIV века сторонники второй партии получили перевес. Седьмой по счету правитель хулагуидского государства Газан-хан тесно сблизился с местной феодальной верхушкой и духовенством, официально объявил ислам государственной религией и провел ряд реформ, упорядочивших систему взимания налогов. Это привело к некоторому оживлению экономической жизни, но в начале правления его племянника ильхана Абу Сайда партия кочевых феодалов вновь возобладала. Пользуясь

малолетством ильхана, могущественный временщик Абу Сайда эмир Чобан фактически узурпировал власть и восстановил в стране старые порядки.

Однако править ему пришлось всего лишь девять лет. Летом 1327 года набравший силу молодой ильхан Абу Сайд убил сына Чобана эмира Димашка Хваджу и вслед за этим решительно подавил мятеж ненавистного временщика. Это позволило на некоторое время отсрочить назревавший распад хулагуидского государства.

Очевидцем этих драматических событий стал Ибн Бат-тута, который прибыл в Египет за два месяца до убийства Димашка Хваджи.

«Когда к власти пришел малолетний Абу Сайд, - пишет Ибн Баттута, - его делами полностью распоряжался эмир эмиров Чобан, причем Абу Сайд лишь номинально носил титул малика. Дело дошло до такой степени, что, когда однажды Абу Сайду потребовалась некоторая сумма денег, он никак не мог ее добыть и послал гонца к одному купцу, который дал ему взаймы».

«Так продолжалось до тех пор, пока однажды к Абу Сайду не пришла одна из жен его отца, Дунья-хатун. «Если бы мы были мужчинами, - сказала она, - мы бы не позволили Чобану и его сыну делать все, что им вздумается». Абу Сайд поинтересовался, что она имеет в виду. «Дело дошло до того, - продолжила она, - что Димашк Хваджа, сын Чобана, занимается бесчестием в гареме твоего отца. Вчера он ночевал у Тати-хатун, а нынче велел сообщить мне, что ночью наведается в мои покой. Тебе следует собрать эмиров и воинов, и, когда он попытается тайком проникнуть в цитадель, ты сможешь схватить его, а потом разделаться и с его отцом».

«Чобан был в то время в Хорасане. Абу Сайда охватила ревность. Всю ночь он не спал, обдумывая подробности заговора, а когда узнал, что Димашк Хваджа находится в цитадели, приказал эмирам и страже окружить ее со всех сторон. Когда утром Димашк Хваджа в сопровождении воина по имени Хадж Мисри вышел из покоев, он увидел на вратах цитадели цепь с замком. Он не мог выехать из ворот верхом, и тогда Хадж Мисри мечом перерубил цепь. Они выехали вдвоем, и тут их окружила стража. Эмир Миср Хваджа и юноша по имени Лулу Димашк бросились к ним, убили их и, отрубив им головы, бросили их под ноги коню Абу Сайда. Так у них принято поступать с заклятыми врагами».

«Абу Сайд приказал разграбить дом Димашка Хваджи и убить тех его слуг и мамлюков, которые попытаются оказать сопротивление».

«Весть о расправе дошла до отца убитого - Чобана, который находился в Хорасане со своими сыновьями… С Чобаном были монгольские воины. Было решено идти войной на Абу Сайда, но, когда два войска сошлись для боя, монголы перебежали к Абу Сайду и оставили Чобана одного. Увидев это, Чобан отступил и бежал в Сиджи-стан к правителю Герата Гияс ад-дину, у которого он попросил покровительства и защиты…»

Некоторое время спустя Гияс ад-дин убил своего гостя и прислал его голову молодому ильхану.

Об ильхане Абу Сайде Ибн Баттута отзывался с уважением и симпатией, рисуя портрет мудрого и справедливого правителя.

Сегодня трудно сказать, так ли это было на самом деле. А вот причины апологетического отношения магрибинца к хулагуидскому правителю лежат, как говорится, на поверхности. Одна из них, безусловно, приверженность Абу Сайда исламскому вероучению, причем того же суннитского толка, который исповедовал Ибн Баттута. Сомнительно, чтобы Абу Сайд был ревностным мусульманином, но одно то, что он объявил ислам государственной религией, делало его в глазах Ибн Баттуты чуть ли не подвижником.

Другое немаловажное обстоятельство - то, что Абу Сайд был первым из великих правителей, кто лично принял Ибн Баттуту и не только удостоил дружеской беседы, но и осыпал щедрыми подарками.

«По прибытии из Тебриза, - вспоминает Ибн Баттута, - эмир доложил обо мне султану и провел меня к нему… Когда эмир сообщил ему, что я собираюсь в Хиджаз, султан велел выделить мне провиант и определить меня в число людей, сопровождающих махмиль…»

Общение с сильными мира сего льстило самолюбию Ибн Баттуты.

Сегодня, в свои двадцать три года, Ибн Баттута уже непохож на того чувствительного юнца, который не смог сдержать слез, прощаясь с отцом на площади перед соборной мечетью. Всего лишь два года прошло, а мальчик уже превратился в степенного мужа, у которого за плечами сотни фарсахов пути. Зеленый тюрбан хаджи вызывает почтение, горделивая осанка заставляет склонить головы, а природный ум вкупе с широкой начитанностью отворяет любые двери и располагает сердца. Постепенно возникшее предчувствие уготованной всевышним необыкновенной судьбы подстегивает честолюбие, и, возвратившись с очередной аудиенции, Ибн Баттута тут же увековечивает ее на пергаменте.

Так постепенно возникает целая коллекция монархов,

правителей просвещенных и невежественных, благородных и подлых, справедливых и жестокосердых. Обстоятельства их жизни лишь декорация к спектаклю, в котором сам путешественник является главным действующим лицом. Но для исследователей мировой культуры каждый штрих этих декораций - исторический документ, ибо что может быть ценнее свидетельств современника, наделенного не только талантом бытописателя, но и неистребимым любопытством и умением пристально вглядываться в самую сердцевину вещей.

В коллекции монархов Абу Сайд - первый, и Ибн Баттута еще не раз помянет его добрым словом, рассуждая о добродетелях и пороках царственных особ.

Багдад для Ибн Баттуты - кладбище призраков, обиталище великих теней. Да и сам город в конечном счете лишь тень былой славы, увековеченной в поэмах Абу Таммама и Бухтури, в хрониках Абу Хатиба и Ибн Ва-сыля и многих других, чьи имена принадлежат вечности.

У самого Тигра, между бывшим халифским дворцом и въездом на городской мост, раскинулся Вторничный рынок. В центре рынка знаменитое медресе Низамийя. Его построил в 1065 году всесильный сельджукский визирь Низам аль-Мульк. Сам он пал от кинжала тайного убийцы, а школа, носящая его имя, продолжает жить, и слава ее не увядает, как не тускнеет монограмма, нанесенная рукой искусного резчика на поверхность благородного ме~ талла.

Чуть дальше медресе Мустансирийя. Его основатель, последний аббасидский халиф Мустансир, был казнен монголами, да простит его аллах, а под аркадами его прохладных айванов по-прежнему кипит жизнь. При виде желторотых юнцов, которые, сопя и вздыхая, старательно записывают слова седобородого наставника в черном тюрбане, Ибн Баттута не может сдержать улыбки.

Сейчас закончится лекция, и, путаясь в длиннополых халатах, мальчишки взапуски помчатся в баню, что рядом, за углом. Наполнив ее гулкие своды хохотом и визгом, они станут весело плескаться водой или, подхватив в десятки рук задремавшего на топчане далляка, бросят его в бассейн и, корчась от смеха, будут глядеть, как он неуклюже шлепает руками по воде и, яростно вращая глазами, изрыгает в их адрес самые страшные проклятья.

В Багдаде Ибн Баттута не теряет времени зря. Весь июнь он прилежно посещает лекции шейха Сирадж ад-дина аль-Казвини и получает от него иждазу, свидетельствующую, что он отныне имеет право самостоятельно комментировать «Муснад» - авторитетный богословский трактат средневекового схоласта ад-

Дарими.

Все, кто окружает Ибн Баттуту, не перестают удивляться его неистощимой любознательности и неукротимой энергии, столь контрастирующей с распространенной на Востоке склонностью к спокойной созерцательности и неторопливому мудрствованию.

Раннее утро. Почихивая и ежась от сырости, правоверные неторопливо выходят из мечети, долго шарят босыми ногами по мраморному полу, отыскивая оставленные у входа башмаки. А молодого магрибинца уже и след простыл. Громко стуча деревянными подошвами по брусчатке улицы Рашида, он спешит в Сук-Сарай, к знакомому букинисту.

Старик букинист никогда не выезжал за пределы Багдада. Здесь, под сводами Сук-Сарая, он появился на свет и здесь же в назначенный срок испустит дух. Но ничто не волнует его больше, чем путешествия в заморские страны, о которых он готов рассказывать часами так, словно побывал в каждой из них.

Ибн Баттута жадно слушает историю о страшных морских драконах таннинах, о змеях с собачьими головами, о великанах, пожирающих людей, о райских садах с цветами из тончайшего шелка в далекой стране Катай.

- Один путешественник говорил, - медленно перебирая янтарные четки, рассказывает старик, - будто он видел в Индии ученых слонов, исполняющих поручения своих хозяев. Слону дается мешок, чтобы сложить в него покупки, туда же кладется вада - это местная монета, список нужных предметов, каковы бы они ни были, и по образчику каждого требуемого товара. Слон идет к зеленщику. Увидев его, лавочник бросает все дела и оставляет всех своих покупателей, кто бы они ни были.

Кто-то из посетителей недоверчиво ахает.

- Затем он вынимает деньги из мешка, - продолжает старик, - пересчитывает их, просматривает список требуемых товаров и отпускает слону лучшее, что у него есть из этих товаров, за самую низшую плату. Если слон просит прибавки, зеленщик прибавляет ему, если продавец ошибается в счете денег, животное смешивает их своим хоботом, так что считать приходится снова…

- Ну а если кто-то но пути утянет у слона часть товаров? - взволнованно перебивает старика тот же недоверчивый голос.

Старик на мгновение задумывается.

- Воровство в Индии считается важным проступком, - говорит он. - Если провинится индус неимущий и низкого происхождения, царь приказывает его казнить; если же вор человек со средствами, его имущество конфискуется целиком или на него налагается крупный штраф… Вообще у них за воровство полагается смертная казнь, но если в Индии проворуется мусульманин, дело его

передается мусульманскому судье, который и поступает с ним по законам ислама.

Ибн Баттута снисходительно оглядывает толпу зевак, собравшихся у лавки. Он-то наверняка посетит Индию и увидит ученых слонов и многое другое, что недоступно этим людям, чье невежество сравнимо только с их чудовищной ленью, делающей их пожизненными узниками грязных лавок, сгрудившихся на тесном пятачке Сук-Сарая.

Пройдет несколько лет, и Ибн Баттута станет кадием при дворе индийского царя и будет казнить и миловать по законам ислама, за воровство назначая отсечение руки, за прелюбодеяние - побитие камнями. Но этот поворот судьбы сегодня неведом ему, да и может ли смертный знать о том, что определено ему судьбой.

В полдень Ибн Баттута уже бродит по кладбищу халифов в Русафе. За каждым надгробием целая повесть, и рассказ Ибн Баттуты о посещении аббасидских гробниц свидетельствует о его глубоких познаниях в истории.

Ничто не ускользает от его внимательного глаза. И лишь, пожалуй, дольше, чем на чем-либо другом, задерживается его взгляд на изящных фигурках багдадских женщин.

Прекрасный пол - слабость Ибн Баттуты. Горячий поклонник женской красоты, он подробно описал не только достоинства и недостатки женщин в различных странах мира, но и их положение в обществе.

«Женщины у тюрок и монголов, - заметил Ибн Баттута, - весьма счастливы. Когда тюрки и монголы пишут приказ, они составляют его от имени султана и его жен - хатуней. У каждой хатуни есть свои земли, податные участки. Когда она отправляется в путешествие с султаном, она находится в своей собственной ставке…»

Чаще всего в поле зрения Ибн Баттуты попадают женщины из высших слоев общества, в котором ему приходится вращаться. О своих личных делах он говорит скупо и лаконично, ограничиваясь обмолвкой, что там-то и там-то приобрел у работорговца румийскую или тюркскую наложницу.

Жены и рабыни сопровождали неутомимого магрибинца во всех его путешествиях, мучались и страдали, рожали детей, болели и умирали. Некоторые из них, получив развод, навсегда оставались в каком-нибудь маленьком городке, за тысячу фарсахов от родины.

Как складывались их судьбы? Об этом Ибн Баттута, как правило, ничего не сообщает.

Но бывали исключения, из которых можно сделать вывод, что

Ибн Баттута был способен не только на мимолетное увлечение. Случалась в его жизни и настоящая любовь, и хотя о женщинах, памятных сердцу, он писал в обычной лапидарной манере, живая человеческая боль прорывалась, как луч, из темноты недомолвок и путаницы иносказаний.

У арабов свои представления о женской красоте. К сожалению, Ибн Баттута почти не дает портретных описаний. О его вкусах мы можем судить исходя из критериев, широко распространенных в арабском мире в средние века.

О женской красоте писали в своих газелях лучшие арабские поэты. В стихах возлюбленную сравнивали со стеблем тростника или веткой восточной ивы, ее лицо - с полной луной, а распущенные волосы - с черной ночью. Особое очарование женскому лику придавал румянец и родинка на щеке, которая напоминала капельку серой амбры на алебастровом блюде или ярко-алой поверхности рубина. Один средневековый поэт признался, что за родинку на щеке возлюбленной готов без сожаления отдать Самарканд и Бухару…

До отправления каравана паломников остается почти два месяца, и Ибн Баттуте не сидится на месте. В самый разгар августовского зноя, когда багдадцы целыми семьями перебираются в прохладные подвалы - сердабы и после полудня на улицах ни души, Ибн Баттута выезжает с султанской ставкой, чтобы посмотреть на «порядок царя Ирака в отправлении и прибытии на место и узнать их способ передвижения и путешествий».

Ибн Баттута подробно описывает сборы ильханского двора перед выходом в путь: изощренный церемониал, отражающий все нюансы иерархических взаимоотношений в государстве Хулагуидов, место каждого чина в походной колонне, порядок следования обозов - и в заключение рисует красочную картину монгольского куреня - стойбища, построенного по принципу круговой обороны. В центре куреня находится ставка султана, вокруг - юрты его жен, военачальников, придворных, причем каждый юрт, по словам Ибн Баттуты, имеет своего имама, муэдзина, чтецов Корана и даже небольшой рынок.

Из ставки ильхана Ибн Баттута направился в Тебриз. Его сопровождал один из придворных, эмир Ала ад-див Мухаммед. Однако в городе они побыли недолго. Ибн Баттута успел лишь бегло осмотреть Тебриз, а утром следующего дня гонец доставил срочную депешу от султана с приказом немедленно возвращаться в Багдад.

Некоторые исследователи связывают это с дворцовым переворотом и убийством Димашка Хваджи, но сам Ибн Баттута

не сообщает никаких подробностей неожиданного возвращения.

«Я вернулся в Багдад, - пишет он, - и сделал все, что было велено султаном».

Проведя в Багдаде несколько дней, Ибн Баттута вновь трогается в путь. На этот раз на север, в Верхнюю Месопотамию.

В местечке Кайара, неподалеку от Тигра, Ибн Баттута становится свидетелем добычи нефти, но почти не пишет о способах ее применения. Судя по всему, использование нефти в XIV веке носило весьма ограниченный характер, хотя достоверно известно, что битумы и нефть широко употреблялись многими народами древности.

В Вавилоне сырую нефть использовали для освещения, смачивая в ней факелы, в Древнем Риме ею наполняли масляные лампы, применяли для центрального отопления и подогрева воды в банях. Немецкий ученый XVI века Агрикола в своем знаменитом труде «De re me-tallica» подробно описывает способы добычи жидкого битума.

Арабы широко применяли сырую нефть в военном деле. В XIV веке в арабских армиях существовали отряды так называемых наффатинов - «метателей огня», которые с помощью особых баллист стреляли кувшинами с горящей нефтью.

Византийцы использовали в боевых действиях «греческий огонь» - смесь нефти с негашеной известью, воспламеняющуюся при добавлении воды, - с середины XII века, когда это оружие было изобретено или усовершенствовано константинопольским мастером Каллиником. В 1139 году второй Латеранокий собор запретил применение «греческого огня» в Европе - слишком велики по масштабам тех времен были человеческие жертвы.

Двигаясь вверх по Тигру, Ибн Баттута добрался до старого арабского города Мосула, основанного в 642 году на месте укрепленного христианского монастыря. Расположенный на западном берегу Тигра, Мосул был известен производившимися здесь высококачественными шерстяными тканями, которые во всем мире называли муслином. Ион Баттута ничего не пишет о муслине, но подробно описывает мощные крепостные стены Мосула, огромное подворье с мечетями, гостиными дворами, базарами и банями, больницу - маристан и роскошный рынок привозных товаров - киссарвю с железными вратами. Упоминает он и одну из главных достопримечательностей Мосула - мечеть сз. Георгия и развалины древней ассирийской столицы Ниневии на восточном берегу реки.

Лето подходило к концу. Шурша, падали листья в фисташковых садах, порывистый ветер приносил из степи душистые запахи увядающей травы. На знаменитом овощном

базаре Баб аль-Туба продавали мосульские арбузы, напоминающие по форме огромный огурец. Было нестерпимо душно, но в низких грозовых тучах уже гуляли сполохи молний, и коричневая поверхность Тигра все чаще покрывалась рябью от дождевых капель.

Из поездки по Верхней Месопотамии Ибн Баттута, судя по всему, вернулся в самом начале осени и в полном соответствии со своими планами 18 сентября 1327 года с караваном иракских паломников отправился в Мекку.

* * *

«Ветры дуют не так, как хотят корабли». Горькую мудрость этой поговорки арабских мореходов Ибн Баттута впервые испытал на себе, когда после трехлетнего пребывания в Мекке решил морским путем отправиться в Йемен.

Поздняя осень 1330 года. В небе ни облачка. Ветер срывает с гребней морских волн белую пену. У свайного причала Джидды подрагивают под порывами ветра остроносые изящные джалбы, поскрипывают прошитые кокосовыми веревками шпангоуты, покатые бока лоснятся от акульего жира.

Погрузкой занимается хозяин джалбы Рашид ад-дин Альфи, долговязый худой эфиоп в полосатом джильбабе, с кривым йеменским кинжалом за кушаком. Оседлав поставленную на попа бочку, он размахивает руками, сердится, осыпает грузчиков бранью.

Верблюды не хотят идти на сходни, упираются, мотают из стороны в сторону задранными вверх безучастными мордами. Под их тяжестью судно оседает, погружается на несколько шибров. Низкорослые жилистые грузчики-сомалийцы идут вереницей, мягко пружинят на крепких ногах под тяжестью кулей с мукой и кувшинов с маслом.

Паломники поднимаются на борт последними, боязливо ступая на прогибающиеся сходни, беззвучно шепчут бескровными губами:

- Во имя аллаха…

Морское путешествие страшит их, и, подчиняясь неизбежному, они всецело доверяются воле всевышнего. Боится моря и Ибн Баттута, и всякий раз, когда под порывом ветра вздрагивает тяжелая мачта и жалобно гудят канаты, его сердце сжимается, наполняясь дурными предчувствиями и страхом перед неотвратимостью судьбы.

Но вот мокрые канаты грузно шлепаются на деревянный настил, хлопает, наполняясь ветром, огромный треугольный парус, и, разворачиваясь носом к волне, джалба медленно выходит из бухты.

Горячий ветер ударяет в спину, надувает пузырем широкий подол джильбаба. Глядя на веселое лицо скуластого капитана, полуголого, в клетчатой йеменской юбке на бедрах, путники немного успокаиваются. Кое-кто, прислонившись спиною к борту, погружается в дрему, испуганно тараща глаза каждый раз, когда, ударившись о встречную волну, нос джалбы стремительно взлетает вверх и мелкие соленые брызги веером разлетаются по полу…

Утром третьего дня ветер усиливается, меняет направление. Теперь веселому капитану не до зубоскальства. Разбежавшись по волне, джалба резко меняет курс и некоторое время до инерции движется в требуемом направлении. Затем капитан повторяет маневр, и нет конца этому утомительному единоборству человека с непокорной стихией.

Бортовая качка валит с ног, волны с грохотом перекатываются через палубу, шумными пенистыми струями стекают в трюм, где, прижавшись друг к другу, испуганно переглядываются бедолаги-нассажиры. Судно бросает из стороны в сторону, и кажется, что под натиском волн оно вот-вот треснет, как яичная скорлупа. Но когда обессиленные качкой пилигримы почти свыкаются с мыслью о неизбежной гибели, сквозь свист ветра и грохот воды доносится сверху ликующий крик:

- Берег!

Через некоторое время джалба ударяется о что-то твердое и по инерции со скрежетом ползет брюхом по песку. Воцаряется удивительная тишина, нарушаемая лишь мерными всплесками воды и хриплым перекликом матросов, бегающих по палубе. Наконец распахивается люк, и слепящий солнечный луч врывается в душный полумрак трюма. Щурясь и закрывая лицо руками, паломники один за другим поднимаются на палубу.

- Ветры дуют не так, как хотят корабли, - смущенно улыбаясь, говорит скуластый капитан. - Шли в Йемен, а попали в Египет.

После затхлости трюма горячий ветерок, дующий из пустыни, кажется Ибн Баттуте благодатью.

Так на египетском побережье, в нескольких милях от злосчастного Айдаба, благополучно завершается его первое морское приключение.

Из-за непредвиденной задержки Ибн Баттута попадает в Таиз лишь в середине декабря. Погостив несколько дней у султана Нур ад-дина Али, он отправился в Сану, а оттуда в Аден.

Декабрь на исходе, а в Адене ужасающий зной. Голые серо-красные лавовые скалы пышут жаром, и нигде нет спасения от удушливой липкой духоты. Ибн Баттута отмечает, что в Адене нет ни деревьев, ни источников и местные жители используют для

питья дождевую воду, которую они собирают в огромных котлованах, выдолбленных в чреве скал.

Речь идет о знаменитых аденских «цистернах», построенных еще в VI-VII веках и сохранившихся до наших дней. Уникальная водосборная система состояла из десяти гигантских резервуаров, наполнявшихся стекавшими по склонам гор дождевыми потоками, и на протяжении веков служила для жителей города единственным источником питьевой воды.

Выгодное расположение Адена на путях морской торговли между Индией и странами Красного моря уже в глубокой древности превратило его в один из оживленнейших портов мира, несмотря на тяжелые природные условия и угрюмую непривлекательность вулканического ландшафта.

Население Адена было смешанным. Наряду с йеменцами здесь оседали индусы, цейлонцы, эфиопы, сомалийцы, египтяне. Самым почтенным занятием считалась торговля, и всякий, у кого заводились деньги, тотчас закупал ходовые товары и открывал лавчонку в Кратере. Если дело приносило достаточно барыша, можно было задуматься о приобретении самбуки, собственной или совместно с двумя-тремя пайщиками.

«Есть среди купцов очень богатые, - отмечал Ибн Баттута. - У одного свое судно, которым он владеет без компаньонов, и это предмет особой гордости».

В бойком торговом городе работы хватало всем. Простолюдины грузили товары в порту, ходили на рыбный промысел, подряжались матросами на купеческие суда.

Ибн Баттута ничего не сообщает о том, что способствовало его решению посетить города восточного берега Африки. Та же любознательность? Страсть к открытию новых мест?

Безусловно, все это сыграло далеко не последнюю роль. И все же думается, что на этот раз выбор маршрута в значительной мере подсказала сама природа.

Дело в том, что характер мореходства в Индийском океане всецело зависел от сезонных изменений в направлении ветров. В январе - феврале здесь преобладают северо-восточные муссоны, благоприятствующие движению судов из Индии в Аден и из Адена к Африканскому побережью.

Весной картина резко меняется. Наступает сезон юго-западных ветров, позволяющих плыть из Африки к берегам Аравии, а оттуда в Индию.

Наука располагает данными, что судоходство между Индией и Южной Аравией было развито уже с середины второго тысячелетия до нашей эры. Сабейские, а несколько позднее греческие и александрийские суда регулярно отправлялись в

плавание на Восток. Навигация была каботажной, и длинный, чреватый многими опасностями путь вдоль сильно изрезанного азиатского берега, по-видимому, занимал около года.

Трудно сказать, когда именно древние мореходы подметили регулярность в смене муссонов, позволявшую судам отрываться от берега и при попутном ветре кратчайшим путем идти в порт назначения. Скорее всего первые вылазки в океан носили вынужденный характер. Каботажные суда ветром сносило в открытое море, где они либо погибали, либо, подхваченные муссонными потоками, в конце концов выносились к берегу. Это, очевидно, повторялось не раз, прежде чем кто-то из арабских или индийских мореходов решился на героический шаг и, уверенный в своей правоте, твердой рукой направил корабль в открытое море навстречу неизвестности и, возможно, гибли.

Европейская традиция связывает открытие муссонов с именем греческого кормчего Гиппала, жившего, как полагают, в I веке до нашей эры. Считается, что Гиппал первым из европейцев стал ходить в Индию кратчайшим путем, добираясь туда всего лишь за 40 дней. Введение «ветра Гиппала» в практику мореплавания дало мощный толчок развитию торговых связей с Индией и в истории мировой культуры имело не меньшее значение, чем открытие морского пути в Индию Васко да Гамой в 1497-1499 годах.

Из Адена Ибн Баттута отправился в начале января и через четыре дня прибыл в африканский порт Зейла, Судно стояло всего лишь одну ночь, и Ибн Баттуха не пошел на берег из-за грязи и зловония, распространявшегося от рыбных отбросов и многочисленных скотобоен. Зейла не понравился ему, и его описание города отличается сухостью и предельным лаконизмом.

Зато сомалийский порт Могадишо, куда Ибн Баттута плыл морем в течение пятнадцати дней, произвел на него огромное впечатление.

Могадишо был основан в X веке арабскими купцами в качестве торговой фактории и быстро стал одним из главных центров арабской колонизации Африки. Пришельцы с берегов Персидского залива ассимилировались с местными жителями, усваивали их образ жизни, обычаи и манеры, сохраняя в неприкосновенности лишь учение пророка Мухаммеда, которое, впрочем, сравнительна быстро распространилось среди сомалийцев.

Выходцы из различных арабских племен жили особно, каждое племя в своем квартале, но все они безоговорочно признавали духовный авторитет первопоселенцев - арабов из племени мукри, которые считали себя кахтани-дами, то есть потомками коренных

южиоаравийцев, и выдвигали из своей среды кадия, долгое время объединявшего в своих руках духовную и светскую власть.

Султанат, знаменовавший новую ступень в развитии государственности, полностью сложился, судя по всему, лишь к концу XIII века. Именно поэтому записки Ибн Баттуты, побывавшего в Сомали в 1331 году, поистине уникальны, тем более что пытливый магрибинец сообщает множество этнографических подробностей, которые отсутствуют в других источниках.

Вместе с тем новелла о посещении Могадишо, написанная живым, доходчивым языком, столь увлекательна сама по себе, что имеет смысл привести ее полностью.

«К обычаям этого города, - пишет Ибн Баттута, - относится то, что, как только в гавань приходит корабль, к нему подходят санбуки (а это небольшие лодки), и в каждой санбуке находится группа молодых людей из числа жителей Макдашу. Каждый из них привозит с собой накрытое блюдо с едой и подносит его кому-нибудь из купцов на корабле, приговаривая: «Это мой жилец!» Так поступают все подъехавшие, и купец с корабля поселяется только в доме своего «хозяина» - одного из этих юношей (разве только он бывал в городе многократно и хорошо знаком с его обитателями - такой живет где пожелает). Когда же купец останавливается у своего «хозяина», тот продает товар купца и закупает для него. Если же кто купит что-либо у купца со скидкой или продаст ему в отсутствие «хозяина», то такая сделка у жителей считается предосудительной.

Когда юноши поднялись на мой корабль, один из них подошел ко мне, но мои спутники сказали ему: «Это не купец, а только факих!» Молодой человек окликнул своих товарищей и сказал им: «Это гость кади!» Среди них был знакомый кади, которому он передал эту весть. Кади пришел с группой талибов и послал за мной. Я сошел на берег со своими спутниками и приветствовал кади и его товарищей. Он же промолвил: «Во имя аллаха, мы идем приветствовать шейха». Я спросил: «А кто такой шейх?» И кади ответствовал: «Государь!» Ибо обычай их - именовать государя шейхом. Я было сказал кади: когда-де размещусь, отправлюсь к нему. Но кади мне ответил: «Таков обычай: когда приезжает факих, или шериф, или праведник, он не размещается, пока не повидает государя». И я вместе с кади и талибами пошел к шейху…

Когда я с упомянутым кади - а его зовут Ибн Бурхан ад-дин, и он египтянин родом, - приблизился к дому султана, вышел кто-то из слуг и приветствовал кади. А тот сказал ему: «Возвратись и извести шейха, государя нашего, что этот человек приехал из

земли Хиджаза!» Слуга это исполнил, потом вернулся и принес поднос, на коем были листья бетеля и орехи арековой пальмы, и подвес мне десять листьев с небольшим количеством орехов. То же он подарил кади, а моим спутникам и талибам кади поднес то, что осталось на блюде. Затем слуга принес кувшин дамасской розовой воды, окропил меня и кади и сказал: «Государь наш повелел, чтобы поселился он в доме талибов!»

Кади взял меня за руку, и мы пошли к тому дому; он находился по соседству с домом шейха, был устлан коврами и снабжен всем необходимым. Потом слуга принес из дома шейха еду, и вместе с ним явился один из визирей государя, отвечающий за благоустройство гостей. Визирь сказал: «Государь наш приветствует вас и говорит вам: «Добро пожаловать!» Тут он разложил яства, и мы поели…

Мы пробыли там три дня; трижды в день нам приносили еду - таков их обычай. Когда же наступил четвертый день, а это была пятница, ко мне пришли кади, талибы и один из визирей шейха и принесли мне одеяние. Их одежда - юбка в виде набедренной повязки, которую мужчина закрепляет на талии вместо шаровар, коих они не знают; накидка из египетской льняной ткани с каймой; широкий балахон из иерусалимской ткани на подкладке и египетский тюрбан с каймою. Спутникам моим принесли подобающие им одежды. Мы пошли в соборную мечеть и молились там за решетчатой перегородкой. Когда из двери загородки вышел шейх, мы вместе с кади его приветствовали; он ответил: «Добро пожаловать!» - и заговорил с кади на их родном языке. А потом сказал мне по-арабски: «Добро пожаловать, ты почтил нашу страну и порадовал нас!»

Шейх вышел во двор мечети, стал над могилою родителя своего (он погребен там), прочел суру из Корана и призвал благословение на покойного. Потом пришли визири, эмиры и военачальники и приветствовали государя. Их обычай приветствовать похож на обычай жителей Йемена: человек касается земли указательным пальцем, потом возлагает его на голову, говоря: «Аллах да продлит величие твое!»

Затем шейх вышел из дверей мечети, надел свои сандалии и велел обуться кади и мне. Он пошел пешком к своему жилищу (оно неподалеку от мечети), а все остальные шли босиком. Над головой шейха подняли четыре цветных шелковых зонта; и на верхушке каждого зонта было изображение птицы из золота. Одеждой государя в тот день был балахон из зеленой иерусалимской ткани, а под ним красивое одеяние из египетской парчи. На шейхе была надета шелковая юбка, на голове же большой тюрбан. Музыканты били в барабаны, трубили в трубы и

рожки. Эмиры шли впереди и позади него, а кади, факихы и шерифы - вместе с ним.

В таком порядке государь вошел в помещение совета. Визири, эмиры и военачальники сели на стоявшие там возвышения, а для кади расстелили ковер, на который, кроме него, опустились только факихи и шерифы. Так они оставались до послеполуденной молитвы. Когда же они ее совершили вместе с шейхом, явилось все войско и построилось рядами в соответствии со своими рангами. Тут ударили в барабаны, заиграли на рожках, трубах и флейтах. При исполнении этой музыки никто не шевелился и не двигался, а тот, кто шел, замирал на месте.

А когда кончили играть военную музыку, люди приветствовали государя своими перстами так, как мы это рассказали, и удалились. Таков обычай их по пятницам».

Ибн Баттута не указывает, сколько времени он провел у гостеприимных сомалийцев. Пользуясь косвенными данными, ученые высчитали, что около двух-трех недель. Этого было, очевидно, вполне достаточно для купцов, чтобы продать привезенные ими товары и, пополнив свои запасы предметами местного рынка, продолжить свой путь дальше, на юг.

Путешествие вдоль побережья Восточной Африки продолжалось до конца апреля. За это время Ибн Баттута сделал немало важных наблюдений о городах Момбаса и Кильва. Ввиду скудости сведений об этих местах значение сообщений Ибн Баттуты трудно переоценить. Арабская летопись «История Кильвы» и более поздний португальский источник «Хроника царей Кильвы» полны хронологических неувязок и фактических ошибок. Восточно-африканские новеллы Ибн Баттуты отличаются большей точностью. По ним ученые восстановили многие события и даты, казавшиеся им сомнительными.

В Кильве Ибн Баттуте пришлось в полном смысле слова «ждать у моря погоды». Тронуться в обратный путь он мог лишь с началом юго-западных муссонов, то есть не ранее первых чисел мая. При попутном ветре судно шло к берегам Аравии около двух месяцев.

В конце июня 1331 года Ибн Баттута прибыл в До-Фар. Благодаря регулярным морским сообщениям и хорошо налаженной торговле близость Индии чувствуется здесь как в никакой другом месте. В Дофаре на каждом шагу звучит индийская речь, лавки завалены индийскими товарами, основную еду дофарцев - рис привозят из Индии, и даже хлопчатобумажные набедренные повязки выканы на Малабарском побережье.

Индийские купцы приобретают в Дофаре породистых арабских скакунов, которые у них на родине идут на вес золота.

Торговый обмен выгоден обеим сторонам, и эту особенность подмечает Ибн Баттута, описывая церемонию встречи купеческих кораблей в порту.

«У них существует такой обычай. Если приходит судно из Индии или откуда-нибудь еще, невольники султана идут к берегу, садятся в санбуку и плывут к этому кораблю. Они тащат с собою полное одеяние для судовладельца или его агента, а также для капитана, который называется «руббан» или «каррани». Им приводят трех скакунов, на которых они садятся верхом. Впереди них шествуют барабанщики и трубачи, сопровождая их от берега моря до султанского дворца, где они обмениваются приветствиями с визирем и начальником войск. Щедрое угощение посылается всем, кто находится на судне трижды, а после этого все едят в резиденции султана. Они поступают таким образом, рассчитывая расположить к себе судовладельцев».

Достаточно странно, но на относительно коротком отрезке пути из Дофара в Мекку Ибн Баттута провел почти целый год. В своей книге он весьма подробно описывает Оман, населенный еретическими сектами раскольников - хариджитов, оживленнейший морской порт Хормуз, в котором благодаря широкому размаху посреднической торговли с Индией, Китаем, Аравией и странами Запада скопились сказочные богатства. Неподалеку от Кайса, ошибочно принятого им за Сираф, Ибн Баттута становится свидетелем опасного промысла ловцов жемчуга и наконец в компании эмира арабского племени Бани Ханифа прибывает в Мекку, перед отправлением в многолетнее, полное приключений и опасностей путешествие на Восток.

Ибн Баттута покидает Мекку 8 сентября 1332 года. Ему к тому времени уже исполнилось 28 лет.

Часть вторая

НА КРАЮ НАСЕЛЕННОГО МИРА

Доколе мы будем во мраке ночном
со звездами вдаль стремиться?
Ведь нет ни копыт, ни ступней у звезд -
легко им по небу катиться.
Назерно, и веки у звезд не болят,
бессонница им незнакома.
А путник не спит, ночуя в степи,
вдали от родного дома.
Аль-Мутанабби

Глава первая

«Три вещи нельзя скрыть: любовь, беременность и езду на верблюде», - говорили древние арабы.

Ибн Баттуте не удавалось скрыть страх перед морем.

- Укушенный змеей боится веревки, - беззлобно посмеивался капитан Бартоломео, глядя на своих пассажиров, собиравшихся на корме к вечерней молитве.

Декабрьское море неприветливо, серые грозовые тучи громоздятся, тесня друг друга, до самого горизонта, но опытный генуэзец знает - попутный ветер за два дня домчит быстроходную галеру до мелководных малоазийских берегов.

«На десятый день мы достигли города Алайа, с которого начинается страна Рум», - писал Ибн Баттута, преувеличивая протяженность морского путешествия по меньшей мере в пять раз. Но в этом преувеличении была своя логика: приятное сердцу пролетает мгновенно, мучение, длящееся мгновения, кажется вечностью.

Страну Рум Ибн Баттута назвал одной из самых прекрасных на земле.

«Аллах собрал в ней все хорошие качества, имеющиеся у других стран порознь, - писал он. - Ее жители самые красивые по внешности, самые чистые в одежде, самые изысканные в пище и самые мягкосердечные из всех созданий аллаха. Именно поэтому говорят: «Блаженство в Сирии, а милосердие в Руме», подразумевая жителей этой страны. Всякий раз, когда мы останавливались в этой стране в странноприимном или частном доме, наши соседи, будь то мужчины или женщины, - а они не покрываются чадрой, - приходили справляться о нас, а когда мы уезжали от них, они прощались с нами, словно были нашими родственниками или домочадцами…»

Восторги Ибн Баттуты нетрудно понять. Южное побережье Малой Азии издревле считается одним из благодатнейших мест на земле. Со стороны моря изящные каменные постройки Алайи, уютно примостившиеся на скалистом мысу, кажутся вырезанными из картона декорациями театра теней. Пологие горы курчавятся низкорослым лесом, в долине - чересполосица виноградников, оливковых и апельсиновых рощ. Нежный ветерок, чуть колышущий верхушки пирамидальных тополей и кипарисов, приносит терпкие запахи йода и древесной смолы. В порту, где покачиваются на легкой волне выстроенные в ряд фелюги, галеры, шуны, пахнет рыбой и свежей древесиной, которую отсюда отправляют в Александрию, Латакию, Дамаск.

Первая крупная остановка в малоазийском маршруте Ион Баттуты в Анталье, древней Атталее, Саталии средневековых портоланов. Город лежит подковой на берегу бухты, лесистые горы прижимают его к морю, при полном штиле их очертания как в зеркале отражаются в зеленой воде.

Как любой приморский город, Анталья шумна, разноязыка. В порту услышишь греческую, турецкую, франкскую, арабскую речь. Европейские купцы селятся тут же, в обнесенном стеною квартале, где лепятся друг к другу двух- и трехэтажные каменные дома. Чуть поодаль выглядывает из-за кирпичной ограды синагога, вокруг нее окруженные кипарисами и лаврами жилища иудеев.

Мусульмане отмежевались от всех в Великом городе, где по пять раз на дню молятся в соборной мечети, а остальное время слоняются по рынку, блаженствуют, набивая чрева жирным кебабом и пахлавой, или дремлют на пыльных паласах в тени пахучих пиний.

Иное дело - греки, которые живут суетно и шумно. В их квартале день-деньской пьют вино, смеются, ругаются, плачут, поют грустные, протяжные песни. Ибн Баттута не понимает их языка, а поэтому не знает, о чем грустят беспокойные византийцы.

О чем же они грустят? Наверное, о тех безвозвратно ушедших временах, когда не было в Анталье ни минаретов, ни крикливых муэдзинов, каждое утро от виллы наместника летели к рынку на белых конях глашатаи и, разворачивая хрустящие свитки, читали указ василевса. Однажды они принесли страшную весть: в сражении у Мириокефали орды степных варваров окружили воинов императора со всех сторон и зарубили всех как стадо баранов. Это случилось в 1176 году, а через тридцать один год кровожадные степняки появились у стен Антальи.

Сражение у Мириокефали было лишь одним из эпизодов

смертельной схватки между византийцами и напиравшими с Востока кочевыми ордами огузов, возглавляемых вождями из племени сельджуков. В течение XI века византийцы мужественно сопротивляются натиску степняков, но военная удача не на их стороне. Положение не спасают и привлеченные на службу в императорскую армию кочевники-акриты: в битве при Малазкирте в 1071 году, увидев перед собой единоплеменников, наемники вероломно покидают императора Романа Диогена, и его армия терпит сокрушительное поражение.

Битва при Малазкирте (Манджикерте) оказалась роковым рубежом в истории Византии. Оттесняя полководцев василевса на запад, в глубь страны, сельджуки один за другим овладевают крупнейшими малоазийскими городами. Особенно чувствительным ударом для византийцев и всего христианского мира было падение Никеи, священного города, где в 325 году состоялся I Вселенский собор. В 1081 году Никея становится столицей Румского султаната и резиденцией его основателя Сулеймана. С тех пор никейский агарянин Сулейман стал одним из действующих лиц средневековых рыцарских романов, в которых описывались походы крестоносцев на Восток.

Весь XII век сельджуки провели в борьбе, мечом и огнем покоряя новые и новые города, присоединяя к созданному ими государству еще не захваченные области.

Государству Сельджукидов не суждена была долгая жизнь. Тем не менее именно на период их властвования приходится мощный культурный подъем. «В течение полустолетия, - отметил известный востоковед В. Гордлевский, - создали они здесь памятники, которые пережили творцов».

В первой половине XIII века в Малую Азию пришли новые завоеватели - татаро-монголы. Сульджукидам, как и многим другим династиям, пришлось принять роль вассалов монгольских ильханов.

Хотя в 1261 году императору Михаилу VIII Палеологу удалось уничтожить Латинскую империю, созданную крестоносцами в Малой Азии в начале XIII века, это в конечном счете лишь на время отсрочило гибель Византии, спасти которую было уже невозможно. Византийскую империю при династии Палеологов со всех сторон теснили враги. Самыми опасными были неаполитанский король Карл Анжуйский и латинские рыцари, сохранявшие свои феоды в Пелопоннесе и Средней Греции.

С конца XIII века над восточными границами империи нависла тень нового опасного врага - турок-османов, которые лишили Палеологов значительной части их малоазиатских

владений.

В 1299 году вождь небольшой турецкой орды Осман наголову разбил сельджуков в битве при Конье и принял титул султана. Как свидетельствовали современники, ему было не занимать ни мужества, ни ума. Скончавшись в 1326 году, он оставил в наследство своему сыну Орхану могучее государство и, по-видимому, наказал ему не останавливаться на достигнутом. Сразу же после смерти отца Орхан начал завоевательные кампании, в результате которых покорил Малую Азию до самого Геллеспонта.

Напуганный неудержимым натиском незваных гостей, император Иоанн Кантакузин отдал свою дочь Феодору в жены предприимчивому султану.

…Ибн Баттута попал в Малую Азию зимой 1332 года, оказавшись, таким образом, свидетелем двух противоположных процессов: распада сельджукских княжеств и постепенного собирания раздробленных сельджукских феодов родом Османа, который положил начало Оттоманской империи, будущей Блистательной Порте.

Медресе Антальи, где остановился Ибн Баттута, - в Великом городе, рядом с рынком, обнесенным глинобитной стеной. Конец декабря, но небо пронзительно-голубое, легкий солоноватый ветерок играет концом тайласана. Дышится глубоко, привольно.

Декабрьский рынок полон фруктов, овощей, цветов. Его деревянные ворота, поскрипывающие на ржавых петлях, запираются затемно, когда небо вспыхивает миллионами ярких огоньков и звезды падают в море, оставляя за собой серебряные хвосты.

Давно уже Ибн Баттуте не было так хорошо, как в эти первые дни в Анатолии, когда душа освободилась от страха перед морем и можно было не думать ни о Чем, приятно ощущая уголком сознания, что впереди интересный неизведанный мир, населенный единоверцами, которые ведут священную войну против презренных византийцев, жалко цепляющихся за каждый клочок тои благодатной земли.

«В этой земле, - отмечает Ибн Баттута, - в любом городе и в каждой деревне люди исключительно приветливы и гостеприимны к странникам. Они приглашают их к себе, подносят щедрые угощения».

Ибн Баттута знает, что обычай радушного отношения к чужеземцам широко распространен на Востоке. Да и не только на Востоке, а всюду, где люди продают и покупают и с нетерпением ждут торговых караванов из далеких стран. Всюду, где кипит торговля, привечают иноземного купца. Да это и понятно. Купец ведь всю свою жизнь ходит по дорогам мира, пересекает страны и

моря. Жажда наживы ведет его от одного межевого столба к другому, и всякий раз, вступая в пределы неведомой еще страны, чувствует он биение сердца, предвкушая, что познает то, чего до сих пор не удавалось познать никому. Выложив на прилавок товар, он расскажет о странах, которые видел своими глазами, и публика обомлеет, проникаясь уважением к его всезнайству и мужеству.

Почтение к купцу - правило каждого дальновидного правителя, жаждущего знать, что происходит в соседних пределах и стремящегося к утверждению своей славы в иных землях. Чем больше гостей, тем бойчее торговля, а стало быть, крупнее барыш, тем осведомленней удельный князь или наместник о тайных или явных намерениях своих соседей - друзей или врагов.

Купец зачастую не просто торговый гость. Случается, что он и посланник от государя к государю, живая почта, степной вестовщик. Направляя своего посла из Персии в Малую Азию, монгольский хан дает ему две охранные пайцзы и ярлык. С этими знаками посланник неприкосновенен. Любое посягательство на него равносильно объявлению войны. На Востоке вовек не забудут, как заносчивость хорезмшаха Мухаммеда, позволившего своему наместнику в Отраре разграбить монгольский караван, обернулась трагедией для многих стран и народов: взбешенный избиением своих послов, Чингисхан двинул бесчисленные орды в пределы хорезмшаха, а оттуда они расползлись по всей земле, сея смерть и разрушение.

Вестника нельзя убивать, говорят в Малой Азии. А купцы, привозящие из далекой страны русов лен, соболей, горностаев и степных лисиц, рассказывают, что еще в древности повелел своим соплеменникам князь Владимир по прозвищу Мономах уважать заморских гостей.

«Чтите гостя или посла, - поучал Владимир Мономах, - если не можете подарками, то пищей или питьем, они, проезжая, будут прославлять человека либо добрым, либо злым - по всем землям…»

Прогуливаясь по рынку со своим радушным хозяином, шейхом Шихаб ад-дином из сирийского города Хама, Ибн Баттута не переставал дивиться предприимчивости торговых людей, доставляющих сюда товары со всего света. На прилавках тюрбаны, шерстяные бурнусы, полосатые джильбабы из Египта, точь-в-точь такие, какие можно купить на крытых рынках Каира или Танты, багдадские ткани - шелк, атлас, камха, благовония - мускус, алоэ, амбра. У ковровщиков радуют глаз яркими узорами ширазские и грузинские ковры, у ювелиров переливаются немыслимыми огнями драгоценные камни из Мавераннахра.

В квартале Мина торгуют лошадьми. Рынок наполнен цокотом копыт, ржанием. Остро пахнет конской мочой и навозом. Каких только не увидишь здесь скакунов! Самые дорогие арабские и венгерские кони, вскормленные степью, а поэтому близкие сердцу вчерашнего кочевника. Ничем не уступят им нервные, порывистые тавлинские с Кавказа и быстроногие мерины из Костамунии - за каждого знающий человек не задумываясь выложит тысячу динаров.

По дороге в медресе Ибн Баттута и шейх Шихаб ад-дин предались воспоминаниям о прекрасном городе Хама, где благочестивый шейх провел свое детство и юношеские годы. Вроде бы совсем недавно был Ибн Баттута в Сирии, а каждое упоминание о ней отзывается в сердце саднящей болью, укором совести, когда встает перед глазами закутанная в черное покрывало тоненькая фигурка той, которую он оставил, отправляясь в хадж, и больше не увидит никогда.

У самого входа в медресе шейха Шихаб ад-дина поджидал посетитель. Высокий, ладно скроенный молодой турок в рваном пропыленном кафтане и войлочной шапочке - калансуве. Опустившись на одно колено, он приложился губами к краю джуббы Шихаб ад-дина и сказал ему по-турецки несколько слов.

- Понял ли ты, сын мой, что говорит этот человек? - спросил шейх Ибн Баттуту.

- Я не знаю вашего языка, - ответил Ибн Баттута.

- Он говорит, что приглашает тебя в гости вместе с твоими приятелями.

Ибн Баттута ничего не ответил. Когда юноша, почтительно раскланявшись, ушел, Ибн Баттута сказал:

- Я думаю, что этому бедняку будет не под силу принять нас всех, и мы не хотели бы быть ему в тягость.

В ответ на эти слова шейх расхохотался и, видя недоумение Ибн Баттуты, сказал:

- Этот человек - шейх братства ахиев. Под его началом около двухсот ремесленных людей, которые безоговорочно слушаются его во всем. У них есть своя обитель, предназначенная для приема гостей, ибо ахии отличаются исключительным гостеприимством.

С такого вот курьеза началось знакомство Ибн Баттуты с цеховыми организациями ремесленников - ахиев. Эти цеховые братства, которые в своей основе были религиозными сообществами, в сложных условиях XIV века играли важную политическую роль. Под религиозной оболочкой скрывалась оппозиция политике феодалов. Организованные в компактные группы и чаще всего вооруженные, ахии представляли собой

внушительную силу, с которой не могли не считаться городские власти, наместники и крупные феодалы, тем более что ахии считали справедливым убийство тиранов и, по-видимому, нередко прибегали к этой мере. В своей повседневной практике они придерживались принципа взаимовыручки, соблюдали строгую обрядность при посвящении в члены братства, устраивали совместные трапезы на деньги, заработанные их участниками. Во главе каждого братства стоял вожак, или шейх, избиравшийся своими товарищами и пользующийся непререкаемым авторитетом. Его называли «ахи».

Ибн Баттута писал о братствах ахиев:

«Их можно встретить во всех туркменских землях Руна, в каждой области, в любом городе и деревне. Никто в мире не сравнится с ними радушием к чужеземцам, хлебосольством, услужливостью, непримиримостью к тиранам… Они убивают соглядатаев и им подобных злокозненных людей… Ахи у них - это человек, собирающий людей своей или других профессий - как правило, неженатых. Они делают его своим предводителем…. Ахи строит обитель, обставляет ее мебелью, светильниками и всем необходимым. Его товарищи днем трудятся, чтобы заработать себе на жизнь, а к вечеру приносят ему выручку я на нее покупают фрукты, еду и все, что необходимо ДЛЯ содержания обители. Если в этот день появляется странник, они поселяют его у себя и оказывают ему самый радушный прием. Он остается у них до тех пор, пока снова не отправится в путь. Если же гостей нет, они собираются за совместной трапезой, едят, пьют, танцуют, а поутру уходят на работу. К вечеру они возвращаются к своему предводителю и приносят ему свой заработок. Их называют фетьянами, а предводителя их, как мы уже упоминали, зовут ахи. Нигде в мире мне не приходилось видеть людей, более славных своими деяниями. Разве что могут сравниться с ними в делах своих ширазцы и исфаханцы. И все же эти оказывают большую любовь и почтение к странникам, они более гостеприимны, щедры и более сострадательны к ним…»

За время своих почти двухгодичных странствий по Малой Азии Ибн Баттуте не раз довелось быть гостем ахиев. В своих воспоминаниях он подробно воспроизводит быт обителей и нравы братьев. Его описания - ценнейший источник информации о социальной жизни Малой Азии XIV века.

Обитель, которую Ибн Баттута посетил в Анталье, по всей видимости, принадлежала весьма зажиточному и влиятельному братству. Ибн Баттута сообщает, что полы обители были устланы великолепными коврами византийской выделки, внутренние помещения освещались яркими люстрами из иракского стекла. В

зале, где ахии устраивали сходки и дружеские трапезы, на изящных треножниках покоились начищенные до блеска медные светильники - байсусы.

В собрании ахиев Ибн Баттуту встретили юноши в длинных кафтанах и плоских шапочках - калансувах из белой шерсти; за кушаком каждый из них носил огромный, в два локтя длиною, кинжал в серебряных ножнах.

Раскланявшись с Ибн Баттутой, парни стали усаживаться на ковер. При этом они снимали шерстяные калансувы, оставляя на головах маленькие блестящие кольчужки.

Дружеская трапеза, в которой на правах гостя участвовал Ибн Баттута, затянулась далеко за полночь.

«Когда все расселись, - пишет Ибн Баттута, - принесли много еды, фруктов, сладостей, стали петь и танцевать…»

С выездом из Антальи началась почти двухлетняя малоазиатская одиссея Ибн Баттуты. «Книга путешествий» не дает представления об истинном маршруте странствий Ибн Баттуты по Анатолии. Учитывая, что свои воспоминания наш путешественник продиктовал много лет спустя, понятно, отчего он временами допускает неточности, нарушает временную и географическую последовательность в описании городов и событий. Если точно следовать маршруту, предлагаемому Ибн Баттутой, получается, что он за один переход покрывал расстояние между городами, находящимися в разных частях страны, тогда как города, лежащие рядом друг с другом, встречаются у него в разных местах повествования.

Не будем придавать этому особого значения. Предоставим ученым заниматься выяснением подробностей маршрута Ибн Баттуты, а сами присоединимся к нему на пыльной дороге, ведущей из озерной крепости Гюль-Хисар в город Ладик, древнюю Лаодикею-на-Ликосе, развалины которой и сегодня можно увидеть в степи, в пяти километрах от турецкого города Денизли.

Дорога называется Кара-агач, что в переводе с турецкого означает «черное дерево». Вокруг зеленая степь, где пасут свои стада кочевники-туркмены. Нестерпимо печет июньское солнце. Тяготы дневных переходов усиливает запрет на питье и еду: начало июня 1333 года совпало с мусульманским месяцем рамаданом. Дремлют, покачиваясь в седлах, длинноусые стражники, посланные правителем Гюль-Хисара Мухаммедом Челеби для охраны путников от степных грабителей. Подрагивают привязанные к лошадиным шеям пыльные кутасы - тигровые хвосты, оправленные серебряными кольцами, - награда воину за его доблесть в бою. Фыркают, отмахиваясь хвостами от надоедливых слепней, облезлые вьючные ишаки. Ибн Баттута

тоже дремлет, вцепившись потными руками в луку седла, ноги в такт движению покачиваются в стременах.

Но спокойствие обманчиво. С минуты на минуту безмятежную тишину степи может разорвать пронзительный свист, и со всех сторон вылетят на дорогу невесть откуда взявшиеся разбойники - гермияне в мохнатых черных шапках и с пиками наперевес.

Гермияне, промышляющие разбоем на торговом тракте, наводят страх на всю округу. Побаиваются их и стражники - пазванты. Встрепенувшись на шорох птицы, выпорхнувшей из густой травы, они испуганно таращат глаза, крутят головами, пытаясь угадать, где таится опасность.

На сей раз аллах будет милостив к маленькому каравану. В первых числах июня 1333 года Ибн Баттута со своими спутниками благополучно доберется до Ладика, который турки называют Дун Гузлу, что означает «город свиней».

Ладик, по описанию Ибн Баттуты, «большой и красивый город». Город славится производством золототканых одежд. Их выделывают светловолосые румийские мастерицы, которым городские власти предписывают носить высокие тюрбаны. Мужчины, как правило, носят белые или красные колпаки. Это указывает на их христианское происхождение. Обычай выделять христиан и иудеев, вменяя им в обязанность носить одежду определенного покроя и цвета, был широко распространен по всему мусульманскому Востоку.

В поисках постоялого двора Ибн Баттута и его спутники, как водится, первым делом отправились на рынок. Необычный внешний вид путников сразу же привлек всеобщее внимание. Люди выходили из лавок и с любопытством глазели на вытянувшуюся вдоль узкого проулка кавалькаду всадников. Толпа нарастала и в конце концов стала такой плотной, что Ибн Баттуте пришлось осадить коня. Иноязычный гомон казался ему загадочным и враждебным. Это ощущение усилилось, когда несколько рук вцепились в уздечку его коня и стали тянуть ее в разные стороны. «Мы решили, что это и есть разбойники - гермияне, которые хотят нас ограбить», - вспоминал впоследствии Ибн Баттута. Тем более что спор за уздечку быстро перешел в драку, и спустя мгновение в сумраке проулка блеснули лезвия ножей.

Неожиданно для всех обстановку разрядил маленький вертлявый старичок в зеленом тюрбане паломника. Протиснувшись сквозь толпу, он приблизился к Ибн Баттуте и на чистейшем арабском языке спросил:

- Откуда высокие гости?

Ибн Баттута ответил.

- Эти люди принадлежат к двум разным цехам, - объяснил хаджи. - Они спорят за право сделать вас своими гостями.

У Ибн Баттуты отлегло от сердца.

- Так пусть бросят жребий, - сказал он весело.

- Будь по-твоему, - пробормотал старик и, повернувшись к дерущейся толпе, закричал что-то высоким пронзительным голосом.

Драка мгновенно прекратилась. Двое высоких молодых ахиев, потирая ушибленные места, пошли в лавку бросать жребий. Разгоряченная толпа хлынула за ними. На какой-то миг воцарилась тишина, которую тут же прервал ликующий крик победивших.

Ибн Баттута и его спутники достались братьям из цеха точильщиков. Вопрос о жилье был, таким образом, решен, и в сопровождении своих новых товарищей путники отправились в обитель братства, находившуюся рядом, в подворье.

По дороге в обитель братья заходили чуть ли не в каждую лавку, закупая еду для дружеской трапезы. До ее начала оставалось еще несколько часов, и шейх ахиев предложил скоротать время в бане.

Раздевшись в мыльной и повязавшись белоснежным азаром, Ибн Баттута вошел в парную. Шейх ахиев не отставал от него ни на шаг. Чувствовалось, что прислуживать гостю, доставшемуся такой дорогой ценой, доставляет ему истинное удовольствие.

- На свадьбе спешат к зурне, а в бане - к курнё, - сказал он весело, откручивая кран с горячей водой. От курны - небольшого углубления для воды - полетели вверх мелкие горячие брызги.

Желая угодить гостям, ахии, натянувшие холщовые рукавички, работали на славу. С каменных топчанов, едва различимых в густом пару, доносились вздохи, вскрики, взвизги, блаженное покряхтыванье.

Ибн Баттута лежал на скользком топчане, положив подбородок на скрещенные перед собой руки. Сердце стучало ровно и уверенно, сладкая истома разливалась по телу, изнуренному долгой верховой ездой. Все складывалось как нельзя лучше. В свои двадцать девять лет танжерский шейх получил титул трижды хаджи, прошел полмира, снискал почет и уважение окружающих. Увидел бы отец, как встречали его сильные мира сего в Мекке и Дамаске, Басре и Багдаде, как беседовали с ним на равных в прохладном полумраке мечетей те, чьей мудрости и учености дивится весь мусульманский мир!

Знают ли в Танжере о его подвижничестве? Об иджа-зах с именами светил, приятно похрустывающих в дорожной торбе? О

заветных свитках самаркандской бумаги, которой доверены самые острые впечатления долгого пути?

Ностальгия неизменно охватывала Ибн Баттуту в минуты покоя и размышлений, когда, подводя итоги содеянному, он невольно обращался в мыслях к отчему дому, остро досадуя на то, что близкие не могут разделить его радостей и волнений, восторгов и тревог…

- Сначала еда, потом слова, - прервал его раздумья веселый грудной голос шейха ахиев. - Братья сообщают, что ждут к трапезе.

Выходили из бани разгоряченные, счастливые, с шутками и смехом. Ахии заранее приготовили кувшины с розовой водой и окропили ею своих гостей с такой щедростью, что Ибн Баттута и его приятели по дороге в обитель благоухали, как султанский цветник.

Утром в дверь постучался городской проповедник Ала ад-дин аль-Кастамуни и передал Ибн Баттуте приглашение от султана Инанч-бека. Во дворе обители топтались, лениво пощипывая утоптанную траву, не менее дюжины превосходных тавлинских лошадей - подарок султана. Весь день Ибн Баттута провел с Инанч-беком. В своих воспоминаниях он высоко оценил душевность, простоту и мягкость своего царственного собеседника. Впрочем, возможно, Инанч-бек подкупил магрибинского шейха не только любезным приемом и мягкостью речей, но и богатыми дарами: в тот же вечер он послал к Ибн Баттуте своего наследника Мурада с мешочком серебряных дирхемов сельджукской чеканки. К тому же, не желая отставать от отца, юный Мурад подарил иноземным гостям десяток холеных коней. На этот раз чистокровных костамунийских.

Все это, разумеется, не могло не способствовать приподнятому настроению, не покидавшему Ибн Баттуту на протяжении всего его пребывания в Ладике. Тем более что рамадан близился к концу, и город лихорадочно готовился к празднику - малому байраму.

Праздник удался на славу. С утра у соборной мечети собрались несметные толпы людей. Инанч-бек явился на площадь в сопровождении гвардии, под грохот литавр и барабанов. Ахии различных ремесленных цехов, нарядные, с тяжелыми кинжалами за бархатными кушаками, стояли на другой стороне площади. У каждого цеха свои знамена, свои барабанщики и зурначи, которые, кичась друг перед другом своим искусством, наполнили город таким немыслимым гвалтом, что голуби, сорвавшись с перил минарета, испуганно порхнули в сторону городской стены.

Особенно блаженствовали попрошайки и бродяги. Еще с

рассвета они двинулись на городское кладбище, где, привязанные к деревьям, жалобно блеяли жертвенные бараны. Здесь ахии проворно закалывали баранов и коров, ловко разделывали их, варили жирную похлебку сача, которая вместе с горячими лавашами раздавалась голытьбе. К вечеру разномастная толпа сгрудилась у ворот султанского дворца: Инанч-бек устраивал грандиозное пиршество, куда приглашались все, кто способен был работать челюстями.

Пир у Инанч-бека поразил воображение Ибн Баттуты. Огромный, устланный ширазскими коврами зал был залит огнями десятков свечей, вставленных в изящные серебряные подсвечники. Два стола, поставленные вдоль стен, ломились от самых изысканных яств, в центре возвышался деревянный помост - садр, на котором стоял стол поменьше для султана и его ближайшего окружения. За спиной султана застыли в отрешенных суровых позах дворцовые рынды, вооруженные наборными дамасскими луками, массивными молотами и щитами с золотым кружком посередине. Эмир дворца, почтительно раскланиваясь, рассаживал гостей, каждого на отведенное ему место в соответствии с его рангом и положением.

Стол, что накрыт по правую руку от султана, сервирован фарфором, золотом и серебром. На огромных подносах в экзотических соусах томились куски баранины, куры, голуби, куропатки. Светловолосые юноши - огланы в блестящих одеждах и золототканых скуфьях на византийский манер, мягко ступая по пушистым коврам в туфлях с загнутыми кверху носами, разносили холодную родниковую воду и душистый шербет. Этот стол - для почетных гостей: богословов, судей, шейхов ремесленных братств.

Стол, что слева от султана, был накрыт попроще. За ним, спрятав босые ноги под лавки, сидела городская беднота: подмастерья, извозчики, погонщики верблюдов, убогие калеки, проводящие все свое время на ступеньках мечетей, и просто заезжие прощелыги, не преминувшие в праздничный день набить утробу за чужой счет.

Направо от входа в зал расположились музыканты и певцы - озаны со своими тамбурами. На коленях у музыкантов литавры, трубы-нафиры, лютни, зурны. Прислоненная к стене, до времени безмолвна огромная арфа. Нечто подобное Ибн Баттуте предстоит увидеть в Константинополе, во дворце василевса, но сегодня он тщетно пытается скрыть свое восхищение: такого не приходилось ему видеть в лучших домах Каира и Багдада.

…Длинен и замысловат малоазиатский маршрут Ибн Ваттуты. Десятки городов и деревень исходил он своими ногами,

от Эрзерума на востоке до Измира на западе, от Антальи на юге до Синода на севере.

Особо запомнилась Конья, античный Иконион, блестящая столица сельджукских султанов вплоть до падения их династии в 1307 году, когда город захватил суровый Бадр ад-дин Махмуд из могущественного туркменского клана Караман-оглу.

«Обойди весь свет, но посети также Конью». Эту тюркскую поговорку Ибн Баттута слышал от разных людей в караван-сараях на пути из Миласа в Конью.

Конийская равнина, выжженная беспощадным июльским солнцем, изрезана глубокими балками, на покатых холмах поблескивают осколки острых скал. Вдали золотятся налившиеся тяжелыми колосьями поля, и рядом отбрасывают на рыжую землю прямоугольные тени безжизненные саманные хижины.

Ближе к Конье бесконечные луга, пастбища, сады, саманные хижины образуют деревни с невысокими минаретами маленьких молелен и навесами открытых рынков.

Конья расположена у подножия холмов, с которых, весело журча, сбегают вниз ручейки холодной родниковой воды. Часть воды поступает в город, избыток наполняет глубокие рвы, окаймляющие городские стены. Сто восемьдесят квадратных башен с бойницами оседлали каменную стену, между башнями зодчие точно выдержали дистанцию в сорок шагов.

Чего только не увидишь на крепостной стене! Беспорядочно вделаны в нее саркофаг с изображениями из жизни Ахилла, христианские каменные надгробья, обломки плит с надписями византийских времен. Все, что осело в этих местах от предыдущих эпох, сгодилось при строительстве, все пошло в ход: и алтари из языческих храмов, и тяжелые генуэзские кресты, и даже изваяния римского орла и арабского льва.

Тяжелые городские ворота запираются с наступлением темноты, и путник, не поспевший засветло, вынужден устраиваться на ночлег на голой земле. Утром стража окликнет его и, удостоверившись, что он не таит худого, пропустит в город, пожелав удачи в торговом деле.

А в Конье есть что продать и купить! Каких только рынков там нет! Ибн Баттута особо подчеркивает строгую Цеховую структуру торговой жизни Коньи. «Каждый ремесленный цех, - пишет он, - имеет свои ряды». Хлопчатобумажные ткани продаются в одном ряду, парфюмерия и благовония - в другом, особняком стоит знаменитый ряд золотых дел мастеров, сверкающий камнями, свезенными сюда со всего мира.

В цехе объединены не только мастеровые, но и купцы, подвизающиеся в торговле каким-нибудь одним товаром. Они

сообща устанавливают цены, оберегают рынок от произвола чужаков, в складчину от имени корпорации строят медресе, караван-сараи, бани.

Рынков в Конье бесчисленное множество. Особенно любопытен «Конский базар», куда привозят лошадей из всех сопредельных стран, и «Портал невольников», где можно купить мальчика или наложницу любого племени и цвета кожи. Работорговлей почти монопольно заправляют генуэзцы. Они покупают «живой товар» в Крыму, сотнями и тысячами перепродают на невольничьих рынках Рума.

Белокожих славянских красавиц водят по городу, как лошадей, поцокивая языками, громко нахваливают их прелести, заставляют улыбаться, показывать зубы. Мальчики и мужчины сидят в портале на длинных деревянных скамьях, ждут, когда придет их черед.

В Конье жизнь била ключом. Здесь собрался весь цвет туркменского общества - феодалы со своей многочисленной челядью, кадии, богословы-улемы, дервиши, чиновники при султанских диванах, взятками нажившие огромные состояния, попечители мечетей и мавзолеев.

Много было иноплеменников - иудеев, греков, армян. Иудеи, как всюду, служили придворными лекарями, промышляли разменом денег и ростовщичеством, торговали хмельным зельем, откупаясь щедрыми взятками от нечистых на руку мухтасибов, которые на манер римских цензоров шныряли по городу в надежде на поживу. Греки занимались ремеслом, содержали корчмы, армяне жили торговлей.

Немало в Конье и иранцев. Туркменские вельможи таскают их за собой десятками, поручая работу, требующую учености и живости ума. Иранцы - чиновники султанских диванов, грамотеи, переписчики рукописей, каллиграфы. Нередко пробиваются в министры и даже становятся визирями.

Конья живет свободно, раскованно, весело. Рынки открыты допоздна, ближе к полуночи беспутные гуляки собираются в кабаках, откуда доносится музыка, пение, пьяный смех. Публика кабаков разношерстна - чиновники султанских диванов, городские нотабли, поэты, торговцы, разбогатевшие арфистки, владеющие доходными домами и сотнями рабынь, и даже мевлеви из секты вертящихся дервишей.

Городской судья Ибн Калам-шах, у которого остановился Ибн Баттута, как-то предложил ему посетить могилу Джелалиддина Руми, умершего в Конье в 1273 году. Уроженец афганского города Балх, Джелалиддин Руми вместе с семьей бежал оттуда, спасаясь от монгольского нашествия, и обосновался в Конье,

блистательной столице Сельджукидов. Здесь он написал стихи, которые обессмертили его имя.

В этих стихах Джелалиддин Руми высоко поднялся над привычными представлениями и предрассудками эпохи. Осуждая нетерпимость и фанатизм, он проповедовал любовь и согласие, равенство всех смертных вне зависимости от вероисповедания и языка. Ему принадлежит такое высказывание:

«Приходи, кто бы ты ни был - неверный, огнепоклонник или язычник. Наш дом не обитель отчаяния. Входи, да сколько бы ты ни нарушал своих обетов».

Из Коньи путь Ибн Баттуты лежал на Кайсери, оттуда на Сивас, где находилась резиденция ильханского наместника эмира Ала ад-дина Эретна. К востоку от дороги из Ларанды в Конью начинались владения хулагуидского хана.

В Кайсери Ибн Баттута был принят женой наместника Таги-хатуныо, которая подарила ему оседланного коня, одежду и мальчика-гуляма. В Сивасе, древней Севастии (Себастее), Ибн Баттута встретился с эмиром Ала ад-ди-ном Эретна, прекрасно говорившим по-арабски. Эмир принял его в своем дворце, подробно расспрашивал об Исфахане и Ширазе, интересовался обстановкой в Сирии, Египте, а также в сопредельных туркменских землях.

В самый разгар жары Ибн Баттута прибыл в город Бирги, где провел около двух месяцев. Правитель Бирги Мухаммед ибн Айдин пригласил Ибн Баттуту в свою летнюю резиденцию высоко в горах, где он спасался от зноя. очевидно, прослышав о подарках, полученных Ибн Баттутой от караманских князей, Мухаммед ибн Айдин задался целыо во что бы то ни стало перещеголять их щедростью в Размахом. ,

- Пусть скажет, чего он хочет, - передал султан Ибн Баттуте через своего наиба.

- У султана есть золото, серебро, лошади, рабы, - уклончиво ответил Ибн Баттута. - Пусть дает что пожелает.

Мухаммед ибн Айдин не ударил лицом в грязь. Перед самым отъездом Ибн Баттуты он закатил в его честь огромное пиршество, куда пригласил городских нотаблей, военачальников, улемов. После приема султан послал в медресе, где остановился Ибн Баттута, торбы с провиантом, сто мискалей золота, тысячу серебряных дирхемов, дорогую одежду со своих складов, оседланного коня, а также византийского мамлюка по имени Михаил.

Путешествие Ибн Баттуты по Малой Азии подходит к концу. Позади великолепные города Западной Анатолии- Айя-Солук, Измир, Манисса. В Изнике, небольшом городе-крепости,

расположенном на острове посреди озера, Ибн Баттута видел легендарного Орхана, второго султана нарождающейся Османской империи. Магрибинец прекрасно разбирался в хитросплетениях политической конъюнктуры своего времени: недаром он называет Орхан-бека крупнейшим из туркменских царей.

«У него больше всех денег, земель, стран, солдат, - подмечает Ибн Баттута. - Он владеет ста крепостями и большую часть времени проводит, объезжая их. В каждой он останавливается на несколько дней и проверяет ее состояние. Не проходит и месяца, чтобы он не воевал с неверными. Его сын отобрал Бруссу у румийцев, он похоронен там в мечети, которая раньше была христианским храмом».

Источники по ранней истории Оттоманского государства крайне скудны. Поэтому каждое свидетельство Ибн Баттуты на вес золота.

В пору своих путешествий по Ирану и Малой Азии Ибн Баттута еще не владел ни персидским, ни турецким языками. Впоследствии, как можно понять из текста книги, он изучит эти языки, которые в XIV веке играли роль lingua franca на огромных пространствах от Босфора до Индии и Китая. Но это будет потом, а в 1333 году Ибн Баттута обходится лишь арабским, и это порождает массу недоразумений, которые он с юмором описывает в своих воспоминаниях.

Во время остановки в одном из странноприимных домов Ибн Баттута тщетно пытался объясниться с турком из ахиев. Послали за ученым богословом. Однако на вопросы Ибн Баттуты богослов невпопад отвечал по-персидски. Ахии мрачно наблюдали за его тщетными попытками наладить взаимопонимание. Им и в голову не приходило, что ученый шейх, похваляющийся знанием законов пророка, на самом деле никогда в жизни не изучал арабского языка.

Получился конфуз. Но ученый невежда, всю жизнь обманывавший своих земляков, все же выкрутился из, казалось бы, безвыходного положения.

- Этот человек говорит на древнеарабском, - объяснил он по-турецки, показывая рукой на Ибн Баттуту. - Я же обучен лишь новоарабскому.

Ибн Баттута понял смысл его слов и расхохотался, но никому не объяснил причину своего смеха. Он не выдал гостеприимным хозяевам позорную тайну незадачливого пройдохи-шейха.

…Восточнее Гереде, античной Кратеи, Ибн Баттута свернул с большой анатолийской дороги и направился на север, в сторону Черного моря.

В Синоде, на родине Диогена и Митридата, Ибн Баттута провел, по его словам, сорок дней.

Ждал у моря погоды.

Глава вторая

«Чем прибыль на море, лучше безопасность на суше», - говорит турецкая пословица.

Черное море лежало у самых ног - неприветливое, холодное, штормовое. Отплытие судна откладывалось со дня на день, но это, казалось, вовсе не волновало худощавого смуглого капитана-грека, который каждое утро выходил на берег, сокрушенно хлопал себя руками по бедрам и отправлялся в ближайшую корчму, где пил вино и резался в кости со своими крикливыми единоплеменниками.

Ибн Баттута в последние дни перед выходом спал тревожно и чутко, просыпался по нескольку раз за ночь, долго сидел на постели, прислушивался к свисту ветра и монотонному рокоту волн.

Его мучили дурные предчувствия. Но когда однажды Утром греческий капитан, протирая опухшие от пьянства глаза, пробормотал, что пора готовиться к выходу, Ибн Баттута неожиданно пришел в хорошее расположение духа: отплытие было назначено на четверг, а этот день в отличие от вторника или субботы считается у арабов счастливым.

К полудню у Ибн Баттуты собрались все его спутники - арабские и персидские купцы, направлявшиеся в Крым со своим товаром - кожами, шелками, пряностями. Среди них были и пожилые люди, но так уж вышло, что небольшая компания единодушно признала авторитет молодого хаджи и безропотно подчинилась его воле. Особенно рьяно выказывал свое расположение магрибинский купец Абу Бакр, который ходил за Ибн Баттутой как тень, на лету ловил его распоряжения.

В полдень Ибн Баттута велел начинать погрузку. Абу Бакра, гортанный цокающий говор которого напоминал ему родину, Ибн Баттута пригласил расположиться с ним в одной каюте, куда неразговорчивый румийский мамлюк Михаил еще утром снес все необходимые вещи.

На рассвете следующего дня хлопнули, наполняясь ветром, латаные грязные паруса, и судно, развернувшись в бухте, нырнуло в густой туман. Три дня шли при попутном ветре. Вечером третьего дня ветер изменил направление, начало штормить. Всю ночь судно кидало с боку на бок; похрустывали и скрипели мачты и шпангоуты.

Поутру Ибн Баттута велел Абу Бакру подняться на палубу и выяснить состояние моря. Абу Бакр вернулся через считанные минуты с лицом, белым как саван.

- Плохи дела, - пробормотал он.

На пятые сутки шторм прекратился, ночной ветер расчистил небо, и спокойная зеленая вода позолотилась рассветными лучами. К полудню на горизонте показались горы, чуть позднее путешественникам открылась хорошо знакомая панорама Синопа.

Первый выход в море закончился там, где начался. Один из персидских купцов, которого замучила морская болезнь, решил сгрузить свой товар и сойти на берег, но Ибн Баттута запретил ему это.

- Никто не сойдет, - сказал он жестко. - Мы будем ждать погоды на судне.

Мартовское море вело себя как капризный ребенок. Направление ветра менялось дважды на дню. Выбрав удачный момент, капитан дал команду ставить паруса и вновь вышел из бухты. Снова судно летело вперед, подгоняемое попутным ветром, и снова к исходу третьего дня неожиданно налетел шторм.

Абу Бакр искренне огорчался подавленности Ибн Баттуты. Стараясь отвлечь его от тягостных мыслей, веселый магрибинец то и дело шутил, рассказывал о коварных демонах - дельханах, населяющих острова в океане. Ибн Баттута хорошо знал эти истории, но слушал внимательно.

- Дельханы, - рассказывал Абу Бакр, - имеют обличье людей. Они сидят верхом на страусе и питаются плотью путешественников, выброшенных бурей на берег. Однажды один такой дельхан напал на корабль в открытом море и хотел утащить команду, но моряки стали сражаться с ним. Тогда он испустил крик, от которого они все упали ниц, и он легко овладел ими.

На этот раз обошлось. Вознаграждением за бессонную ночь был полный штиль утром. Ветер благоприятствовал путешественникам в последующие два дня, до тех пор пока наблюдательный и зоркий Абу Бакр не закричал, захлебываясь от восторга:

- Берег!

Берег медленно выплывал из утренней дымки, на холмах постепенно проступали белые горошинки строений, зеленые пятна садов, колокольни.

Это была Керчь, Киммерийский Босфор античности, Vospro средневековых итальянских портоланов.

Ибн Баттута так описывает свою встречу с Крымом:

«Ночь мы провели в церкви. Приготовили курицу, но есть ее не стали: она была из корабельных запасов и пахла морем. Место, где мы сошли на берег, пустыня, называемая Дешт-и-Кипчак. Это

зеленая степь, нет в ней ни деревьев, ни холмов, ни домов, ни хвороста. Люди здесь жгут навоз, который называется «тазак». Старики собирают его в подолы своей одежды. По этой степи ездят только на колесах, и ехать из края в край надо шесть месяцев: три месяца по владениям султана Мухаммеда Узбека и еще три месяца - по другим землям.

На следующее утро один из купцов отправился к кипчакам. Они исповедуют христианство. Он арендовал у них телегу, запряженную лошадьми. Мы погрузились на нее и отправились в город Кафа…»

Христианская церковь, в которой нашел приют Ибн Баттута, - это знаменитый керченский храм Иоанна Предтечи, построенный в конце XIII века.

* * *

Первое в истории описание Крыма принадлежит Гомеру:

«В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы, круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле устья великими, друг против друга из темныя бездны моря торчащими камнями, вход и исход заграждая. Люди мои, с кораблями в просторную гавань проникнув, их утвердили в ее глубине и связали у берега, тесным рядом поставив; там волн никогда ни великих, ни малых нет, там равниною гладкою лоно морское сияет».

Удобное расположение на перекрестке мировых торговых путей, обилие безопасных бухт, мягкий климат - все это издревле привлекало к Крыму внимание иноземных завоевателей. В начале XIII века в Крыму появились татаро-монголы. Разграбив в 1223 году Судак, кочевые разбойники снова ушли в степь, но спустя несколько лет вернулись - на сей раз надолго. Крым был присоединен к великой кочевой империи Батыя, и местные правители-севасты ежегодно возили в Сарай причитающуюся с них дань.

Не довольствуясь официальными поборами, степняки нередко предпринимали грабительские набеги на цветущие приморские города, что наносило тяжелый урон их хозяйственной жизни.

Главную роль в восстановлении международных торговых связей, расстроенных татаро-монгольским нашествием, сыграли венецианские и генуэзские купцы, которым один из наместников золотоордынского хана продал прибрежные города Крыма. Между венецианцами и генуэзцами разгорелась острая конкурентная борьба. Постепенно генуэзцы одолели соперников и прибрали к рукам всю черноморскую торговлю. В конце 60-х годов XIII века генуэзские купцы купили у татар право создать свою торговую факторию на месте древней Феодосии. Небольшой греко-

аланский поселок, названный ими Кафой, со временем превратился в центр всех генуэзских колоний в Крыму. Своего консула генуэзцы именовали «главой Кафы и всего Черного моря», подчеркивая свое привилегированное положение в торговой жизни обширного географического ареала.

На Ион Баттуту кафинский порт произвел огромное впечатление. «Там стояло около двухсот кораблей - военных и пассажирских, больших и малых, - писал он. - Это один из замечательнейших портов мира».

Генуэзцы торговали всем и со всеми, лишь бы торговля приносила барыш. В Константинополь они везли просо, ячмень, пшеницу, соленую рыбу. По свидетельству хрониста Никифора Грегора, византийская столица в такой степени зависела от завоза продовольствия из Крыма, что в случае перебоев оказывалась на грани голода. В значительной мере зависели от генуэзцев и рыбацкие поселки на Северонавказском побережье, куда из Кафы доставляли крымскую соль.

В XIV веке на крымских рынках можно было встретить купцов из Московии, которых по традиции называли «гостями-сурожанами». Русские торговые люди прибывали сюда большими караванами и везли крупные партии дорогих северных мехов - лисицу, соболя, горностая, а также холсты, кожи, оружие. Колчаны и стрелы московской работы охотно приобретали татарские мурзы. Возвращаясь на родину, гости-сурожане брали с собой восточные шелковые ткани, мыло, сахар, миндаль, пряности.

Немалую прибыль генуэзским купцам приносила торговля «живым товаром». Кафа была своеобразным перевалочным пунктом, куда перед отправкой в Египет или в Западную Европу сгоняли невольников из самых разных стран. Черкесов, абхазцев, грузин приобретали в Копе, русских - мужчин, женщин, детей - целыми партиями привозили татары, промышлявшие разбоем в южнорусских степях. Славянские полонянки стоили на невольничьих рынках дорого: по свидетельству византийского писателя Пахимера, цена раба-славянина составляла от 60 до 80 дукатов.

Вот что писал об этом известный русский историк В. Ключевский:

«Татары, вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, редко пиками, на своих малорослых, но сильных и выносливых степных лошадях, без обоза, питаясь небольшим запасом сушеного пшена или сыра да кобылиной, легко переносились через необъятную степь, пробегая чуть не тысячу верст пустынного пути. Частыми набегами они прекрасно изучили эту

степь, приспособились к ее особенностям, высмотрели удобнейшие дороги, сакмы или шляхи и выработали превосходную тактику степных набегов; избегая речных переправ, они выбирали пути по водоразделам: главным из этих путей к Москве был Муравский шлях, шедший от Перекопа до Тулы между верховьями рек двух бассейнов, Днепра и Северного Донца. Скрывая свое движение от московских степных разъездов, татары крались по лощинам и оврагам, ночью не разводили огней и во все стороны рассылали ловких разведчиков. Так им удавалось незаметно подкрадываться к русским границам и делать страшные опустошения. Углубившись густою массой в населенную страну верст на сто, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали все на своем пути, сопровождая свое движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное и удобопереносимое имущество. Это были обычные ежегодные набеги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдельными стаями в несколько сотен или тысяч человек, кружась около станиц, подобно диким гусям, бросаясь туда, где чуяласьдобыча.

Полон - главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и девочки. Для этого они брали с собой ременные веревки, чтобы связывать пленников, и даже большие корзины, в которые сажали забранных детей. Пленники продавались в Турцию и другие страны; Кафа была главным невольничьим рынком, где всегда можно было найти десятки тысяч пленников и пленниц из Польши, Литвы и Московии. Здесь их грузили на корабли и развозили в Константинополь, Анатолию и другие края Европы, Азии и Африки…»

«Кафа - превосходный, тянущийся вдоль берега моря город, - писал Ион Баттута. - В нем живут христиане, большая часть их - генуэзцы».

В последнем Ибн Баттута ошибался. Генуэзцы - богатые купцы, феодалы, ростовщики и работорговцы, - хотя и были истинными хозяевами города, большинство его населения тем не менее не составляли. Возможно, Ибн Баттута попросту не обращал внимания на так называемых homines minuti, «презренных людей», простонародье, чернь, коренных или пришлых обитателей Кафы которым она была обязана своим процветанием. Впрочем не исключено, что для Ибн Баттуты все христиане был на одно лицо, и, с неприязнью относясь к неверным, он не замечал в их среде этнической пестроты. Между тем в XIV веке Кафа была населена преимущественно греками и армянами; последние обосновались здесь не позднее 1316 года. Среди прочих «неверных» встречались валахb, поляне, грузины,

мингрелы и черкесы. Всех их генуэзцы ошибочно называли сарацинами. Немало было и иудеев, державших в своих руках финансовую жизнь города. Homines minuti, о которых Ибн Баттута даже не упоминает, это главным образом ремесленный люд, занятый в производстве небольших весельных галер: плотники, кузнецы, мастера, изготовлявшие железные листал для обшивки суден, конопатчики, прядильщики и ткачи парусов.

Во главе города стоял консул, которого ежегодно назначали из Генуи. При консуле состоял совет городских попечителей - провизоров, ведавших торговлей, полицией и коммунальными службами, совет старейшин из восьми человек, а также два массария, ответственных за финансы, начальник стражи и шестнадцать синдиков - судей.

Административным центром города была цитадель. Там располагалась резиденция консула и пристроенное к ней здание суда, где синдики вершили правосудие, не гнушаясь использованием знаменитой «машины для пыток». Рядом размещались казначейство, контора для проверки весов и взимания пошлин с сыпучих товаров, магазины и торговые склады. В цитадели же была и резиденция латинского епископа.

Подворье тянулось длинной линией вдоль берега моря. В его тесных густонаселенных кварталах жили местные и заезжие купцы, мелкие торговцы, ремесленный люд, городская голь. Здесь же находились караван-сараи, лавки, ремесленные мастерские. Не было недостатка и в шумных кабаках, где продавали в розлив прекрасное крымское вино.

Кафа просыпалась на заре и ложилась спать с заходом солнца. Городские власти требовали от жителей запирать ворота домов не позднее восьми часов вечера летом и в девять зимой. Ослушавшегося ожидал денежный штраф. Исключение составляли караван-сараи, где разрешалось бодрствовать на час позже.

* * *

Неподалеку от Солхата - Старого Крыма - стоит огромный пятиугольной формы караван-сарай. Мартовская травка у массивного, украшенного резьбой портала вся в заплешинах - вбита в пыль, вытоптана тысячами ног.

Внутри чистота и простор, вдоль стен тянется айван - крытая галерея, своды которой покоятся на ажурных деревянных колоннах, в глубине айвана резные двери келий, предназначенных для торговых гостей. У водоразборного фонтана, что в центре внутреннего двора, толчея и гвалт - правоверные, прибывшие из разных стран, знакомятся, делятся впечатлениями, обмениваются новостями, рассказывают всякие

байки и небылицы.

В Кафе лающая латинская речь да угрюмые колокольни с массивными крестами наполняли сердце тревогой и унынием. Иное дело Солхат, блистательная резиденция ордынского наместника, где много единоверцев и в мечетях звучит хотя и коверканный, но родной арабский язык.

Солхат со всех сторон обнесен мощной крепостной стеной. В центре города обращенная к югу базилика мечети, построенной еще в 1314 году Узбеком, могущественным ханом Золотой Орды.

Остановка в Солхате была кратковременной. Влиятельный крымский наместник эмир Тулуктимур оказал Ибн Баттуте почет и уважение, подарил денег и коня и пригласил ехать с ним вместе в Сарай, столицу Золотой Орды.

* * *

Тронулись в путь затемно. Еще в Солхате Ибн Баттута приобрел три телеги. В одной, просторной, с войлочным верхом, он разместился вдвоем с наложницей. Другая, поменьше, была предназначена для Афифа ад-днна Таварзи, которого Ибн Баттута называл своим другом. Третья, запряженная тройкой верблюдов, составляла обоз. В ней ехали гулямы, охранявшие сундуки с добром.

«Телегу татары называют арбой, - писал Ибн Баттута. - Ее тащат две или больше лошадей. Иногда волы или верблюды, в зависимости от легкости или тяжести телеги. Возница садится верхом на одну из лошадей, в руках у него кнут, а также длинный прут, которым он уточняет направление. На телеге сооружается арка из деревянных прутьев, связанных тонкими кожаными ремешками, на них наращивается войлок, и в нем есть два окна. Изнутри все видно, а снаружи не угадать, кто внутри. Люди спят, едят, читают, пишут на ходу…»

Путь в Сарай лежал через степь. Несколько дней подряд шли дожди, земля еще не просохла, и тяжелые телеги двигались медленно, оставляя глубокие колеи.

Утренние заморозки затягивали лужицы тонким ледком, который похрустывал под копытами лошадей. К полудню припекало солнце, неразговорчивые возницы распахивали полушубки, заложив кнуты под мышку, яростно чесались.

Перед полуднем делался привал: крытые фургоны съезжались, образуя круг; лошадей, волов и верблюдов распрягали и пускали пастись под присмотром погонщика или одних, не опасаясь воровства.

«Если у кого-нибудь найдут краденую лошадь, - вспоминал Ибн Баттута, - его заставят вернуть ее хозяину, а вместе с ней еще девять лошадей. Если же он не в состоянии сделать это, то

забирают его детей. Если же у него нет детей, то его казнят, отрубая голову, как барану».

На привалах погонщики складывали в кучки высушенный конский или воловий навоз и разводили костры, на которых варили жирную похлебку - дуги. Из дымящегося прокопченного котла ее разливали по мискам и добавляли кислого молока. Ибн Баттуте такая еда была не по вкусу. Эмир Тулуктимур добродушно посмеивался, рукой нащупав в котле кусок баранины пожирнее, протягивал его гостю. На одном из привалов Ибн Баттута решил угостить эмира халвой, припасенной еще в Синопе. Но Тулуктимур наотрез отказался от подарка.

- Для мужчины есть сладости - позор, - пояснил он обескураженному магрибинцу.

И тут же рассказал, как однажды хан Золотой Орды Узбек предложил одному из своих мамлюков кусочек халвы, обещая за это даровать свободу ему и его многочисленному семейству. Оскорбленный мамлюк не припал предложение своего властителя.

- Даже если ты велишь убить меня, я не прикоснусь к сладкому, - ответил он с достоинством.

Ибн Баттута слушал и удивлялся. Все было в диковинку в этой степной стране, многие обычаи казались нелепицей и вздором. Наблюдательный магрибинец не мог не заметить, сколь иллюзорным было господство ислама у степняков: в городах эмиры и нойоны молились, как всюду, пять раз на дню; кочевники же не молились вовсе, а если их заставляли делать это, то, сев на четвереньки, они припадали лбами к земле, глядели исподлобья немигающими пустыми глазами. Даже высокопоставленные вельможи не знали арабского, не умели читать и писать, и улемами были, как правило, ученые хорезмийцы, самаркандцы, бухарцы, персы из Хорасана, арабы из Месопотамии, турки из Коньи, Сиваса, Денизли.

Мусульманство принял еще в XIII веке могущественный хан Берке, но только с 1312 года, когда ханской ставкой силою овладел молодой энергичный Узбек, ислам стал насаждаться в качестве официальной религии государства. Уже в 1314 году Узбек-хан сообщил египетскому султану аль-Малику ан-Насиру, что в Золотой Орде почти не осталось неверных, но это было несомненным преувеличением - новая вера проникала в кочевые юрты крайне медленно, и процесс исламизации завершился лишь несколько веков спустя.

В целом степняки исповедовали старые языческие культы, и закона предков - Чингисовой Ясы - строго придерживалось не только простонародье, но и родовая знать.

Ибн Баттуту поражали некоторые обычаи монголов. Так, например, он наверняка заметил, что занятые приготовлением пищи гулямы стараются не прикасаться ножами к огню, никогда не достают ножом мясо из котла, ничего не рубят топором около костра. Поступить иначе, считали монголы, означало бы отрубить голову у огня.

В числе прочих странностей был запрет опираться на плеть, прикасаться к стрелам кнутом, отлавливать или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздой, ломать кость о кость, проливать на землю молоко, ронять пищу в ставке.

Ибн Баттута не мог не удивляться и необъяснимому, с его точки зрения, запрету стирать одежду. Кочевники считали, что вывешенное для сушки платье может навлечь гнев богов и тогда они ниспошлют на землю гром и молнию.

Трудно сказать, что лежало в основе этого суеверия.

Некоторые исследователи полагают, что еще в незапамятные времена оно, как и многие другие предрассудки, было порождено случайностью: стирка белья сколько раз совпала с грозой, которой особенно страшатся степняки, - неумолимым огненным валом катится она через степь, уничтожая скот и выжигая пастбища…

На восемнадцатый день пути караван вступил в дельту Дона. Весенний разлив затруднял движение, лошади и верблюды увязали в липкой грязи, и эмир Тулуктимур, с которым шел большой обоз, пропустил Ибв Баттуту вперед, передав с ним письмо наместнику Азова аль-Хваризми.

В Азове Ибн Баттута остановился в странноприимном доме, принадлежавшем иракцу по имени Баджаб, и в течение двух дней ожидал подхода каравана.

Эмира Тулуктимура в Азове встречали со всеми почестями, приличествующими его высокому положению. В месте, выбранном для ставки, по приказу наместника были разбиты три шатра: один из цветного шелка и два других из льняной ткани. Когда эмир Тулуктимур слез с повозки, перед ним расстелили длинную шелковую дорожку, чтобы он не запачкал ноги по пути в шатер. У входа в шатер эмир посторонился и жестом руки пригласил Ибн Баттуту первым войти внутрь. Пропуская гостя вперед, он оказывал ему величайшее почтение и давал понять всем окружающим, сколь высоко он ставит ученого магрибинского шейха.

Пол в шатре был устлан круглым ворсистым ковром, в центре стояла длинная скамья из дорогого дерева, украшенного резьбой и драгоценными камнями, на скамье набивная шелковая подушка. Прежде чем сесть, эмир Тулуктимур вновь пропустил

вперед Ибн Баттуту и находившегося в свите богослова Музаффар ад-дина, а затем сел на подушку между ними. Ибн Баттута особо подчеркивает это отнюдь не из пустого бахвальства - его действительно поразило то необыкновенное уважение, которое степные феодалы оказывали лицам духовного звания. Между тем в этом не было ничего удивительного: хан Узбек сделал исламизацию краеугольным камнем своей внутренней политики, и каждый, кто хотел пользоваться доверием монарха, должен был демонстративно показывать свое благоговейное отношение к новой вере.

Торжественный меджлис по поводу встречи Тулуктимура затянулся до позднего вечера. Гостей щедро угощали кониной, кумысом и хмельным напитком - бузой.

В конце вечера наместник приказал внести в шатер сундуки с подарками. Самым знатным гостям, в числе которых был Ибн Баттута, преподнесли богатые одежды из шелка и букарана, у входа в шатер их ожидали породистые кони.

Лошадей в Золотой Орде было несметное количество, стоили они, по сообщению Ибн Баттуты, сущие пустяки.

«Лошадей в этой стране, - писал он, - столько же, сколько у нас овец, и даже больше. У татарина их могут быть тысячи. Местные жители имеют обыкновение класть в повозки, в которых едут их жены, кусочки войлока длиною в шибр, нанизанные на тонкие прутья длиною в локоть… Каждый кусочек войлока означает тысячу лошадей. Мне приходилось видеть людей, у которых было десять таких войлочных лоскутов и даже более того…»

Выносливых степных лошадок кочевников в Египте называли акадиш, что означало «кони, не имеющие родословной». Иначе говоря, беспородные. В незатейливом хозяйстве степного жителя лошадь играла неоценимую роль. Она была основным средством передвижения, наряду с волами и верблюдами незаменимой тягловой силой, давала кумыс - главную пищу кочевников летом, мясо, которое нарезалось мелкими кусочками и высушивалось на солнце и сохранялось в таком виде весьма долго, - в зимнюю пору.

По словам Ибн Баттуты, предприимчивые мусульманские купцы огромными партиями вывозили дешевых золотоордынских лошадей в Индию, где продавали их с большой выгодой для себя.

«Для каждых 50 лошадей, - писал Ибн Баттута, - купец нанимает конюха, который пасет их, как овец. Он садится на коня, держа в руке длинный прут с веревкой. Догнав нужную ему лошадь, он накидывает ей на шею аркан и пересаживается на нее, отпуская свою пастись…»

Несмотря на то, что многое в Золотой Орде казалось ему странным, Ибн Баттута описывает обычаи и нравы кочевой империи вполне уважительно, без малейшей иронии или превосходства, так, как мусульманину приличествует описывать страну, населенную единоверцами. Как и всюду, где ему приходилось бывать, Ибн Баттута видел лишь то, что хотел видеть, и попросту не замечал того, что выходило за пределы его кругозора. Вероисповедный критерий определял границу между добром и злом, и восхищение правоверным монгольским государем Узбеком не мешало Ибн Баттуте каждое упоминание о боготворимом монголами язычнике Чингисхане сопровождать эпитетом «проклятый».

В этом Ибн Баттута строго следовал традиции, сложившейся в арабо-мусульманской историографии. Монгольское нашествие, которое в XIII столетии огненным смерчем прокатилось по территории цветущих мусульманских государств, превратив в пепел то, что заботливо создавалось веками, надолго сохранилось саднящим надрезом в исторической памяти мусульман. Смешавшиеся с автохтонным населением и принявшие ислам потомки Чингисхана со временем стали своими; сам же Чингисхан навсегда запомнился кровожадным чудовищем, варваром, не знавшим милосердия, степным язычником, не ведавшим истинной веры.

Вот как писал о монгольском нашествии средневековый историк Ибн аль-Асир:

«Пересказ этого дела заключает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастии, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман; если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время, мир не испытывал ничего подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима! И что такое израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в одном (отдельно взятом) городе, жителей которого они избили, было больше, чем всех израильтян. Может быть, род людской не увидит ничего подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали ему; эти же ни над кем не сжалились…

Вот как происходило это событие, искры которого разлетелись во все стороны и зло которого простерлось на всех: оно шло по весям, как туча, которую гонит ветер».

С тех пор утекло много воды. Кочевые легионы Чингисхана осели в завоеванных землях; гигантская империя, что простерлась от Китая до Западной Европы и от Камы до Индийского океана, не выдерживая собственной тяжести, раскололась на улусы, лишь формально подчинившиеся великому князю, а на деле независимые и даже враждебные друг другу.

Тяжким камнем на шее Руси висел улус Джучи, Золотая Орда, разноплеменное и разноязыкое кочевье, раскинувшее свои передвижные юрты - кутармы в бескрайней степи от Хорезма и низовьев Волги до Днепра.

Достаточно осведомленный о монгольских завоеваниях в Средней-Азии и Иране - об этом подробно сообщали арабские хроники - Ибн Баттута совершенно не представлял себе масштабы трагедии, случившейся в Восточ- . ной Европе в том же самом XIII веке. Во всяком случае, воспринимая Золотую Орду как могущественное мусульманское государство, он ни словом не обмолвился о Руси, так, словно бы ее и не было вовсе.

Случайно или умышленно? Думается, ни то, ни другое. Скорее всего в первой половине XIV века русские княжества представлялись арабскому путешественнику неотъемлемой частью Золотой Орды, ее лесной окраиной, платившей сарайскому хану ежегодную дань и с трепетом ожидавшей его повелений.

Любознательность Ибн Баттуты поразительна: раз побывав в какой-либо стране, он уже никогда не выпускал ее из, своего кругозора. Его книга содержит упоминания о событиях в том или ином государстве, случившихся спустя годы после того, как магрибинец покинул его пределы: находясь в Индии, он дотошно расспрашивал заезжих, купцов о том, что произошло в Малой Азии, а в Китае живо интересовался событиями в Индии.

Русь выпала из поля зрения Ибн Баттуты еще и оттого, что была населена враждебными ему христианами, а также ввиду нечеткости политической перспективы. Действительно, кто из ордынцев в первой трети XIV века мог предвидеть 1380 год?

Между тем современником и даже ровесником Ибн Баттуты был князь Иван Данилович Калита, при котором укрепление и возвышение Москвы пошло полным ходом. Более того, в 1333 году, за год до прибытия Ибн Баттуты в Золотую Орду, Иван Калита находился в Сарае, где вел переговоры с Узбеком и влиятельными ордынскими вельможами.

Ни об Иване Даниловиче, ни о Москве Ибн Баттута ничего не

сообщает. Зато мельчайшие подробности быта и нравов Золотой Орды выписаны им с такой тщательностью, что его воспоминания могут считаться едва ли не самым авторитетным источником по истории улуса Джучи в первой половине XIV века.

* * *

6 мая 1334 года Ибн Баттута прибыл в ставку правителя Золотой Орды Узбек-хана, о котором был много наслышан еще в Каире.

По словам Ибн Баттуты, кочевая ставка находилась в местечке Беш-Даг, что означает «пять гор», иначе говоря, в окрестностях современного Пятигорска.

«В этих пяти горах, - сообщает Ибн Баттута, - источники горячей воды, которой турки моются… Они утверждают, что всякий, кто вымылся в ней, исцеляется от болезней…»

Из этого сообщения следует, что целебные свойства северокавказских минеральных вод были известны золотоордынцам. Этим, очевидно, и объясняется, что именно здесь предпочитал отдыхать Узбек-хан в летнее время, когда испепеляющий зной повисает над степными просторами Приволжья.

Шатер для Ибн Баттуты разбит на вершине холма, продувается прохладным майским ветерком. У входа в шатер на высоком воткнутом во влажную землю шестке трепещет, хлопая под порывами ветра, небольшой флажок. Выставлять такой флаг у своего стойбища - обязанность чужеземцев, обосновывающихся по обычаю на окраинах шумного кочевого города.

Ибн Баттута стоит у входа в палатку, держась рукою за шесток. Сверху хорошо просматривается вся ставка: сотни сверкающих белизною войлочных юрт, частью перевозных, покоящихся на высоких повозках, - они называются кутармами, частью тут же, на земле, натянутых на Упругие каркасы из свеженарубленных прутьев. Там и здесь возвышаются надо всем изящные иголки минаретов; от рынков, расположившихся ближе к краям ставки, поднимаются, клонясь по ветру, сизые дымки походных жаровен, доносится вкусный запах жирного вареваю

Внизу, увязая в наезженных тысячами колее глубоких колеях, медленно движется длинный обоз. В голове запряженная шестеркой лошадей крытая повозка; ослепительно сверкает, переливаясь на солнце, ее высокий арча-тый купол, щедро инкрустированный драгоценными камнями.

Кони, тянущие повозку, покрыты шелковыми, прошитыми золотом покрывалами; на одном из них дремлет, зажав под мышкой длинное кнутовище, юноша-возница в ладном букорановом кафтане.

Один за другим тянутся по дороге царские обозы - жены Узбек-хана, разъезжаясь в разные стороны, разбивают свои палаточные городки.

Хатуни сидят в кибитках на мягких подушках; рядом, как предписано церемониалом, придворные дамы. По правую руку главная советница - улу-хатунь в шелковой накидке с украшенными золотом и драгоценными камнями краями, слева горничная - куджук-хатунь.

Перед хатунью стоят шесть луноликих юных невольниц в платьях из позлащенного шелка и еще десятъ-пятнадцать румиисских или индийских юношей с золотыми или серебряными булавами в руках.

На голове у хатуни высокий головной убор, который Ибн Баттута называет «бугтак»: «нечто наподобие миниатюрной короны, украшенной драгоценными камнями и павлиньими перьями…»

Последней из четырех ханских жен следует Уруджа, дочь великого эмира Исабека, влиятельнейшего вельможи при дворе Узбек-хана.

«Она увидела на вершине холма мой шатер, - пишет Ибн Баттута, - и перед ним флажок - знак путника, и послала мальчиков и рабынь поприветствовать меня. Пока они передавали мне ее приветствия, она стояла в стороне, ожидая их. Я послал ей подарок, она поцеловала его и передала распоряжение, чтобы я разбил свой шатер по соседству с ее юртом…»

Наконец на дороге появился султанский обоз, состоявший из нескольких сотен повозок, запряженных лошадьми, буйволами и верблюдами.

Формирование огромного палаточного города завершилось.

Пришла пора аудиенций.

Солнце с каждым днем все злее, обязанность поститься от зари до заката одинаково немилосердна для всех кто исповедует веру пророка. Для тех же, кто произнес символ веры нечаянно, из желания угодить набожному хану, рамадан тягостен вдвойне. Дневные молитвы под открытым небом представляются им пыткой, наказанием за грехи, совершенные ими или, может быть, их отцами, прогневившими войлочных языческих божков. Невежественные нойоны покорно исполняют предписываемые исламом ракаты, но, отмолившись, спешат к своим идолам из войлока или шелка, что стоят у дверей ставки или на повозках, и щедро окропляют их молоком. Всякий раз, по свидетельству побывавшего в Золотой Орде францисканского монаха Плано Карпини, они подносят им часть кушаний и питья. «Убивая зверя, они подносят на блюде его сердце идолу, который находится на

повозке, оставляют до утра, а потом варят и едят».

«Сверх того, - утверждает францисканец, - они поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья утром раньше, чем станут есть или пить».

Самого Узбек-хана средневековые хроники описывают человеком набожным и благочестивым.

«Это был юноша красивой наружности, - восторженно писал о нем историк аль-Бирзали, - прекрасного нрава, отличный мусульманин и храбрец. Он умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров - лам и волшебников и провозгласил исповедание ислама».

Провозглашение «исповедания ислама», как это подтверждается и другими источниками, оказалось, таким образом, актом мучительным, кровавым. Исламизация не только сыграла важнейшую роль в укреплении военного и экономического могущества Золотой Орды в период правления Узбека (1312-1342), но в значительной мере была прологом крушения Улуса Джучи, которое началось на Куликовом поле в священные для всех русских сентябрьские дни 1380 года.

Чтобы понять, отчего это было именно так, перенесемся в 1312 год.

Сразу же после смерти хана Токты тридцатилетний Узбек, опираясь на группу влиятельных нойонов, убил его сына Ильбасмаша и захватил золотоордынский престол, на который он по монгольской традиции законных прав не имел. Стремясь закрепить победу, Узбек расправился с целым рядом царевичей и эмиров, поддерживавших Токту, и объявил ислам государственной религией. Зеленое знамя пророка было, таким образом, символом централизации, беспрекословного подчинения монгольской оседлой и кочевой знати авторитету ханской власти.

Против нового хана выступили феодалы, по старинке придерживавшиеся Чингисовой Ясы, а также уйгурская «интеллигенция», которая исповедовала либо буддизм, либо христианство несторианского толка. Немало христиан было и среди покоренных монголами тюркских народов, составлявших большинство населения Золотой Орды.

Не все нойоны бунтовали в открытую. Многие лавировали, хитрили.

«Ты ожидай от нас покорности и повиновения, - говорили они Узбеку, - а какое тебе дело до нашей веры и каким образом мы покинем закон и устав Чингисхана и перейдем в веру арабов».

Настаивая на своем, Узбек-хан действовал решительно и жестоко. Сто двадцать влиятельных эмиров, в чьих жилах текла Чингисова кровь, были умерщвлены. Такая же участь ожидала

буддийских лам и несторианских священников, отказавшихся признать примат религии сарацинов.

Сотни, а может быть, тысячи искуснейших, испытанных в боях монгольских воинов из христиан хлынули на Русь, где искали прибежища у единоверцев, невзирая на различия и даже враждебность между греческой (православной) церковью и несторианством.

Беглецов принимали, привечали, наделяли землей.

«Кто пришел зимой, получал соболью шубу, кто летом - княжеский титул». Так говорили о пришельцах русские люди.

И изгнанники платили добром за добро, несли службу исправно. Их драматический исход датируется 1312 годом. В 1380 году их внуки в рядах русских ратников переправятся через Непрядву и встанут на поле, чтобы скрестить клинки со вчерашними соплеменниками.

Но не это, разумеется, было решающим в падении Золотой Орды. Важнее было другое. Начиная с Александра Невского, побратавшегося «на крови» с сыном Батыя Сартаком и тем самым спасшего Русь от опасности немецкого порабощения, и вплоть до 1312 года Золотая Орда, фактически покорившая Русь и обложившая ее разорительной данью, тем не менее служила ей амортизатором от любых посягательств с Востока и в известной мере гарантом против агрессии с Запада. Лучше было платить дань язычникам, не навязывавшим своей веры, чем оказаться под немцем, который чуждую русскому народу католическую веру пытался насадить огнем и мечом.

Дальновидный политик, Александр Невский исходил именно из этого, заключая союз со вчерашним непримиримым противником, степным грабителем, предавшим огню цветущие древнерусские города.

Потянулись годы, десятилетия татаро-монгольского ига.

«Татаро-монголы, - писал К. Маркс, - установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами, Будучи пропорционально малочисленными по отношению к размаху своих завоеваний, они хотели создать вокруг себя ореол величия и путем массовых кровопролитий обессилить ту часть населения, которая могла бы поднять восстание у них в тылу…»

С начала XIV века идет собирание русских земель, их последовательное подчинение воле Москвы. Из маленького заштатного городка Москва превращается в столицу преуспевающего княжества; при Иване Калите сюда из стольного Владимира переносит свою резиденцию митрополит Петр.

Центростремительное движение уже неостановимо. Многие

русские умы отчетливо сознают, что главная цель - превращение Руси в единое, сплоченное, централизованное государство.

Иван Калита прекрасно понимает, что избавиться от ордынского ига ему еще не по силам. Годы и десятилетия постепенного, незаметного, упорного государственного труда понадобятся для того, чтобы стряхнуть с могучих плеч Руси оседлавшего ее кочевого разбойника. Главное условие укрепления Руси - передышка, избавление от грабительских набегов. Главное - выиграть время, собраться с силами, и Иван Калита регулярно снаряжается в Сарай, где, угодничая перед ханом и влиятельными мурзами и донося на политических соперников, противящихся объединению, ни на мгновение не забывает о великой миссии, возложенной на него историей.

Его политику полностью одобряют древнерусские летописцы:

«Преста́ша поганый воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинаша христиане от великиа истомы и многиа тягости и насилиа татарского, и бысть оттоле тишина велика на всей земли».

Русь копит силы, готовится к решающей схватке, и огромную роль в этом сыграл перелом в религиозном сознании, случившийся в 1312 году, когда из язычника ордынец превратился в ненавистного «бесермена», в агарянина - непримиримого врага православной византийской веры. Нет отныне пути к компромиссу, и «или - или» - жестокий принцип, который впервые сплотившиеся русские рати бросят в кровавую сечу на Куликовом поле, - неуклонно входит в сознание, горячит кровь, будоражит умы, заставляет подняться над суетою вчерашних усобиц и распрей.

Все это в Сарае долгое время не принималось в расчет. Вряд ли задумывался об этом и Узбек-хан. Он, надо полагать, не испытывал особых сомнений относительно лояльности своих северных вассалов, которых он казнил и миловал по своему усмотрению, вручая наиболее покладистым и щедрым на взятки ярлык на великое княжение.

Энергичный и предприимчивый Узбек был занят другим. Принятие ислама придало его царствованию особое качество: включив свой гигантский улус в границы мусульманского мира, Узбек-хан вошел в число могущественнейших властелинов мира. К ним, по словам Ибн Баттуты, кроме Узбек-хана, относились правители Египта, Сирии, Ирака, Туркестана и Мавераннахра, Индии и Китая.

Предметом вожделений Узбек-хана был Азербайджан, находившийся в руках хулагуидских правителей Ирана. Золотоордынский хан не раз снаряжал против них военные

экспедиции, но присоединить Азербайджан к своим владениям ему так и не удалось.

Весной 1334 года, когда Ибн Баттута прибыл в Золотую Орду, Узбек-хан был занят подготовкой нового похода на юг. Северный тыл, где распоряжался послушный его слову Иван Калита, в то время никаких опасений не вызывал.

* * *

Аудиенции у хана Ибн Баттуте ждать почти не пришлось. Уже на следующий день после того, как он разбил свой шатер неподалеку от ставки ханского сына Джанибека, к нему наведался глава местных шерифов Ибн Абд аль-Хамид и сообщил, что Узбек готов принять его сразу же по окончании предвечерней молитвы.

- Мы с кадием Хамзой были у него вчера, - сказал Ибн Абд аль-Хамид. - Султан расспрашивал о тебе, и мы посоветовали ему принять тебя как самого высокого гостя. Сегодня в его собрании будет весь цвет улемов. Они с удовольствием послушают твой рассказ о правителях, с которыми ты встречался, и о землях, которые ты прошел.

Боясь допустить какую-нибудь оплошность, Ибн Баттута подробно расспрашивал почтенного шейха об особенностях местного церемониала. Непонятным показалось ему предупреждение обязательно преклонить левое колено перед входом в ставку и ни в коем случае не наступить ногой на порог ханского шатра: по монгольским представлениям, это было высшим неуважением к хозяину и в старые времена каралось смертной казнью.

В день приема Ибн Баттута велел неразговорчивому Михаилу достать из сундука свой парадный кафтан и долго крутился перед зеркалом, тщательно наматывая на голову зеленый тюрбан.

Ибн Баттута упоминает о том, что ханский шатер назывался Золотым куполом и был сделан из деревянных досок, покрытых золотыми пластинками. Описывает он и внутреннее убранство шатра, но нигде не дает внешнего вида ханской ставки. Воспользуемся свидетельством Плано Карпини, побывавшего в Орде почти на век раньше Ибн Баттуты. При этом нам придется принять во внимание, что многое могло измениться с тех пор, принять иную форму под воздействием мусульманских обычаев и предписаний.

«Там уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура, - писал, вспоминая о ханском приеме, Плано Карпини, - он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда, которая была разрисована разными изображениями. У ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был

входить только один император, и при них не было никакой охраны, так как через них никто не смел входить и выходить, через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали, если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника. Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду, вооруженные, с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям, мало |ого, те, кто пытался гулять между ними, подвергались Тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота, по нашим расчетам, на двадцать марок».

В сопровождении шейха Ибн Абд аль-Хамида и нескольких улемов Ибн Баттута прибыл в ставку точно в назначенный срок.

В центре огромного шатра помещался сверкающий золотом и драгоценными камнями ханский трон. Ножки его были сделаны из чистого серебра. Узбек-хан сидел посредине, справа от него находились главная жена ханша Титигли и хатунь Кабек, слева - хатуни Баялун и Арачи. Перед троном стояли дети Узбек-хана: по правую руку - любимец и наследник Тинабек, в центре - дочь Ит Кучук, слева - Джанибек, воспитанник шейха Ибн Абд аль-Хамида.

Крупные нойоны и темники расположились на стульях, выставленных слева и справа от трона. Напротив, у входа в шатер, стояли сыновья влиятельных эмиров, за ними военачальники рангом пониже.

Ибн Баттута не мог не заметить, каким почетом окружали в ставке лиц духовного звания. Всем им были отведены лучшие места, некоторые пользовались правом не вставать, отвечая на вопросы Узбек-хана.

По знаку церемониймейстер-юртчи нарядно одетые юноши-гулямы - внесли в шатер золотые и серебряные столики с едой. Поставив по столику перед каждым из гостей, они удалились, и в шатер вошли подпоясанные шелковыми кушаками резчики мяса - баручи. У каждого на поясе богато инкрустированные ножны с набором столовых ножей. На столах появились миски с отварной кониной и говядиной, золотые и серебряные пиалы с подсоленной водой. Ловко орудуя ножами, баручи режут мясо так, чтобы оно всегда было с косточкой: без кости монголы мяса не едят. Тем временем кравчие обнесли гостей хмельными напитками, главным образом медовухой.

Ибн Баттута пить вино не стал. Как и многие другие шейхи,

он предпочел кумыс, которого заготовили для пирушки море разливанное.

О гостеприимстве золотоордынцев Ибн Баттута, избалованный вниманием владык, был, впрочем, весьма невысокого мнения.

«Тюрки, - писал он с оттенком, пренебрежения, - не умеют как следует принять приехавшего к ним гостя и не способны потратиться на него. Они лишь посылают ему баранов и лошадей для заклания, а также кувшины е кумысом. В этом заключается их гостеприимство».

Во время еды Ибн Баттута несколько раз перехватывал взгляд Узбек-хана. Ему даже показалось, что султан Золотой Орды улыбнулся ему, и, не в силах поверить этому, он робко, краешками губ ответил на улыбку. Позднее он понял, что она действительно предназначалась ему: подошедший к Ибн Абд аль-Хамйду чопорный ясаул в шелковом кафтане передал, что Узбек-хан приглашает Ибн Баттуту на завтрашнюю предвечернюю молитву.

Вечер следующего дня Ибн Баттута провел в собрании Узбек-хана, куда были приглашены лишь некоторые наиболее уважаемые улемы.

Ужин подали прямо на ковер, где по обе стороны от хана восседали, по-арабски скрестив ноги, его высокопоставленные гости. Узбек-хан говорил по-тюркски, и, чтобы облегчить Ибн Баттуте участие в беседе, услужливый Ибн Абд аль-Хамид вызвался быть толмачом.

Ибн Баттута ничего не сообщает о содержании своей беседы с правителем Золотой Орды, и мы можем лишь догадываться, о чем шла речь в затянувшемся далеко за полночь собрании Узбек-хана.

Почти не вызывает сомнений, что, пригласив странствующего шейха отужинать в компании с придворными богословами и правоведами, Узбек-хан стремился произвести впечатление просвещенного мусульманского монарха, собравшего вокруг себя весь цвет научной мысли Туркестана и Мавераинахра. О стремлении золотоордынского хана утвердиться именно в этом качестве свидетельствуют его послания египетскому султану, в которых Узбек-хан сообщал о своих успехах в деле исламизации и о готовности идти до конца по славной стезе священной борьбы с неверными.

Наверняка Узбек-хан внимательно следил за обстановкой в хулагуидском Багдаде, где незадолго до этого побывал Ибн Баттута. Мнение очевидца дворцового переворота и казни Димашка Хваджи не могло не интересовать Узбек-хана, замыслившего снарядить в следующем году военную экспедицию

в Азербайджан. Не исключено, что Узбек-хан расспрашивал Ибн Баттуту о Египте и его могущественном правителе ан-Насире, на поддержку которого он рассчитывал в борьбе с багдадским султаном.

Судя по всему, Ибн Баттута произвел на Узбек-хана самое благоприятное впечатление. Узбек-хан по достоинству оценил острый ум, наблюдательность и широкую образованность молодого шейха и, возможно, рассчитывал уговорить его остаться при своем дворе. О том, что Узбек-хан не хотел отпускать его от себя, Ибн Баттута упоминает несколько раз.

В свою очередь, путешественник давно задумал обратиться к Узбеку с просьбой разрешить ему поездку на север, вверх по Волге, в Булгар, традиционный центр торговли мехами, который, как он знал, упоминается во многих арабских географических трудах. Узбек-хан дал согласие на такую поездку и распорядился выделить своему гостю опытного проводника.

В конце вечера Ибн Баттута, забыв о предостережении крымского наместника Тулуктимура, преподнес Узбек-хану блюдо с халвой, которую он вез с собой из Малой Азии. Это была явная бестактность, и присутствовавшие в собрании шейхи затаили дыхание. Но Узбек-хан сделал вид, что не заметил оплошности гостя. Он воткнул палец в халву, поднес его ко рту, но есть не стал. Затем он неторопливо поднялся с ковра, давая знать, что собрание окончено.

* * *

Был ли Ибн Баттута в Булгаре? Или его рассказ о путешествии в этот цветущий торговый город заимствован из сочинений более ранних авторов?

Не исключается ни то, ни другое. У ученых-востоковедов не существует единого мнения по этому вопросу. Наиболее бескомпромиссна точка зрения чешского арабиста И. Хрбека, который считает, что в течение всего рамадана 1334 года Ибн Баттута не покидал пределов ханской ставки. Он просто физически не мог проделать путь до Волжской Булгарии и вернуться обратно всего за двадцать дней, а если верить рассказу Ибн Баттуты. это было именно так. Изобилующий живописными подробностями отчет о поездке в Булгар является, по мнению И. Хрбека, компиляцией из трудов средневековых арабских географов.

Волжская Булгария была обязана своим процветанием исключительно удобному расположению в перекрестье важных торговых путей, обеспечивающих товарообмен между богатым государством пермяков Биармией и Средней Азией, а позднее Ближним и Средним Востоком. Главным предметом торговли в

этом ареале издревле были меха, которые биармийцы закупали у охотничьих племен Крайнего Севера и на пушных рынках своей столицы Чердыни оптом продавали булгарским купцам.

Арабы приобщились к торговле мехами сравнительно поздно, лишь после 922 года, когда булгарский правитель Алмуш объявил о своем желании принять ислам. По его просьбе багдадский халиф Муктадир, отличавшийся фанатичной религиозностью, срочно направил в Булгар свою миссию, призванную способствовать скорейшему распространению ислама в стране. С той поры дипломатические и торговые связи арабов с волжскими булгарами приобретают упорядоченный и регулярный характер, и постепенно более опытные и предприимчивые арабские купцы прибирают к своим рукам всю торговлю пушниной в Булгаре.

Поначалу чердынцы не допускали булгарских торговых агентов в богатый пушниной бассейн Печоры. Используя путь по реке Вычегде, Чусовскому озеру, Вогулке и далее по Печерскому волоку, они самостоятельно закупали огромные партии мехов и с выгодой продавали их в Чердыни. Однако после монгольского нашествия в 1236 году Биармия фактически прекратила свое существование, и торговое посредничество монопольно захватили булгарские купцы.

Стараясь не допустить проникновения арабов на Крайний Север, они умышленно распространяли всякие небылицы о диких и кровожадных северных охотниках, которые безжалостно убивают любого чужестранца, пытающегося проникнуть в Страну Мрака. Запугать легковерных арабских купцов, которые северное сияние принимали за противоборство небесных джиннов, было не так уж трудно. И все-таки наиболее смелые преодолевали страх и, заранее закупив собак и все необходимое для обоза, ступали навстречу неизвестности во мрак и стужу длинной полярной ночи.

«Проводником в той земле служит собака, которая там уже не раз бывала, - писал о Стране Мрака Ибн Баттута. - Такая собака стоит до тысячи динаров. Повозку прикрепляют к ее шее, и каждую из таких повозок тащат три собаки. Если передняя повозка остановилась, прекращают движение и все остальные. Хозяин не бьет собак и не кричит на них. Когда приносят еду, он сначала кормит собак, а потом уже людей; иначе собаки рассердятся и разбегутся, оставив хозяина умирать. Пройдя сорок дней, путники достигают Страны Мрака. Там они оставляют товары, с которыми пришли, и отправляются спать. Наутро вместо своего товара они обнаруживают соболей, белок, куниц. Если купец остается этим доволен, он берет товар, а если нет, то оставляет, и к нему за ночь добавляют мехов или, наоборот,

забирают обратно, оставляя нетронутым товар купца. Так у них происходит купля-продажа. Приехавшие туда не знают, с кем они торгуют - с джиннами или людьми».

Ибн Баттута упоминает, что в Стране Мрака он не был. Кое-что в его описании почти буквально совпадает с аналогичным описанием Страны Мрака, содержащимся в известном труде арабского историка и географа Абуль Фида «Таквим аль-Булдан». Некоторые фрагменты главы о Булгаре перекликаются, а временами совпадают с заметками арабского географа Ибн Джубейра.

Чешский исследователь С. Яничек, опубликовавший в 1929 году сенсационную статью под заголовком «Путешествие Ибн Баттуты в Булгар: правда или вымысел?», утверждает, что описания Булгара и Страны Мрака были целиком взяты из литературных источников.

Как они попали в книгу Ибн Баттуты? По чьей инициативе? Возможно, Ибн Баттута, диктуя свои воспоминания много лет спустя, счел целесообразным занести на свой счет путешествие, которого он в действительности не совершал. И сделал это, руководствуясь тщеславным стремлением превзойти всех землепроходцев, пускавшихся в путь до него. Возможно, это так. Но не исключается, впрочем, что поездку в Булгар приписал ему литературный секретарь Ибн Джузая, не пожелавший отступить от традиций арабской географической литературы, в которой Булгар и Страна Мрака были неоднократно описаны задолго до Ибн Баттуты. И в этом тоже трудно усмотреть какую-либо недобросовестность. Ведь известно, что строгим правилом всего средневекового словотворчества было не отступление от канона, а, напротив, неукоснительное следование ему. Считая, что в книге Ибн Баттуты все должно быть так, как у других, Мухаммед Ибн Джузая старательно заполнил все пропуски или провалы в памяти великого путешественника фрагментами, взятыми у авторов, чей научный авторитет в то время считался неоспоримым.

Итак, будем считать, что Ибн Баттута в Булгаре не был.

Долгий, тягучий, знойный рамадан он провел в ставке ордынского хана, где, по его собственным словам, успел нанести визиты всем наиболее значительным лицам, в том числе ханским женам и сыновьям.

Затянувшееся пребывание в Золотой Орде начало тяготить Ибн Баттуту. Отвыкший за годы странствий подолгу сидеть на одном месте, он затосковал, ушел в себя, с нетерпением ожидая удобного повода испросить разрешения хана на отъезд из его ставки.

Такой повод не замедлил представиться. Сразу же после праздника Узбек-хан собрался в Хаджи-Тархан, небольшой городок в низовьях реки Итиль. В Хаджи-Тархане он намеревался разбить свою ставку и сидеть все лето и осень, пока не подоспеют морозы и не скуют ледяным панцирем реку Итиль, по которой можно будет снарядиться вверх, на север, в Сарай.

В Хаджи-Тархане одна из хатуней, юная Баялун, беременная на пятом месяце, стала просить Узбек-хана отпустить ее в Константинополь, к отцу, византийскому императору, где она надеялась разрешиться от бремени в окружении близких и родных. Узбек-хан не стал противиться ее воле и повелел готовить царский обоз.

Ибн Баттута, настроившийся на отъезд в Хорезм, мигом изменил свое решение. Перспектива побывать в стране неверных, еще недавно представлявшаяся ему дикой и бессмысленной, неожиданно увлекла его, да так, что он перестал спать ночами, обдумывая со всех сторон, как лучше всего преподнести хану свою неожиданную прихоть.

Узбек-хану просьба Ибн Баттуты не понравилась.

- Баялун едет к отцу, румийскому василевсу, - сказал он, нахмурясь. - Царской дочери будет царский прием. В тебе же неверные усмотрят врага, и, неровен час, кто-нибудь из баловства всадит тебе в спину кинжал. А я, как ты видишь, ценю тебя и не желаю твоей гибели. Дело, конечно, твое, но мой совет - оставайся в ставке, а не захочешь - дам тебе в дорогу все, что необходимо.

- Мне нечего бояться, - осторожно, но с напором возразил Ибн Баттута. - Покуда я нахожусь под твоим покровительством, никакая опасность меня не страшит.

Узбек-хан ничего не ответил. Хлопнув в ладоши, он вызвал казначея и велел ему выделить Ибн Баттуте тысячу пятьсот динаров, присмотреть для него дорогую одежду и отобрать из ханского табуна несколько добрых коней.

Началась подготовка к отъезду. Ханские жены были чрезвычайно добры к Ибн Баттуте, одарили его серебряными слитками. Всех превзошла ханская дочь Ит Кучук: она послала Ибн Баттуте лучших коней из своего табуна, несколько сундуков с одеждой, беличьи и собольи меха.

Принимая подарки, Ибн Баттута на всякий случай по пять раз на дню посылал благодарения аллаху, наблюдая за гулямами, которые, тяжело дыша, поднимали окованные железом сундуки на громоздкие, о четырех колесах повозки, довольно прицокивал языком, притворно поругивался, браня носильщиков за нерасторопность.

Десятого дня месяца шавваля огромный, без конца и края, обоз наконец-то выступил в путь. На первом перегоне юную хатунь сопровождал сам Узбек с женами; от тысяч копыт, потревоживших растрескавшуюся от зноя землю, поднималась волнами, долго не улегаясь, стена пыли, исчезавшая лишь у горизонта, и, когда в голове колонны распрягали коней, устраиваясь на ночлег, плетущимся в хвосте оставалось пути еще на несколько часов.

После первой ночевки Узбек-хан простился с женой и, развернув свой обоз, укатил в ставку; хатуни же задержались еще на один переход, и лишь на третий день пути обоз поредел, выровнялся и двинулся дальше, сопровождаемый лишь пятью тысячами всадников под началом эмира Байдара да полусотней личного эскорта хатуни, который чуть не наполовину был подобран из мамлюков и русоволосых румийских воинов.

Весь караван состоял из четырехсот телег, да по обочинам, где еще не вытоптана трава, гнали около двух тысяч подменных верховых и тягловых лошадей, несколько стад волов и с две сотни верблюдов.

Охранники знали Ибн Баттуту в лицо. Дважды в день, на утренних и вечерних привалах, он наведывался к хатуни Баялун, прижимая правую руку к груди, кланялся, расспрашивал о здоровье. Молодая ханша была приветлива с ним, всякий раз дарила ему коней, которых у Ибн Баттуты постепенно собралось около пятидесяти.

Через полтора месяца пути у пограничной крепости Диамполис обоз был встречен почетным эскортом, высланным из Константинополя. В свите хатуни появились румийские повитухи, которых направил к ней ее отец, византийский император Андроник III.

Во время стоянки в Диамполисе случились некоторые перемены. Степь окончилась, впереди были горы. Тяжелые повозки за ненадобностью пришлось оставить в крепости, а все добро перепаковывать и вьючить на низкорослых мохнатых мулов, которых в избытке пригнал сюда румийский военачальник Никола. Оказавшись в родных пределах, Баялун не забыла Ибн Баттуту, послала ему шестерку мулов и строго-настрого приказала Николе следить, чтобы магрибинцу и его спутникам никто не причинил зла…

В Константинополь огромная процессия входила к вечеру, когда заходящее солнце окрасило медным цветом брусчатку улиц, стены домов, купола церквей. По всему городу празднично перезванивались колокола. У ворот императорского дворца произошло небольшое недоразумение. Увидев Ибн Баттуту и его

спутников, стражники с криками «сарацины!» преградили им путь.

- Я не могу пропустить их без разрешения, - ответил начальник стражи растерявшемуся Николе.

Уговоры не помогли. Пришлось задержаться у ворот и ждать, пока посланный во дворец человек не вернулся с приказом немедленно пропустить чужеземцев. Неразговорчивый пожилой румиец проводил их в отведенный ям особняк, неподалеку от покоев хатуни, и вручил Ибн Баттуте связку тяжелых ключей. Позднее он же принес гостям подписанные императором охранные грамоты и сообщил, что поутру глашатаи объявят на всех рынках о том, что мусульмане, прибывшие с хатунью, являются гостями императора и в силу этого пользуются правом неприкосновенности.

Император Андроник III принял Ибн Баттуту лишь на четвертый день.

Перед входом в Тронный зал Ибн Баттуту подвергли тщательному досмотру.

- Таков обычай, - дружелюбно улыбаясь, сказал стражник. - Нам велено обыскивать каждого, кто входит к императору, будь то знатный вельможа или иностранный посланник.

Не понимая, что ему говорят, Ибн Баттута беспомощно огляделся по сторонам. У двери стояли трое мужчин. Увидев растерянность Ибн Баттуты, один из них направился к нему и, вежливо поклонившись, заговорил на арабском языке с легким иудейским акцентом:

- Не бойся! Так здесь поступают со всеми гостями, Если ты не понимаешь их речи, я помогу тебе. Я придворный толмач, родом из Сирии.

- Как мне приветствовать василевса? - спросил Ибн Баттута.

- Очень просто. Скажи ему «салям алейкум», а я переведу так, как надо. Не бойся попасть впросак, положись на меня. Мы далеко не всегда переводим все то, что говорится.

Изощренная помпезность византийского дворцового церемониала произвела на Ибн Баттуту гнетущее впечатление. Чувство одиночества, скованности, даже собственной ничтожности в гулких коридорах императорского дворца, в его огромных высокосводных залах с подчеркнутой изысканностью убранства усиливалось незнанием языка, а следовательно, непониманием обстановки, где все казалось замысловатым, враждебным, чужим.

Скованность постепенно исчезла лишь во время приема, когда Ибн Баттуте пришлось обстоятельно отвечать на многочисленные вопросы Андроника. Порфирородный монарх с

интересом слушал рассказ своего гостя о Иерусалиме и Вифлееме, о Дамаске и Каире и в особености о турецком Руме, с которым Константинополь находился в состоянии непрекращающейся жестокой войны.

- Одарите этого человека подарками, - приказал Андроник в конце аудиенции. - И еще позаботьтесь, чтобы никто не сделал ему ничего дурного…

И тут же распорядился выдать Ибн Баттуте одежду с дворцовых складов, коня с седлом и уздечкой, также прямоугольный зонт, который означал, что владелец находится под особым покровительством императора.

Ибн Баттута поблагодарил василевса за оказанную честь и попросил выделить опытного проводника, который мог бы показать все достопримечательности византийской столицы. В знак согласия Андроник едва заметно кивнул головой.

Наутро проводник уже дожидался Ибн Баттуту в дворцовом саду. Он посоветовал магрибинцу облачиться в дарованные императором одежды и сесть верхом на царского коня. Двое гулямов, которых привел с собой проводник, подняли над головой Ибн Баттуты прямоугольный тент, пятеро других пошли сзади: трое несли с собой трубы, двое тащили на животах огромные барабаны.

Трубачи поднесли инструменты к губам, барабанщики выдали лихую дробь, и маленький кортеж во главе с загорелым улыбчивым гидом вышел из дворцовых ворот.

Так - под пение труб и барабанный бой - византийцы всегда водили по городу гостей из Орды. Никакой особой охраны к ним не приставляли, но рыночный люд знал, что за малейшее посягательство на нехристей не сносить головы.

Проводник по имени Григорий оказался на удивление услужливым и проворным. Казалось, водить иноземного гостя по городу и обстоятельно, терпеливо отвечать на каждый его вопрос доставляло ему удовольствие. Под стать ему был и иудейский толмач, который, замешкавшись поутру, нагнал их уже у ворот рынка. Поначалу, правда, Ибн Баттута относился к нему с недоверием, вспоминая вчерашнюю обмолвку о том, что переводить следует не все, что говорится, но потом, увлеченный рассказом проводника, забыл об этом, жадно впитывал каждое слово.

Константинополь был непохож на города, которые Ибн Баттуте приходилось до этого видеть. На всем здесь лежала печать иной веры, иного порядка, отличного от того, что принят у мусульман. Поражало обилие церквей, малых и больших; на папертях шевелились, протягивая худые руки из лохмотьев,

нищие; калеки всех мастей ползали по земле, требуя подаяния; юродивые, закатывая глаза, хрипели, брызжа пузырящейся слюной.

Барабанный бой привлекал внимание прохожих, собирал босоногих задиристых мальчишек, которые в отличие от взрослых, глядевших настороженно, исподлобья, бежали рядом, заглядывали в лицо, и, когда Григорий, оборачиваясь, шугал их, бросались с криками «сарацины!» наутек.

Григорий задумал показать Ибн Баттуте все чудеса богохранимого города.

- Начнем с главного, - сказал он. - Священный дворец василевса ты уже видел, да тебе и жить в нем. Остается еще два места - храм Божественной Премудрости и ипподром. Считай, что это три центра, вокруг которых держится весь город. Покуда начнем с них, а далее я покажу тебе все остальное.

Айя София поразила Ибн Баттуту своей высотой и громадой купола, увенчанного массивным крестом. Обнесенная стеной с тринадцатью воротами, она напоминала город в городе. От разместившегося во дворе Рынка Парфюмеров тянуло запахом жасмина и розового масла. Тут же рядом пристроился шумный, бренчащий глиняной и железной посудой Рынок Водоносов. Само здание, построенное из пемзы и родосского мрамора, поддерживалось восьмьюдесятью колоннами и ста четырьмя столбами, доставленными сюда из античных храмов Эфеса, Баальбека, Трои, Рима, Афин. Стены были покрыты мраморными плитами разных цветом и оттенков, а также ясписом и порфиром. Освещенная сотнями свечей, всеми цветами радуги переливалась мозаика, массивный алтарь слепил глаза золотом и серебром.

- Святую Софию велел заложить император Юстиниан I, - с гордостью рассказывал Григорий. - Для этого он вызвал самых знаменитых зодчих - Анфимия из Тралла и Исидора Милетского. Десять тысяч мастеровых возводили храм в течение 16 лет. Император был до того увлечен строительством, что нередко обряжался мастеровым и разгуливал по стройке, ободряя работников. Рассказывают, что, когда патриарх освятил храм Божественной Премудрости, император перекрестился я воскликнул: «Я превзошел тебя, Соломон!»

Слушая перевод, Ибн Баттута согласно кивал головой, хотя вот уже который день не мог избавиться от горечи, заставляющей сжиматься сердце всякий раз, когда он мысленно сравнивал Константинополь с мусульманскими городами, где ему довелось побывать. Отправляясь в страну неверных, он не допускал и мысли, что их города не только не уступают мусульманским, но во многом даже превосходят их. Константинополь развеял это

предубеждение, и то ли досада, то ли зависть смущали душу - ей не хотелось верить тому, что видели глаза. И все же любознательность, неуемная страсть к познанию нового брали верх над горечью и досадой, одолевали предвзятость, и Ибн Баттута, надо отдать ему должное, рассказал потомкам об этом удивительном городе так, как он того заслуживал, - основательно и спокойно, не разбавляя досужим домыслом виденное наяву.

Просматривая хронику константинопольского вояжа, вряд ли уместно винить Ибн Баттуту в том, что в ней немало исторических неточностей, путаницы, неувязок, над которыми по сей день ломают головы ученые-арабисты.

Многого Ибн Баттута не понял и не мог понять.

Византийская история находилась за пределами его кругозора, и, отмечая третьестепенное, внешнее, случайное, он не схватывал той невидимой нити, что связывала, казалось бы, разрозненные события в один драматический клубок. Причинно-следственный механизм византийской политической жизни был ему неведом, как, впрочем, неведомо было и многое другое, важное, но тем не менее так и оставшееся на периферии памяти по причине незнания языка, а отсюда невозможности ориентироваться в хитросплетениях обстоятельств, которые могли показаться ему случайными.

Императора Андроника III Ибн Баттута называет Такфуром, сыном Джирджиса, ошибочно принимая титул за имя собственное. Между тем слово «такфур» широко ходило в средневековых мусульманских хрониках для обозначения византийского василевса и некоторых других христианских правителей. Произошло оно от армянского слова tahkavor или, возможно, от средне-персидского takahara, что означает «король». К тому же Андроник III не был сыном Джирджиса, или Георгия, постригшегося, по словам Ибн Баттуты, в монахи и доживавшего свой век в одном из монастырей Константинополя. Отцом Андроника был император Михаил VIII Палеолог, и речь здесь скорее всего идет о деде, который а склоне лет действительно удалился в монастырь, акт это общеизвестный, с той существенной поправкой, что звали деда не Георгий, а так же, как и внука, Андроник. В своей книге Ибн Баттута подробно описывает встречу с экс-императором и беседу, во время которой монашествующий василевс расспрашивал его о посещении Иерусалима. Но вот ведь беда - все без исключения византийские источники утверждают, что, удалившись от мирских дел и приняв в монашестве имя Антоний, император Андроник II мирно почил в бозе 13 февраля 1332 года, то есть за два года до появления Ибн Баттуты в Константинополе. Вместе с тем встреча в монастыре

описана Ибн Баттутой столь живо и увлекательно, что сомневаться в ее достоверности почти не приходится.

Как же тогда объяснить явную неувязку?

Некоторые арабисты считают, что Ибн Баттута действительно встречался в Константинополе с одним из представителей высшей церковной иерархии. Вполне возможно, что его звали Георгием, или по-арабски Джирджисом. В те дни в народе еще свежа была память об удалившемся в монастырь монархе. Ибн Баттута, безусловно, слышал о нем и в своих воспоминаниях смешал два разнородных факта, свел два лица в одно, представив встреченного им монаха Георгия легендарным императором. «Коллекционирование» сильных мира сего, как уже отмечалось, было слабостью Ибн Баттуты, и тут он, по-видимому, не удержался от невольного подлога, чтобы лишний раз подчеркнуть читателю, какой значительной фигурой он был в своих путешествиях.

Другая неувязка возникает в связи с отсутствием в официальной генеалогии Палеологов каких-либо упоминаний о дочери Андроника III, выданной замуж за Узбек-хана. Ничего не сообщают об этом и византийские хроники. Известно, что Андроник III был женат дважды. Его первая жена, Ирина Брауншвейгская, умерла за несколько месяцев до коронования, не оставив детей; вторая, Анна Савойская, увенчанная императорской диадемой лишь в октябре 1326 года, родила Андронику трех наследников: Иоанна, Михаила и Марию. Других дочерей у нее не было. Само собой разумеется, что к 1334 году она никак не могла иметь взрослых детей.

Долгое время проблема считалась неразрешимой, пока в 1957 году не была опубликована переписка византийских монахов Григория Акиндима и Давида Дискурата. В одной из эпистол Григория Акиндима, датирование 1341 годом, есть такие слова: «…дочь нашего императора, вышедшая замуж за правителя варваров (так византийцы называли золотоордынского хана. - И.Т.), написала в Константинополь, что эти варвары готовятся к нападению на Данубе и Фракийские провинции…»

Сообщение Григория Акиндима поставило все на свои места. Известно, что до середины X века византийцы отказывались выдавать дочерей императора замуж за государей иных стран. Они считали, что это принижает авторитет константинопольской короны. Первый случай брака порфирородной принцессы с «варваром» имел место в 989 году, когда Анна, дочь императора Романа II, была выдана замуж за русского князя Владимира. В дальнейшем такие случаи участились, но при византийском дворе сложилась своеобразная традиция давать в жены

иноземным и в особенности мусульманским монархам незаконнорожденных дочерей василевса. Положение здесь облегчалось тем, что с точки зрения ислама внебрачное происхождение не несло в себе ничего предосудительного. Большинство мусульманских правителей были сыновьями наложниц.

В том, что у Андроника III вполне могла быть внебрачная дочь, да и не одна, сомневаться не приходится. Умный, по-своему одаренный Андроник III с молодых лет снискал себе репутацию весельчака и повесы, буйного прожигателя жизни, страстного поклонника слабого пола. Беззаботный и легкомысленный, он, по словам одного византиниста, «бредил лишь собаками, лошадьми и женщинами», тратя на любимые развлечения бешеные деньги.

Скандальные приключения наследника престола, напоминавшие худшие выходки Цезаря Борджиа, всерьез тревожили его деда Андроника II. «Если из этого молодца, - говорил он приближенным, - выйдет что-нибудь путное, пусть меня побьют камнями, а после моей смерти пусть выкопают мое тело, чтобы бросить труп в огонь».

Упреки деда задевали за живое, но юный Андроник оставался верен себе. Однажды он узнал, что ему изменяет любовница, и, недолго думая, устроил на дороге, по которой должен был проходить его соперник, вооруженную засаду. По нелепой случайности именно этим путем, звращдясь во дворец, пошел его родной брат Мануил. Приняв его за ожидаемого ими человека, заговорщики ели ему несколько ножевых ран, от которых он скончался. Потрясенный братоубийством отец Андроника Михаил слег с тяжелым нервным расстройством и вскоре умер; дед пришел в бешенство, не зная, что предпринять для обуздания зарвавшегося внука. Между дедом и внуком возникла глухая, непримиримая вражда, которая постепенно переросла в кровавую усобицу, окончившуюся в 1328 году победой Андроника III и уходом низложенного императора в монастырь.

При Палеологах Византия переживала свой закат. С Востока одряхлевшую империю теснили турки-османы. С каждым годом Византия теряла земли в Анатолии, сжималась и усыхала, как шагреневая кожа. Продолжавшаяся несколько лет война двух Андроников окончательно обескровила страну. В 20-х годах XIV века османы усилили свое давление и, захватив в Малой Азии крупнейшие византийские города Бруссу, Никею и Никомидию, вплотную подошли к берегу Мраморного моря.

Странно, но именно годы, когда империя приближалась к своей гибели, были отмечены неповторимым духовным подъемом, неожиданным всплеском наук и искусств. Словно

чувствуя неотвратимость судьбы, Византия собрала все силы, чтобы осветить мир прощальными лучами своего заходящего солнца. Константинополь по-прежнему как магнит притягивал тысячи паломников с греческого и славянского Востока, видевших в нем центр вселенной, колыбель православия. С начала XIV века оживают, открывая в себе второе дыхание, константинопольские школы, где прославленные профессора Планудий, Мосхопул, Триклиний, а позднее Хрисолор и Аргиропул возвращаются к изучению античного наследия. Четырнадцатый век вписывает в византийскую историю созвездие блестящих имен. Историки Иоанн Кантакузин и Никифор Грегора, богословы Григорий Палама и оба Кавасилы, ораторы Никифор Хумна и Димитрий Кидон, литератор Мануил Фил - вот только некоторые из них.

В XIV веке византийское искусство постепенно утрачивает свой абстрактный характер, возвращается к александрийской традиции, столь ценимой гуманистами той эпохи. Оно все больше наполняется живым содержанием, человеческой теплотой, неподдельным драматизмом. Особого расцвета достигает иконография, в которой успешно соперничают лучшие мастера нескольких параллельно существующих школ.

Ибн Баттута ничего не сообщает об этом. Блеск и роскошь Византии вызывают в нем ревнивую зависть. Жадно впитывая внешнее, он остается глух к ее внутреннему пульсу, бьющемуся учащенно, встревоженно, со сбоями и торопливыми всплесками, в мучительном предвосхищении трагической судьбы. Но Ибн Баттута не сочувствует и не сопереживает. Чужое остается чужим. На дворе ранняя осень, все чаще просыпается в душе тоска по иным просторам, по дальним странам, где звучит родная арабская речь и муэдзины, свешиваясь с минаретов, посылают в предрассветный сумрак гортанные страстные призывы к молитве…

Ибн Баттута пробыл в Константинополе один месяц и шесть дней.

* * *

Была поздняя осень. По ночам морозило. День занимался поздно, вяло; утренники стояли промозглые, серые; под копытами коней похрустывал, проламываясь, тонкий ледок на лужицах.

Ибн Баттута натянул на себя все теплые вещи. На привалах ходил, переваливаясь с боку на бок, пряча озябшие пальцы в рукавах шубы. В дороге он простудился, его знобило и ломало; черная густая борода серебрилась инеем, приходилось отряхивать ее, выковыривать колючие намерзи.

В ноябре на Волге начался ледостав. Когда караван подошел к Хаджи-Тархану, реки уже не было видно. Ее русло выдавали

лишь склоны берегов, да кое-где чернели еще не схваченные льдом полыньи. Белая поверхность реки была сплошь исполосована тележными колеями - зимние караваны, покидая устье, один за другим следовали вверх, к Сараю.

Просыпаться приходилось рано, еще затемно, чтобы успеть нарубить лед и, наполнив им медные казанки, согреть воду для омовения перед молитвой. От раскрасневшихся лиц поднимался пар, смешивался с дымом костра. Временами налетал ветер, закручивая позёмки, горстями швырял снег в лицо. На привалах старались не задерживаться - всем не терпелось поскорее добраться до Сараев.

Сараев два. Старый и Новый. Если ехать вверх по Волге, до Старого три-четыре дня пути. До Нового, построенного во второй половине XIII века ханом Берке, чуть более недели.

Ибн Баттута прибыл в Новый Сарай восемнадцатого или девятнадцатого ноября и сразу же отправился в ханский дворец. Узбек-хан принял его приветливо, распорядился поставить на довольствие, подробно расспрашивал о Константинополе и василевсе, интересовался здоровьем жены.

К началу декабря установилась морозная солнечная погода. Простуда отпустила легко, незаметно, и в один из дней Ибн Баттута решился предпринять прогулку по городу. Вот что он писал о золотоордынской столице:

«Город Сарай - один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненной людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать размеры его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня… И все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов. В нем тринадцать мечетей для соборной службы. Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы… некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кыпчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стена ограждает имущество купцов».

А вот что записал со слов арабских купцов, побывавших в Золотой Орде, известный ученый XIV века аль-Омари:

«Город Сарай построен Берке-ханом на берегу Итиля (Волги. - И.Т.). Он лежит на солончаковой земле без всяких стен. Место пребывания там - большой дворец, на верхушке которого

находится золотое новолуние. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живуч эмиры его. В этом дворце их зимние помещения. Это река (Итиль), размером в Нил, взятый три раза и да»е больше, по ней плавают большие суда и ездят к русским и славянам. Начало этой реки также в земле славян. Он (то есть Сарай) город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, места, куда направляются товары. Посередине его находится пруд, вода в котором проведена из этой реки. Вода его употребляется только на работы, а для питья их вода берется из реки: ее черпают для них (жителей) глиняными кувшинами, которые ставятся рядом на телеги, отвозятся в город и там продаются».

В Сарае Ибн Баттута задержался на три недели. Несколько раз он порывался уехать с попутными караванами, но Узбек-хан не велел ему пускаться в путь. Пришлось ждать, надеясь на перемену в настроении государя.

Это произошло с наступлением холодов.

10 декабря 1334 года, присоединившись к хорезмскому каравану, Ибн Баттута покинул Сарай.

Глава третья

«Если бы верблюд знал, что он горбат, то под ним подломились бы ноги», - в шутку говорят арабы.

Но верблюд не ведает о своем горбе и, видимо, поэтому невозмутимо проходит сотни фарсахов по песчаным пустыням, по разбитым копытами комковатым степным тропам, не просит воды, довольствуясь высохшей колючкой, а коли ее нет, то подолгу вовсе ничего не ест. Раскаленного песка он не боится: жар не достигает костей сквозь подушечки мозолей на пальцах, которые, разъезжаясь под тяжестью тела, не увязают и там, где человек проваливается по щиколотки.

Лишь по холоду, когда от сырой земли на лапах собирается влага, опытные погонщики кладут между пальцев верблюда кусочки войлока или шерсти, чтобы там не намерзали ледышки.

В постоялых дворах Сарайчика, что в десяти дневных переходах от Сарая, на берегу Улу-Су (Яика, или Урала), останавливаются караваны, чтобы пополнить запасы воды и фуража и перевести дух перед тридцатидневным переходом через пустыню. Захолустный степной городишко, да и только, но дальше не будет и такого, и поэтому всякий, кто хочет дойти до Хорезма без приключений, спешит на конский базар, где по четыре серебряных динара за голову уступает утомленных десятью переходами лошадей горластым барышникам, съехавшимся сюда, чтобы за бесценок скупить четвероногий товар, приобретенный, возможно, у них же на сарайском базаре пару недель назад.

Лошадей меняют на верблюдов, запрягают ими тяжелые двухосные арбы. Перед выходом на верблюжьи бока поднимаются холодные кожаные мехи с речной водой, потуже затягиваются ремни, крепящие паланкины жен и невольниц. Из города уходят по настилу, что покачивается на выставленных длинным рядом лодках и как две капли воды похож на знаменитый багдадский лодочный мост. Без такой переправы здесь не обойтись: ни один караван, двигающийся с востока или севера в Среднюю Азию, не минует Сарайчика, где хоть на день, а придется сделать привал.

Издревле Запад с Востоком связывали два традиционных торговых пути. Один, с Ближнего Востока в Центральную Азию, пролегал через Нишапур, Мерв, Бухару, Самарканд и Бинкет. Постепенно он перестал быть только транзитным, так как выросшие на нем ремесленные города стали производить товары, успешно соперничавшие с привозными. Вторая торговая артерия вела с Поволжья в Мавёраннахр и Иран через Хорезм,

превратившийся в XI-XII веках в крупнейший пункт мировой транзитной торговли. Огромные киссарии Ургенча ломились от обилия северных товаров - мехов, воска, рыбьего клея, мечей и кольчуг. Кочевники доставляли на хорезмские рынки охотничьих соколов, баранов и коров. Кое-что раскупалось тут же, в Ургенче, но в основном товары перепродавались оптовым торговцам, снаряжавшим богатые караваны на юг, в Индию и Хорасан.

Караван двигался к Ургенчу самым быстрым аллюром. Привалы делали лишь дважды в день - утром и вечером, да и то не более часа. Покуда гулямы в спешке разжигали костры, готовили жирную похлебку дуги, путники прохаживались, разминая ноги, потирая отсиженные места. Днем и ночью верблюдов гнали без передыха, на износ. За месяц пути животные истощились настолько, что, по словам Ибн Баттуты, многие из них погибали, а выжившим требовались месяцы откорма, прежде чем их снова можно было запрягать в арбы.

К Ургенчу караван подошел в полдень, но по совету городского судьи аль-Бакри до наступления темноты в город не входил.

- Днем в городе такая толчея, что каравану попросту не пройти, - объяснил Ибн Баттуте помощник судьи. - Ближе к ночи, когда все улягутся спать, мой коллега проводит вас в медресе.

Хорезм относился к владениям Узбек-хана. Наместник этого цветущего оазиса - могущественный нойон Кутлуг-Тимур, который в свое время стоял во главе заговора, расчистившего Узбек-хану путь на престол. При Кутлуг-Тимуре Хорезм, казалось, окончательно оправился от тяжелых ран, нанесенных ему во время нашествия Чингисхана, возродил былую славу центра земледелия, ремесел и торговли.

Поутру Ибн Баттута отправился на рынок. Но ничего купить ему не удалось. Людской водоворот засосал его, как в воронку, в узкий переулок и пронес до самой середины рынка, где образовалась пробка, выбраться из которой Ибн Баттуте стоило немалых трудов. Кто-то из прохожих посоветовал ему наведаться сюда в пятницу, когда люди заполняют рынки привозных товаров - киссари и городские торговые ряды пустеют. Выбравшись из толчеи, Ибн Баттута долго бродил по улицам, останавливался у мечетей, заговаривал с менялами, выясняя, в каком соотношении находятся золото и серебро. Еще дорогой он слышал, что в Индии серебро ценится намного дешевле, чем в Иране и Средней Азии. А стало быть, в Индию выгодно ехать, запасшись золотом, точно так же, как индийские купцы везут на рынки Мавераннахра главным образом серебро. Индия не выходит у Ибн Баттуты из головы, но от менял многого не добьешься. Менялы - народ непростой. Они

не только обменивают деньги, но и ссужают крупные суммы купцам. Если же торговец боится тащить с собой мешок денег, то меняла выдает ему вексель, по которому мгновенно производится расчет в любой стране. Ростовщичество запрещено исламом, но хитрецы и тут находят выход: о размере ссуды договариваются устно, а в долговой расписке указывают сумму, включающую процент.

В отличие от Малой Азии и Золотой Орды все в Хорезме казалось своим, привычным. Во многом Ургенч, разумеется, отличался от арабских городов, и все-таки в нем дышалось легче, привольней. Одно то, что здесь худо-бедно можно было столковаться без толмача, радовало Ибн Баттуту, и он охотно вступал в общение с людьми, которые сразу понравились ему своей открытостью и радушием.

Кое-что было забавным. По утрам муэдзины сзывали народ к молитве, а потом спускались с минаретов и стучались в двери домов, поторапливая запоздавших. Тех, кто пренебрегал молитвой, выводили на площадь и публично били плетьми. За науку пострадавший выплачивал пять динаров, которые тут же раздавали нищим и увечным.

В самый разгар зимы мало кто отсиживается дома. Жизнь проходит на улицах, под соломенными навесами базаров, в мечетях, на скамейках чайханы в тени разлапистых акаций. Февраль, а на улице вовсю торгуют арбузами. Чудеса! И, лишь вонзив зубы, почувствуешь необычный вкус: хорезмские арбузы солят, высушивают на солнце и целыми партиями отправляют в Индию и Китай, где их считают изысканным лакомством. На весь мир знамениты исфаханские арбузы, но и те уступают хорезмийским.

А вот ремесленными поделками Хорезм небогат. Здесь производят все обычное - полосатые халаты, ковры, одеяла, женские вуали, парчу, хлопчатобумажную ткань - арзандж. И это понятно. Ведь Хорезм, находящийся ближе всех к степи, торгует с кочевниками, а степному потребителю подавай товар попроще, без всяких там городских изысков.

Неспроста выделка тканей считается на Востоке благородным занятием, а продавцы тканей - самыми уважаемыми людьми на рынке. Ведь не столько по пошиву, сколько по сорту ткани, ее цвету и качеству безошибочно угадаешь, что представляет собой тот или иной человек, гуляет ли в его карманах ветер, или они туго набиты золотыми динарами. А уж если увидишь на чьей-нибудь одежде декоративную надпись с именем халифа или султана, так знай, что она с дворцовых складов и ее владелец не может быть простым смертным, ибо не всякий удостоится

подарка из монарших рук. С таким будь поосторожней, спеши окружить его уважением и почетом, покуда не выяснится, что за птица и за какие заслуги получил султанский халат.

Вот и в Хорезме Ибн Баттуту узнали по одеждам, дарованным ему Узбек-ханом. Этого было достаточно, чтобы сразу определить, где ему надлежит останавливаться на ночлег - в пыльном караван-сарае или в покоях городского медресе. Неудивительно, что уже на второй день кадий аль-Бакри передал Ибн Баттуте приглашение сиятельного эмира Кутлуг-Тимура разделить с ним трапезу в его доме. Немалую роль играл, конечно, зеленый тюрбан паломника, но ведь в Мекку, случалось, ходили и нищие, и уличные босяки. А вот ханских даров удостаивался не всякий, и тот, кто удостоился, повсюду может рассчитывать на щедрое угощение и ласковые слова.

В доме наместника все дышит роскошью и довольством. В Кутлуг-Тимуре мало чего осталось от степного феодала. Свой повседневный быт он наладил обстоятельно, со вкусом, следуя традициям и привычкам хорезмийских нотаблей.

Стены небольшой гостиной оклеены цветными обоями, купольный потолок обтянут позлащенным шелком. Сам эмир восседает на шелковом ковре, расслабленно вытянув перебинтованные ноги. Он страдает подагрой, а поэтому не поднимается к гостям, жестом приглашая их сесть рядом с собой. В ожидании еды разговор не выходит за пределы обычного обмена любезностями. Разумеется, Кутлуг-Тимур интересуется здоровьем Узбек-хана, подробностями путешествия в Византию.

Слуги приносят низкие столики с едой. Чего там только нет! На золотых и серебряных подносах жареные цыплята, голуби, по-особому запеченная щука, местный хлеб - калиджа, дымящийся пирог, халва. А в дверях уже толпятся гулямы с гранатами, виноградом, арбузом. Здесь, как и на Арабском Востоке, понимают толк в еде и не накормят гостя отварной кониной, которую уважающий себя человек может отведать лишь по большой неволе, ну, скажем, если посреди пустыни окажется, что вышли все припасы еды.

В доме Кутлуг-Тимура не только принимают гостей. Здесь же собирается его меджлис, в который входят мусульманские судьи, факихы, влиятельные нойоны, совет старцев, которых называют яргучи. Кадии разбирают дела по шариату, яргучи судят по законам Чингисовой Ясы. За некоторые преступления приговоры выносят сами нойоны.

По словам Ибн Баттуты, суд их, как правило, беспристрастен и справедлив, и взяток они не берут,

Ибн Баттуту и в Хорезме осыпали подарками. Это бы-ло

весьма кстати, так как магрибинец готовился к путешествию в Индию. Он уже знал, что индийский правитель Мухаммед-шах питает болезненную слабость к подаркам и с пустыми руками являться к нему нельзя. Тот, кто отделается поклоном, в ответ получит поклон, но ни о содержании, ни о завидной должности уже не смеет мечтать.

Впрочем, Ибн Баттуте последнее не грозило. В тот год дела его шли хорошо, он не испытывал недостатка ни в серебряных дирхемах, ни в золотых динарах. К тому же, по его собственному признанию, у него собралось столько коней, что он сам не знал им числа…

До Индии - конечной цели его путешествий - оставалось уже совсем немного. Покинув Хорезм, караван вступил в пределы Чагатайского улуса и двигался на юг, к Бухаре и Самарканду. Начиналась весна, днем уже припекало солнце, но ночи стояли холодные, и лошадей, которых табуном гнали за караваном, приходилось накрывать одеялами, подбитыми мягким войлоком.

Просыпаясь по ночам, Ибн Баттута часто думал об Индии, пытался представить себе эту страну, о которой так много рассказывали арабские купцы во время привалов в караван-сараях разных городов. Что он мог знать об Индии? И что он как любой образованный мусульманин его времени определенно должен был знать?

Перечисление арабских географических трудов уже в XIV веке заняло бы не один десяток страниц. Наряду с научными трактатами, составлявшимися на основе личных впечатлений, а также компиляций из работ более ранних авторов, в арабской географической литературе существовали произведения развлекательного жанра, принадлежавшие перу участников заморских экспедиций, не ставивших перед собой научные цели. Один из наиболее ранних трудов об Индии связывают с именем Сулеймана-купца, побывавшего там в первой половине IX века. Его воспоминания о далеких странах «Силсилат ат-таварих» («Цепочка дат») приобрели широкую известность по всему халифату. Любопытнейшим памятником средневековой арабской письменности была «Книга о чудесах Индии», написанная в X веке Бузургом ибн Шахрияром. Эта книга представляет собой свод новелл, частью достоверных, частью фантастических, созданных на основе рассказов, которые автор слышал от моряков и купцов, плававших в Индию, Индонезию, Африку. Чудесное, сверхъестественное в этой книге переплетается с живыми воспоминаниями, вымысел - с реальными историческим фактами. Анекдоты и притчи, вошедшие в «Книгу о чудесах Индии», бытовали в устной форме в портовых городах Персидского залива

и Месопотамии, и именно там Ибн Баттута мог услышать многие из них.

Пространные заметки о Макране, Синде и западном побережье Индии оставили выдающиеся ученые Ибн Хаукаль и Масуди. Подробно описывается Индия в трудах средневековых географов Ибн Хордадбеха, Истахри, Макдиси. Замечательный среднеазиатский ученый-энциклопедист Бируни посвятил описанию Индии объемистый фолиант, переведенный в наши дни на многие языки мира. Наконец, немало полезных сведений об Индии содержалось в сочинениях соотечественника Ибн Баттуты картографа Идриси из Сеуты и в компиляциях Абуль-Фиды.

Не следует, правда, забывать, что все известные труды средневековья существовали в рукописных списках, число их было ограничено и хранились они в придворных библиотеках. Понятно, что далеко не все образованные люди имели возможность ознакомиться с этими трудами. Лишь некоторым ревностным библиофилам удавалось изготовить с них списки. И все же сведения, содержавшиеся в научных трактатах, неминуемо должны были распространяться по цепочке в устной передаче, и таким образом круг людей, знакомых с ними, по-видимому, постоянно расширялся. Все это постепенно создавало ту реальность, которую принято называть географическими представлениями средневековых арабов.

Сегодня нелегко определить круг чтения Ибн Баттуты в его бытность слушателем танжерского медресе. Еще труднее поименно назвать авторов, с трудами которых он мог познакомиться во время своих странствий. И все же не вызывает сомнений, что, находясь на высоте научных знаний своего века, Ибн Баттута был знаком со многими из них, а поэтому представлял себе Индию гораздо лучше, чем его европейские современники…

Бухара еще не оправилась от последствий монгольского нашествия. С горечью описывая развалины мечетей, медресе и рынков, Ибн Баттута отмечает, что все это Дело рук «проклятого Чингиса».

Жизнь постепенно восстанавливается, но, по свидетельству Ибн Баттуты, «в Бухаре нет людей, смыслящих в науке, и о науке здесь не радеют».

А ведь когда-то радели, и еще как! На надгробиях бухарского кладбища высечены имена ученых, известных во всем мусульманском мире. Одно имя громче другого.

Можно ли не склонить голову перед могилой Абу Абдаллаха аль-Бухари, автора классического трактата «Алъ-Джами ас-Сахих» («Правильный свод»)? Можно ли бестрепетно миновать бухарское

предместье Фатхабад, где захоронен великий ученый Сейф ад-дин аль-Бахарзи? А сколько еще достойнейших из достойных жили и творили в блистательной столице Мавераннахра в те достопамятные времена, когда мир еще не знал об уготованной ему страшной судьбе! Кровью обливается сердце при виде безжизненных руин, среди которых змеится, пробиваясь к свету, несмелая еще весенняя зелень. «Воистину, - думал Ибн Баттута, - прав был Имру иль-Кайс, поэт доисламской Аравии, начавший свою касыду словами: «Постойте! Поплачем!» Ибо что на свете стоит больших слез, чем пустынное пепелище, где истерзанная душа уже не найдет ни радости, ни покоя и где от прошлого к будущему безжалостно разрушены все мосты!

Из Бухары Ибн Баттута отправился в ставку правителя Чагатайской Орды хана Тармаширина. Там, в маленькой палатке, разбитой неподалеку от мечети, одна из наложниц Ибн Баттуты родила ему дочь. Девочка сразу же стала любимицей Ибн Баттуты, но, отмеченный особой благодатью в познании стран и людей, он, к сожалению, не был счастлив ни в женах, ни в детях. Тоненькая ниточка привязанности, появившаяся в ту ночь между ним и маленьким беспомощным существом, окажется такой же непрочной, как и все остальные человеческие связи в беспокойной, суетной кочевой жизни Ибн Баттуты.

«Мне казалось, что эта девочка родилась под счастливой звездой, - вспомнит Ибн Баттута много лет спустя. - Я ее очень любил. Но она умерла через два месяца после прибытия в Индию». |]

В своих воспоминаниях об Индии Ибн Баттута посвятил смерти ребенка несколько строк. Но и этого достаточно, чтобы понять, какой болью обожгла его сердце несправедливость судьбы, неизменно заставлявшей его за неуемную страсть к далекому приносить в жертву то, ближе чего у человека нет и не может быть.

Следующая остановка в Самарканде. Многое Ибн Баттута знал об этом прославленном городе. И не только из сочинений арабских географов. Весь мусульманский мир пишет на бумаге, именуемой самаркандской, и нет лучше ее нигде, хоть пройди весь белый свет от Магриба Д° страны Син. Тайны ремесла были заимствованы у китайцев, плененных в битве на Таласе в 751 году. С той поры и распространились по всему Самаркандскому Согду водные толчеи, в которых размельчали коноплю и другие волокнистые материалы для подготовки бумажной массы.

А какие в Самарканде выделывали ткани! Серебристый симгун, самаркандская парча, красная ткань - мумараджал, льняная - синизи, тончайшие шелка всех цветов и оттенков - все

это вывозилось отсюда крупными партиями и шло нарасхват на рынках ближневосточных городов.

А еще был славен Самарканд своими невольничьими рынками. Сюда отовсюду везли пленников, захваченных во время набегов и междоусобных войн, и местные работорговцы годами готовили их к будущей нелегкой судьбе, терпеливо обучая юношей военному делу, девушек - пению и танцам. Немало юношей, доставляемых сюда в оковах, впоследствии становились отважными воинами и, продвигаясь по лестнице военной карьеры, достигали важных государственных постов и даже основывали собственные династии.

А какие дела вершились в скрещении главных улиц Самарканда, на купольном перекрестке, именуемом на местном наречии «чарсу»! Здесь находились конторы менял, ворочавших огромными деньгами, здесь выдавались баснословные ссуды и учитывались векселя, подписанные банкирами Дамаска и Багдада, Исфахана и Дели.

Все это в прошлом. Чингисовы орды раскаленным утюгом прошлись по Самаркандскому Согду, не пожалели ни старого, ни малого. Рушились, превращаясь в пыль и тлен, древние самаркандские стены, и громкая слава торгового города уходила, как вода уходит в песок,

Но убить все живое еще не удавалось никому. Шли годы, и жители Самарканда, разбежавшиеся кто куда, постепенно возвращались к разрушенным очагам и по кирпичику вновь складывали то, что стояло веками и будет стоять еще много веков. Город без крепостных стен похож на птицу без перьев, но по берегам арыков, как прежде, поскрипывают водоподъемные колеса, и журчащие ручейки разбегаются в разные стороны, туда, где буйно разросшиеся сады, как и встарь, изнемогают под тяжестью плодов.

Далее следуют города Хорасана - Термез, Балх, Мерв, Нишапур, Герат.

«В Хорасане четыре больших города, - вспоминал Ибн Баттута. - Два из них населены людьми, и это Герат и Нишапур. Два других разрушены до основания, и это Балх и Мерв».

За горами, покрытыми снежными шапками, лежит Индия. Огромный караван еще только втягивается в горное ущелье, а на восток уже мчатся гонцы, торопясь доставить в Дели депеши о приближении торговых гостей.

Глава четвертая

«Услышанное не сравнится с увиденным», - утверждает арабская поговорка. И это поистине так. Целый ворох небылиц тебе с готовностью выложит всякий, кого ни спроси, а копни поглубже - и выяснится, что незадачливый словохот ни разу в жизни не ступил ногой дальше городского рынка, и все, что он знает, почерпнуто из баек, на которые так горазды бродячие проходимцы, развлекающие публику в странноприимных домах.

То, что Ибн Баттута видел своими глазами в маленькой деревушке по пути в Мултан, показалось ему чудовищным и невероятным.

По пыльной деревянной улице двигалась странная процессия. Впереди шли барабанщики и трубачи, за ними верхом на конях следовали женщины в дорогих одеяниях, благоухающие жасмином и розовым маслом. Каждая из них держала в правой руке кальян, в левой - миниатюрное зеркальце. Люди бежали рядом, стараясь дотронуться до поводьев, что-то кричали, размахивали руками. Женщины смеялись им в ответ, позвякивали серебряными побрякушками.

«Вместе с ними, - писал Ибн Баттута, - мы проехали около трех миль и добрались до тенистого места, где было много воды и деревьев. Там были разбиты четыре палатки, в каждой из них - горка камней, а между палатками - бак с водой. Солнце не проникало сквозь густые кроны, и казалось, что мы находимся в аду. Подъехав к этому месту, женщины залезли в бак и там, под водой, сняли с себя одежды, которые тут же были розданы нищим. Из воды они вышли в грубых холщовых рубищах, подвязанных у талии. Неподалеку от бака в низине был разожжен костер. Чтобы пламя было выше, в него лили кориандровое масло. Вокруг стояли пятнадцать мужчин с вязанками хвороста и еще около десяти человек с сухими поленьями. В ожидании женщин у костра собрались трубачи и барабанщики. Несколько мужчин прикрывали огонь белым полотнищем, чтобы женщин не смущал его вид. Одна из них приблизилась к костру и резким движением вырвала полотнище из их рук. Затем она сложила руки за голову и бросилась в огонь. В тот же миг грохнули барабаны, запели трубы, и мужчины стали подбрасывать в костер вязанки хвороста. Поднялся страшный крик. Глядя на все это, я чуть было не упал с коня. Мои спутники побрызгали на меня водой, умыли лицо, и я уехал».

Что и говорить, зрелище непривычное! Но непривычное встречается в Индии на каждом шагу, и обряд самосожжения вдов

- это только начало. «Живешь среди птиц - говори по-птичьи», - учили древние индусы. И в этом был глубокий смысл: в чужих краях запасись терпением и не спеши со своим мнением, помни, что тот, кто быстро говорит, медленно думает.

В первые дни Ибн Баттута старается больше молчать, неторопливо приглядывается, прислушивается к разговорам купцов, исходивших Индию вдоль и поперек. Он чувствует, что скоро произойдут важные перемены в его судьбе, и готовится к ним загодя, без суеты, расчетливо прикидывая, как бы в чем не прогадать. Всего несколько дней провел он в Мултане, а уже знает, что почем и какой товар дороже других ценится султаном. Бесстрашно залезая в долги, Ибн Баттута приобретает лошадей и верблюдов и грузит на них мешки с хорасанскими стрелами. За них султан Мухаммед, страстный любитель охоты, по словам бывалых людей, не пожалеет ничего.

Передышка в Мултане одинаково выгодна гостям и хозяевам. Гости пополняют здесь свои припасы, перепаковываются, набираются друг у друга опыта и ума. Хозяева тем временем внимательно приглядываются к гостям, выясняют, откуда и с каким товаром прибыли, на что рассчитывают в столице. Тех, кто побогаче или повыше рангом, правитель Мултана Кутб аль-Мульк приглашает к себе и за дружеской беседой незаметно выпытывает все, что ему необходимо знать; с иными познакомятся направленные в караван-сарай соглядатаи и обстоятельно доложат эмиру о каждом из них, чтобы он, подытожив собравшиеся у него сведения, отписал султану пространное письмо, которое задолго до выхода каравана будет вручено гонцам царской почты.

Султанскому эмиру Ибн Баттута «преподнес раба, коня, немного изюма и миндаля: самые драгоценные подарки для жителей этой страны, поскольку изюм и миндаль сюда доставляют из Хорасана». И в этом магрибинец, надо думать, не прогадал. Судя по приему, оказанному ему в Дели, эмир Кутб аль-Мульк в своей секретной депеше представил его в самом выгодном свете.

Сорок дней пути из Мултана в Дели показались Ибн Баттуте сплошным праздником. «Придворный эмира и проводник, сопровождавшие нас, - вспоминал он, - взяли с собой из Мултана двадцать поваров. Они ночью выезжали к следующей нашей стоянке, чтобы приготовить пищу и все необходимое».

Такая предусмотрительность имела свои причины. Кроме торговых людей, в составе каравана находились несколько высокопоставленных чиновников из Хорасана и Мавераннахра, которые со своими чадами и домочадцами спешили в Дели, где

собирались поступить па службу к султану. Среди них Ибн Баттута упоминает кадия города Термеза Ходаунда-заде, самаркандского нотабля Мубарак-шаха, некоего Аранбаха из Бухары и других.

Не обошлось и без приключений. «В пустыне, - писал Ибн Баттута, - на нас напали восемьдесят неверных, в том числе двое конных. Мы отчаянно бились с ними, убили одного из всадников и захватили его коня. Еще мы убили около двенадцати человек. Я был ранен стрелой, другая стрела задела моего коня, но, слава аллаху, все окончилось благополучно, ибо стрелы неверных не имеют силы. У одного из наших людей был ранен конь, и мы дали ему коня неверного. Раненого коня мы зарезали, и его мясо съели тюрки из нашего каравана».

Стояла сухая знойная погода. Раскаленный воздух струился как лава, обжигая покрасневшую кожу. Днем путники раздевались догола и клали на плечи и бедра мокрые полотенца. Но это помогало ненадолго. Через каких-нибудь полчаса полотенца высыхали и деревенели, и на коже появлялись мелкие волдыри. Жара отпускала лишь к ночи, но уснуть было невозможно: откуда-то налетали тучи всевозможных насекомых, облепляли шею, руки, лезли в глаза и уши. Все тело зудело от укусов, и Ибн Баттута яростно, до крови чесался, осыпая проклятиями незваных ночных гостей.

Несмотря на тяготы пути, настроение у всех было приподнятое. На вечерних привалах Ходаунд-заде устраивал званые ужины, куда приглашали самых уважаемых людей в караване. Мултанские повара ловкими движениями разрезали зажаренных баранов на четыре или шесть частей и, положив их на фарфоровые блюда, разносили гостям. Острая приправа из имбиря, перца, орехов и миндаля, как огонь, обжигала рты, и после нее даже теплая прогорклая вода из походных бурдюков казалась сотрапезникам шербетом.

На тридцать шестой день караван прибыл в небольшой городок Масудабад, в десяти милях от Дели. По обычаю гостей встречали султанские сановники. В Масудабаде отдыхали три дня, ожидая письма от Мухаммед-шаха, которому было сообщено о прибытии каравана. Наконец гонцы принесли ответ, и утром четвертого дня караван вышел на почтовый тракт для последнего перехода.

До самого Дели дорога шла среди виноградников. Верный своему правилу подмечать и запоминать любую мелочь, Ибн Баттута насчитал пять сортов винограда: черный, белый, финиковый, читорский и пурпурный. В Дели караван, ведомый шейхом Зинджани, вытянулся в сторону султанского дворца, где

была назначена встреча с главным визирем Ходжа Джиханом.

Ходжа Джихан ожидал гостей в тронном зале, который назывался Хазар астун, что означает «Тысяча колонн». Входили туда по очереди, в порядке старшинства. Аудиенция оказалась на удивление короткой. В знак приветствия визирь отвесил гостям низкий поясной поклон, а они опустились на колени и коснулись руками прохладного мраморного пола. После этого находившиеся в зале накибы высокими голосами пропели «Во имя аллаха», что было сигналом окончания приема.

Еще в Масудабаде Ибн Баттута узнал, что Мухаммед-шах находится на охоте. Его приезд откладывался со дня на день, и новоприбывшим не оставалось ничего иного, как коротать время между прогулками по городу и вечерними меджлисами у знакомых сановников. В этом смысле Ибн Баттуте повезло больше других. Являясь Духовным лицом, он мог свободно общаться с делийскими богословами и факихами, которые были самыми образованными людьми в стране. К тому же все они свободно говорили по-арабски, а это было весьма существенно в городе, где для общения требовалось знать несколько языков. От ученых шейхов Ибн Баттута почерпнул немало полезных сведений из истории Дели и его султанов.

* * *

Корни мусульманской экспансии в Индии уходят в далекое прошлое. Уже в 660 году, при четвертом праведном халифе Али, арабы совершили набег на западную часть Индии Синд. Через четыре года первый омейядский халиф Муавия направил в Индию экспедиционный корпус под командованием Абдаллаха ибн Савада, который, впрочем, добиться своей цели не смог. В дальнейшем арабы еще несколько раз посылали свои войска в Синд, но все их экспедиции, носившие характер разведывательных набегов, сколько-нибудь ощутимых последствий не имели. Лишь в 711 году губернатор Ирака Хаджадж ибн Юсуф послал в Индию хорошо снаряженную армию во главе с Мухаммедом ибн Касимом, который завоевал Синд и присоединил его к омейядскому халифату.

Синд стал провинцией омейядских, а позднее аббасид-ских халифов. Именно в то время арабы открыли для себя величие и блеск древней индийской культуры. На арабский с санскрита переводились трактаты по медицине, астрономии, математике. Приобщение к индийской науке шло параллельно с освоением эллинского наследия. В Багдад, где визирствовали представители персидского клана Бармакидов, приглашались лучшие индийские врачи. В свою очередь, арабские медики отправлялись в Индию, где дотошно изучали древние руководства по фармакологии,

книги о свойствах ядов и ядовитых змеях.

Несколько индийских астрономических трудов появились на арабском еще до перевода птолемеевского «Альмагеста». Самый знаменитый из них - астрономический трактат «Сиддханта» Брахмагупты - зазвучал на арабском языке в блестящем переводе Якуба ибн Тарика и аль-Фазари. Комментарии к «Сиддханте» писались в арабском мире, включая мусульманскую Испанию, вплоть до XI века.

Не менее плодотворным было воздействие на арабскую науку индийской математики. Известно, что целый ряд математических терминов арабские ученые заимствовали из санскрита, и даже цифры, которые европейцы считают арабскими, сами арабы именуют индийскими. Кроме астрономических и математических трактатов, арабы переводили с санскрита сочинения по логике и магии. Интересовались они и индийской философией, в частности буддизмом, влияние которого прослеживается в шиитской доктрине «скрытого имама» Ибн Бабавейха Кумми и в «Посланиях» так называемых «Братьев чистоты». Переведенный Ибн Мукафой со среднеперсидского цикл сказок о животных «Калила и Димна» тоже имеет древнеиндийское происхождение. К индийскому фольклору частично восходит и история Синдбада-морехода, вошедшая в знаменитый свод «1001 ночи».

…В последующие века Синдом правили различные мусульманские династии. В 1175 году Синд стал частью Делийского султаната.

Продолжая традицию своих предшественников, правители Делийского султаната упоминали багдадского халифа в пятничных проповедях и чеканили его имя на монетах. Естественно, что не могло быть речи о какой-либо зависимости Дели от Багдада, но делийские султаны, нередко бывшие невольники, объявляя себя вассалами аббасидского халифа, «наместника аллаха на земле», как бы утверждали в глазах верующих законный характер своей власти. В 1229 году, в период правления ставленника тюркской военной знати, бывшего раба Илтутмыша, Делийский султанат был официально признан багдадским халифом Мустансиром.

Всю вторую половину XIII века Делийский султанат, раздираемый внутренними усобицами, вел самоотверженную борьбу с монголами. Значительные успехи как в укреплении центральной власти, так и в расширении пределов Делийского султаната были достигнуты лишь в годы правления второго султана тюркской династии Хилджи - Ала уд-дина (1296-1316). При Ала уд-дине власть Дели распространилась на большую часть Северной Индии, включая территории современного Пенджаба,

Синда, Уттар Прадеша и Гуджерата.

В 1320 году к власти пришла династия Туглаков. Мухаммед Туглак, вступивший на престол в 1325 году, был одной из колоритнейших личностей в истории мусульманской Индии.

Вот что писал о нем придворный летописец Зия уд-дин Барани в своем историческом своде «История Фируз-шаха»:

«Султан Мухаммед в глубине души своей затаил несколько идей для того, чтобы весь населенный мир подчинить власти своих приближенных. Но об этих мерах он никогда не беседовал ни с кем из своих доверенных лиц и друзей. То, что он задумал, в его представлении было добром. Однако, осуществляя эти идеи, он потерял и те области, которыми владел, отвратил от себя людей, опустошил казну. Стали возникать волнение за волнением, замешательство за замешательством. По причине недовольства народ поднимал восстания и мятежи. Но задуманное султаном с каждым днем проводилось все упорнее. Большинство народа вышло из повиновения… Налог большинства отдаленных областей был потерян. Многие воины и слуги рассеялись и направились в отдаленные края. Казна оскудела… Кроме Гуджерата и Деогира (у султана) не осталось (других отдаленных) областей. И даже в самой столичной области Дели происходили волнения и мятежи.

Первая идея, которая послужила причиной разрушения страны и разорения крестьян, заключалась в том, что султан Мухаммед вздумал увеличить харадж (налог. - И.Т.) в Двуречье (Ганга и Джамны) на *1 /10* или *1 /5* . Для осуществления упомянутой идеи султан ввел такие жестокие поборы и наложил такую поземельную подать, что спины крестьян надломились… Крестьяне отдаленных областей, прослышав о разорении крестьян Двуречья, из страха, что этот приказ будет распространяться и на них, вышли из повиновения и бежали в леса… Во всем Двуречье начался страшный голод, поднялись цены на зерновые; случился и недостаток дождей, так что голод стал всеобщим. Это продолжалось в течение семи лет. Тысячи тысяч людей погибли во время этого голода. Общины рассеялись, и многие люди лишились семей».

Мухаммед Туглак отличался сложным и противоречивым характером. Многие его поступки казались окружающим абсурдными, лишенными внутренней логики, бесчисленные прожекты смущали даже тех, кто привык безропотно повиноваться султанской воле.

«Больше всех людей, - писал Ибн Баттута, - этот монарх любит делать подарки и проливать кровь».

Мухаммед Туглак был известен своей щедростью, но и о

жестокости его ходили легенды; он утверждал, что заботится о благе, а его реформы приносили одни бедствия, и, когда он погружался в размышления, все с ужасом старались угадать, какую сумасбродную идею он вынашивает в своей голове.

Одна из печально известных реформ Мухаммеда Туглака - замена металлических монет деньгами, штампованными из кожи. Султан искренне считал, что такая мера поможет привести в порядок государственные финансы. В действительности же все вышло наоборот: финансовые дела еще больше запутались, и благая задумка привела к почти полному банкротству казны.

Неудачей окончилось и другое грандиозное предприятие: перенос столицы из Дели в Даулатабад. Незадолго до этого монгольский правитель Мавераннахра Тармаширин предпринял грабительский поход против Индии, разорил Мултан и Ламгхан и захватил большую добычу и пленных в области Дели. Согласившись выплатить Тармаширину контрибуцию, Мухаммед Туглак в 1327 году заключил с ним мир, но вопрос о безопасности столицы уже не выходил у него из головы. Выбор пал на Даулатабад (Девагири) в силу его удобного географического расположения: город находился в самом центре огромной империи, что было весьма существенным в условиях несовершенных коммуникаций средневековья.

По словам Ибн Баттуты, султан велел жителям Дели покинуть город в течение трех дней; ослушавшихся хватали прямо на улицах или вытаскивали из домов и под конвоем отправляли на юг. В результате в Дели осталось всего два человека, которых, впрочем, решили не трогать, так как один из них оказался слепым, а другой - глухим. Ибн Баттута прибыл в Индию уже после перенесения столицы, и его сообщение построено на слухах, а не на личных наблюдениях. В действительности в Даулатабад переселилась лишь часть жителей Дели, главным образом родственники и близкие султана, крупных эмиров, меликов, шейхов, улемов; туда же переехала и султанская казна. Недвижимое имущество богатых переселенцев было оценено, и хозяева получили денежную компенсацию.

Гигантское мероприятие, которое, кроме выплаты компенсаций, потребовало расходов на благоустройство дорог, строительство почтовых станций - дхав и странноприимных домов, вконец опустошило казну. В 1337 году Мухаммед-шах был вынужден отказаться от этой затеи и вновь перенести столицу в Дели. Очень уж неспокойная обстановка создалась в окрестностях Даулатабада, где один за другим вспыхивали крестьянские бунты и восстания мятежных феодалов.

Как ни парадоксально, неудачи объяснялись не

ограниченностью или недалекостью султана, а, напротив, оригинальностью мышления, не признававшего никаких шаблонов, особой изощренностью ума, столь полезной в философских дебатах и нередко губительной в практических делах.

Мухаммед Туглак был одним из образованнейших людей своего времени. Историки отмечают его глубокие познания не только в литературе, истории, философии, риторике, логике, но также и в математике, астрономии, медицине и каллиграфии. Еще в детстве он выучил наизусть Коран и прекрасно понимал арабскую речь, хотя сам говорил с трудом. Зато персидский он знал в совершенстве, на память цитировал бейты великих поэтов и даже сам сочинял стихи. По утрам в его меджлисе проводились философские диспуты, куда приглашали не только мусульманских улемов, но буддистов и даже йогов. По словам современников, мало кому удавалось переспорить султана, обладавшего железной логикой и завидным красноречием.

Однако словесным доводам он чаще предпочитал конкретные действия. И покуда в зале собраний бурлили умственные страсти, сотни людей, позвякивая цепями, терпеливо ожидали своей участи за дверьми. На воротах султанского дворца всегда висел труп казненного, пыточные камеры были переполнены, и заплечных дел мастерам хватало работы днем и ночью.

Жестокость Мухаммеда Туглака, ставшая притчей во языцех, по-видимому, не являлась врожденной чертой его характера. Пытка или тем паче казнь были последними аргументами в его противоборстве с приверженцами многочисленных религиозно-мистических братств, резко активизировавших свою деятельность в период обострения социальной и политической борьбы в Делийском султанате. В средние века народное недовольство выражалось в форме религиозных ересей, руководители различных сект и орденов нередко оказывались во главе антифеодальных выступлений крестьянства.

В молодые годы Мухаммед Туглак проявлял живой интерес к проповедям мистиков и даже открыто благоволил им. Однако с годами он постепенно перешел на позиции ортодоксального ислама и вслед за богословом Ибн Таймийей заговорил о единстве религии й государства. Суфийские проповедники, выступавшие против этого тезиса, подвергались жестоким гонениям. Любая ересь, отступничество, нерадивость в отправлении религиозных обязанностей карались незамедлительно и беспощадно.

«Истязание мусульман, наказание правоверных, - с горечью писал Барани, - превратились у него (у султана. - И. Т.) в

повседневное занятие и страсть. Многие улемы, шейхи, сайиды, суфии, каландары, писцы и воины были наказаны по его приказу. Не проходило дня или недели без обильного пролития крови мусульман, без того, чтобы не текли потоки крови перед его дворцом…» В Дели царила обстановка страха и неуверенности. По вечерам горожане запирались в своих домах, сидели за десятью засовами, с замиранием сердца выглядывая на каждый стук в дверь. На рынке предпочитали держать язык за зубами, не болтать лишнего. Нечаянная обмолвка могла стоить очень дорого. Боялись всего: косого взгляда, шепота за спиной, сердитого окрика мухтасиба. И еще глубоко сидел в каждом страх перед голодом. Иноземные феодалы вчистую разорили деревню, крестьяне бежали в леса, недород следовал за недородом, и в голодные времена павшую лошадь в считанные мгновения разделывали от головы до хвоста, не гнушаясь облепленной мухами зловонной гнилью.

Слава о несметных богатствах Индии гремела далеко за ее пределами. В Дели же султан ломал голову, как спасти страну от голодной смерти. Повелев раздать голодающим съестные припасы с дворцовых складов, султан отсрочил гибель десятков тысяч людей. Изверившиеся, доведенные до отчаяния простолюдины целовали высохшие лепешки, посылали благодарения аллаху. И все же за глаза упорно называли султана «хуни», что значит «кровавый».

Это прозвище прилипло к султану. С ним он вошел в историю.

* * *

Мухаммед-шах соблаговолил принять хорасанских гостей лишь через несколько недель. Все это время они провели в напряженном ожидании, слонялись по городу, стараясь не уходить далеко от караван-сараев, так как известие о возвращении султана могло прийти в любую минуту. Купцы, ссудившие Ибн Баттуте солидную сумму золотом, уже распродали свои товары и, упаковываясь к выходу, ежедневно напоминали ему о долге. Магрибинец просил повременить, в шутку сулил своим кредиторам золотые горы, но на душе у него было сумрачно и тревожно.

Вечерами он подолгу сидел в темноте под сводами айвана, потягивая из фарфоровой пиалы дымящийся душистый чай, тяжело вздыхал в ответ своим нерадостным мыслям. В огромном незнакомом городе он был совершенно один, никто не мог помочь ему ни делом, ни советом. Лишь земляки-магрибинцы, что жили в Дели уже несколько лет, время от времени навещали его и, пытаясь вывести из тоскливого оцепенения, клялись, что не

было на их памяти человека, которого обошел бы своей милостью султан.

Долгожданную весть в один из вечеров принес в караван-сарай мальчишка-гулям из свиты Ходаунда-заде. Взобравшись на цоколь водоразборной колонки, он рупором сложил у рта грязные ладошки и захлебывающимся от восторга голосом объявил, что наутро всем надлежит выходить в султанскую резиденцию, находящуюся в окрестностях Дели. Караван-сарай откликнулся на эти слова всполошенным хлопаньем дверей, беготней и гвалтом. В полумраке айвана заметались в разные стороны светлячки масляных фонарей, по каменным плитам дробно застучали деревянные башмаки.

- Терпение - ключ к радости, - прошептал Ибн Баттута, отставляя в сторону горячую пиалу и рывком поднимаясь на ноги. Так любил говорить отец, приучая его к многочасовым ночным бдениям над книгами.

В тот же вечер к Ибн Баттуте явился гонец от визиря. Ходжа Джихан лично уведомлял путешественника о том, что утром следующего дня он будет принят султаном.

Сборы заняли всю ночь, а на рассвете небольшой караван уже вышел за городские ворота, где, как всегда, толпились со своими повозками, лошадьми и верблюдами бойкие делийские возницы - мокари, что поджидают здесь иноземных гостей.

«Мы выехали из города, - вспоминал Ибн Баттута, - и с каждым из нас были подарки: лошади, верблюды, хорасанские фрукты, египетские мечи, овцы из тюркских земель, мамлюки».

Ибн Баттута ехал верхом на коне. Солнце лишь чуть-чуть показалось из-за горизонта, положив неяркие медные блики на колышущуюся траву. Было сыро, и вынырнувший из придорожных зарослей низовик холодил ноги, надувал полы парчового халата. Несмотря на бессонную ночь, Ибн Баттута чувствовал приятное возбуждение. Предвкушение важного события будоражило кровь, и он весело оглядывался но, сторонам, словно старался навсегда запомнить каждый кустик, каждое дерево, встретившееся на его пути в этот знаменательный день.

Неужто он и впрямь в Индии? В той вожделенной загадочной Индии, о которой слышал столько небылиц еще в детстве, когда тайком от отца бегал с приятелями на знаменитую танжерскую ярмарку? Неужто за спиной осталось полмира? И все, что он видел своими глазами в прошедшие годы, не выдумка и не мираж? Удастся ли когда-нибудь рассказать отцу о своих путешествиях? Да и поверит ли отец его рассказам, не примется ли укоризненно покачивать головой, слушая о чудесах, в которые и самому-то Ибн Баттуте временами верится с трудом?

Сколько лет он мечтал побывать в Индии, и вот цель достигнута. Что же дальше? Можно, конечно, побыть здесь некоторое время, осмотреться, перевести дух и отправиться в обратный путь, на родину, где с нетерпением ждут его возвращения старики родители. Отец небось выходит к каждому каравану, толкается на постоялом дворе, надоедает расспросами возвратившимся с Востока купцам. Но чем они могут утешить его? Разве что кто-нибудь из паломников обмолвится, что где-то слышал о молодом шейхе Мухаммеде, но вот когда и от кого в памяти, увы, уже не восстановить… Надо бы, конечно, возвращаться, но что толку в возвращении с пустыми руками, да и слишком уж заманчива возможность приобрести высокое положение при дворе делийского султана, где перед ученым чужеземцем открыты все пути,

Вот, наконец, султанский дворец. Летняя резиденция, где Мухаммед-шах останавливается, возвращаясь с охоты, и отдыхает несколько дней, прежде чем погрузиться в тревоги и заботы столичной жизни. Много раз пытался представить себе Ибн Баттута встречу с могущественнейшим из царей, а в тронном зале от волнения стушевался, замешкался, не зная, что делать и куда идти. Эмир-хаджиб Фируз подсказал, что надо кланяться, и Ибн Баттута, неловко ступая но мраморному полу ватными ногами, отвешивал поклоны направо и налево, пока не приблизился к трону, на который он боялся поднять глаза.

- Благословенно твое прибытие, - сказал Мухаммед-шах, протягивая ладонь для рукопожатия. Ибн Баттута разогнулся, несмело подал руку султану, и тот уже не выпускал ее из своей до окончания аудиенции. Мухаммед-шах говорил по-персидски, голос его звучал мягко и неторопливо, и по комплиментам, расточаемым им в адрес своего гостя, можно было понять, что скромность и искренность Ибн Баттуты пришлись ему по душе.

Так оно и оказалось. В конце беседы султан пожаловал Ибн Баттуте длиннополый с золотой росшивью кафтан, и на обеде, что был устроен для гостей сразу же после аудиенции, великий судья аль-Хваризми разговаривал с ним как с равным и пригласил ехать в Дели вместе с придворными улемами, традиционно следующими в голове султанского поезда.

Наутро Ибн Баттута получил породистого каурого жеребца из султанской конюшни и, облачившись в пожалованный султаном кафтан, занял отведенное ему место среди улемов и судей. Отвечая на их чопорные, чуть настороженные поклоны, он старался держаться уверенно и спокойно, но руки, придерживавшие поводья, чуть заметно дрожали от переполнявшего его ликования. Все опасения были позади, и

сейчас, принятый и обласканный султаном, он мог рассчитывать на взлет, который еще год назад показался бы ему немыслимым…

Скрипнули, поворачиваясь в огромных петлях, окованные железом дворцовые ворота, и из них, покачивая задранным кверху хоботом, медленно выступил сверкающий драгоценной сбруей султанский слон. На его спине на разноцветных набивных подушках лежал, опершись на локоть, Мухаммед-шах; над его головой покачивался шелковый зонт, который придерживали с помощью длинных шестов шагающие вслед за слоном темнокожие гулямы. При виде пышной процессии простолюдины, столпившиеся обочь дороги, как подкошенные повалились на землю, и Ибн Баттута сверху глядел на их спины, довольно улыбаясь, словно все эти почести предназначались ему.

У городских ворот, украшенных разноцветными гирляндами, султанский поезд ожидала многотысячная толпа. «На некоторых слонах, - вспоминал Ибн Баттута, - были установлены катапульты, и, когда султан приблизился к городу, они стали стрелять золотыми и серебряными монетами».

Поднялась настоящая свалка. Люди бросались под копыта коней, падали на четвереньки, жадно хватая летевшие в разные стороны динары и дирхемы. С балконов, нависших над улицей, летели вниз букеты желтых и белых цветов; катапульты стреляли снова и снова, и звон подпрыгивающих на камнях монет смешивался с храпами коней и ликующими криками горожан. У стен султанского дворца были установлены деревянные, обтянутые шелком помосты, с которых, силясь перекричать толпу, тонкими пронзительными голосами пели уличные актрисы.

С грохотом и лязгом захлопнулись тяжелые двустворчатые ворота дворца, а город еще долго встревоженно гудел и успокоился лишь к ночи, когда ударила первая стража и по обычаю все должны были расходиться по домам…

«Терпение горько, плод его сладок», - говорят индусы. С прибытием султана начались настоящие чудеса. Утром следующего дня гости были вызваны к вратам тронного зала, где по приказу великого кадия чиновник казначейства внес в свой кондуит их имена и титулы и объявил, что каждому причитается доля из щедрого пожертвования, что выделила мать султана по случаю возвращения сына.

Ибн Баттута получил пять тысяч динаров золотом.

Но это было только начало.

- Вы оказали нам честь своим прибытием, - сказал султан на обеде. - Не знаю, сможем ли мы всех вас достойным образом вознаградить. Старшего из вас я буду почитать как отца, равного мне годами назову братом, а молодых - сыновьями. Самое

дорогое, что есть у меня, это Дели, и я отдаю его вам.

После этого султан назначил каждому из гостей годовое содержание. Ибн Баттуте он положил двенадцать тысяч золотых динаров и поручил благоустройство мавзолея султана Кутб уд-дина Айбека, что по обычаю давало право на десятую часть дохода с пожалованных мавзолею тридцати деревень.

В тот же день Ибн Баттута был назначен городским кадием Дели. Об этом можно было только мечтать, но, твердо следуя этикету, Ибн Баттута сделал вид, что колеблется, принимать ли ему столь высокую ответственность.

- Господин мой! - сказал он султану. - Хорошо известно, что я придерживаюсь маликитского толка в исламе, тогда как паства главным образом состоит из ханифитов. К тому же мне неведом их язык, каково же мне судить их?

- Пустяки,- добродушно возразил султан. - Я уже отрядил тебе в помощь двух опытных помощников. Ты можешь во всем положиться на них, а подписываться под документами не такой уж великий труд. Ты молод, но умен не по годам, а поэтому будешь моим сыном.

- Я твой раб и слуга, - ответил Ибн Баттута, склоняя голову.

Но султан только этого и ждал. Он уже вошел во вкус древней восточной игры в великодушие и подброшенную Ибн Баттутой мелкую карту тотчас покрыл козырем.

- Ты наш господин, и все мы твои слуги, - сказал он, едва заметно усмехаясь. - Если тебе не хватает того, что пожаловано, возьми еще и странноприимный дом, где ты будешь содержать факиров.

Ибн Баттута смиренно прикоснулся губами к его руке.

На следующий день гости получили султанскую одежду, осбруенных лошадей, деньги. Положив на плечо увесистые кошели с динарами, они отправились в тронный зал, где по .обычаю кланялись султану и целовали копыта дарованных коней.

А на обратном пути Ибн Баттута уже сам принимал поклоны от мелких дворцовых чинов. Еще вчера он был заезжим купцом, а сегодня судьба вознесла его на недосягаемую высоту.

С кочевой жизнью было покончено, пыльные дорожные кафтаны брошены на дно сундуков. Изменился быт - приспели новые привычки. По дворцовым коврам не ходят, как по разбитому шляху. Ибн Баттута научился ступать вкрадчиво, мягко, голову нес, как сосуд с шербетом. Речь его стала неторопливой, словам прибыло увесистости, степенности.

Так стекло, потершись о золото, приобретает блеск изумруда.

* * *

Дни и месяцы безбедной службы складываются в годы. Над

стрельницей дворца Биджаи Мандал привычно покачиваются, показывая то спины, то лиловые, с прикушенными языками лица, трупы казненных. С высоты мертвецам виден весь город, что шевелится, как червивый пирог, разрезанный на четыре куска. Так уж сложилась столица, начавшись у Красного форта, заложенного еще в XI веке раджпутским вождем Ананг Палом, и позднее, при каждом новом хозяине раздаваясь вширь, прирастая дворцами и кварталами, замкнутыми многогранниками крепостных стен. Древнюю столицу Томаров, собственно Дели, облюбовал еще Кутб уд-дин, пришедший сюда в 1193 году. Суровому воину не терпелось увековечить свою победу, и он велел отстроить недалеко от Красного форта триумфальную колонну Кутб-минар в виде величественного минарета, опоясанного ажурными кольцами балконов. Ребристая поверхность минарета снизу доверху покрыта резным орнаментом, лигатуры коранических мудростей змеятся по шероховатой облицовке, сплетаясь в изящный, понятный лишь посвященному узор. Первые три этажа построены из красного песчаника, четвертый и пятый - из мрамора. Триста семьдесят восемь стершихся ступеней ведут на самый верхний балкон, где от высоты перехватывает дыхание.

Рядом с Кутб-минаром радует глаз фасадом из стрельчатых арок мечеть Кувват-уль-Ислам. Она была заложена Кутб уд-дином, а достроил ее Ильтутмыш, воздвигший в одном из углов свою гробницу, где и успокоился в вечном сне.

При Ала уд-дине к северо-востоку от Дели поднялись стены Нового города - Сири. Он был славен своим тысячеколонным дворцом «Хазар-сутун», о котором остались лишь воспоминания современников: в истории бумага часто оказывается долговечнее камня, и сегодня археологи не могут установить даже местоположение исчезнувшего дворца. Между Сири и Старым городом сбились в плотную кучу лавки и дома ремесленников, изумрудные островки садов.

Третий кусок «пирога» - каменная ставка отца Мухаммед-шаха - Туглакабад. Обнесенная мощными наклонными стенами, с бастионами и бойницами, она больше походит на крепость, изготовившуюся к длительной осаде, нежели на город, где некогда бурлила шумная, веселая, разноязыкая жизнь. Даже сложенная из красного камня и мрамора усыпальница Гийяс уд-дина, что возвышается посреди небольшого озерца, мрачно ощерилась полукруглыми выступами стрельниц, увенчанных зазубринами бойниц. Так отпечатались в архитектуре суровые нравы XIV века: правитель или феодал чувствовал себя в безопасности, лишь отгородившись от мира глубоким рвом и

высокими стенами, и даже фамильный склеп строил наподобие форта, словно и в мире ином стремился оградить себя от боя камнеметных машин.

Четвертый город, Джеханпаннах, отстроен Мухаммед-шахом. Это на его вратах днем и ночью покачиваются мертвецы, и вид их настолько привычен, что исчезни они на время - и станет не по себе, как если бы невзначай исчезла крепостная стена или башня с бойницами. Но мертвецы никуда не денутся - не успеют захоронить одних, как им в черед появляются другие, и чем угрюмей и задумчивей султан, тем опасливей повадки придворных: можно ли угадать, на кого обрушится его гнев?

Ибн Баттута до поры до времени ничего не боялся. Его жизнь была как арба, что, чуть подрагивая, катится по наезженному тракту в ту сторону, куда несет его судьба, и над нею не властен возница, лишь для видимости лениво помахивающий кнутом.

Каждое утро новоиспеченный кадий облачается в черную абаю, водружает на голову высокий колпак, из-под которого свешивается краешек тайласана, и отправляется в присутствие.

Кадий по традиции пользуется всеобщим уважением. В глазах общины он, пожалуй, самый авторитетный человек. Честность и неподкупность вкупе с высокой образованностью - вот его главные достоинства, а что на свете точнее интуиции сердца, подкрепленной доводами ума? О нерадивых, нечистых на руку судьях писал еще Джахиз, по-видимому, и таких было немало в провинциальных мусульманских городах, но бесчиние грешников не бросает тени на благонравие праведников: ведь облако заслоняет солнце лишь на время, ибо оно мимолетно и случайно, а дневное светило неизменно и объемлет весь мир…

Посыльный вводит в зал истца и ответчика, которые садятся по разные стороны ковра. У каждого заготовлен целый ворох доказательств, и тот, кто награжден большим красноречием, имеет лучшие шансы на успех. Ибн Баттута терпеливо опрашивает истца, потом ответчика, одного за другим приглашает на ковер добровольных или платных свидетелей. Всякое случается в суде - и слезы, и крики, и перепалка, что вот-вот кончится рукоприкладством, но кадий не может довериться ни мольбам, ни уговорам. Лишь три вида доказательств законны: чистосердечное признание ответчиком своей вины, показания свидетелей и клятва именем аллаха. Угрозы и запугивания запрещены, а признание, вырванное под пыткой, в исламе считается недействительным.

Выслушав показания тяжущихся, Ибн Баттута по традиции старается склонить их к примирению. Если это не удается, он спрашивает ответчика, признает ли тот справедливость иска.

Ответчик волен поступить трояко: признать за собой вину, отрицать ее или попросту молчать, не подтверждая ни того, ни другого. В последних двух случаях вся надежда на свидетелей, и тут уж от судьи требуется и ум и проницательность, чтобы за наворотом фактов и домыслов угадать самую суть, отыскать в клубке конец ниточки и, осторожно подергивая ее, размотать его весь до конца.

После этого он с чистым сердцем может огласить приговор, который по шариату всегда окончателен, бесповоротен, обжалованию не подлежит. Более того, исполнение чаще всего незамедлительно следует за вынесением вердикта - власть судебная и власть исполнительная собраны в одной руке.

Обязанности Ибн Баттуты не ограничены судопроизводством. Неспроста карман его абаи оттягивает увесистая судейская печать - ею он скрепляет завещания, брачные договоры, купчие грамоты, акты о разделе имущества. Требуют времени и попечительство за сиротами и подкидышами, и дела странноприимного дома, и хлопоты по благоустройству мавзолея Кутб уд-дина Айбека, который хоть и поставлен основательно, а все же с годами ветшает, нуждается в хозяйском рачительном пригляде.

Словом, успевай крутиться. Дни складываются в месяцы, месяцы - в годы. В свой черед ложатся на лоб глубокие борозды, сеточки от раздумчивого прищура собираются в уголках глаз, и борода, иссиня-черная, топорщащаяся кверху, поблескивает редкой прошивью ранней седины.

Все подпадает в этом мире зоркому оку судьбы, переменчивой как море.

Какой араб, иль перс, иль грек лукавый
В расцвете сил, величия и славы -
Пророк иль царь - остался невредим,
Когда судьба открылась перед ним?
Закон стрелы: лететь быстрей, чем птица,
Щадить стрелка и крови не страшиться.
Своей спиной, как пленные рабы,
Мы чувствуем следящий взор судьбы.

Так писал великий аль-Маарри, который, будучи слепым, видел дальше большинства зрячих.

«Следящий взгляд судьбы» Ибн Баттута с содроганием почувствовал на своей спине несколько лет спустя, когда по всей Индии, как змея в камышах, прошуршал зловещий слух о казни известного суфийского подвижника Шихаб ад-дина. Старик суфий, пользовавшийся покровительством султанов Кутб уд-дина

и Гияс уд-дина, напрочь отказался служить заступившему на трон Мухаммед-шаху, которого он, не страшась возмездия, открыто называл тираном. Действуя то посулами, то угрозами, молодой султан неоднократно пытался привлечь строптивого шейха на свою сторону, но всякий раз получал решительный отказ. Взбешенный неуступчивостью отшельника, Мухаммед-шах велел выщипать ему бороду щипцами и на семь лет сослал его в Даулатабад.

Но и это не образумило упрямца, убежденного в приоритете веры над государственной властью. Конфликт между короной и власяницей достиг драматического накала. Кровавая развязка стала неизбежной.

Ибн Баттута, безусловно, знал о многолетнем противоборстве султана со святым старцем и все же рискнул наведаться в пещеру в окрестностях Дели, где Шихаб ад-дин проводил дни и ночи в размышлениях и молитвах.

Как это часто случалось с Ибн Баттутой, любознательность пересилила благоразумие, и отныне ему оставалось уповать лишь на милосердие аллаха.

Посещение опального шейха не прошло без последствий. Сразу после казни Шихаб ад-дина султан занялся выяснением всех его связей. К подозреваемым приставили соглядатаев, не отступавших от них ни на шаг. «Когда султан поступал таким образом с кем-либо, - писал Ибн Баттута, - спасения уже не было». Можно было надеяться лишь на особое благорасположение султана, всегда выделявшего Ибн Баттуту среди прочих слуг.

Но и этим надеждам не суждена была долгая жизнь. Как-то в пятницу Ибн Баттута невзначай выглянул в окно. То, что он увидел, заставило его похолодеть. По другой стороне улицы, напротив его дома, зябко поеживаясь от рассветной сырости, туда-сюда прогуливались четверо соглядатаев. Когда Ибн Баттута, второпях одевшись, стремительно выскочил из дому, они переглянулись и с показным равнодушием гуськом двинулись за ним.

Положение Ибн Баттуты было, прямо скажем, не из лучших. По дворцу гуляли слухи о страшных пытках, которым султан подверг Шихаб ад-дина. Казни следовало ожидать со дня на день. Инстинкт самосохранения подсказывал, что еще не поздно броситься в ноги султану, повиниться, ценой унижения вымолить себе жизнь.

Но Ибн Баттута не сделал этого. Две недели гнетущей неопределенности, когда угроза расправы как дамоклов меч висела над его головой, он пережил стойко и достойно, не дав усомниться в своем мужестве тем, кто мысленно уже попрощался

с ним. Досадуя на свою суетливость в то пятничное утро, он старался держаться осанисто, неторопливо, ходил с высоко поднятой головой, церемонно отвечая на поклоны знакомцев. Ни словом, ни жестом Ибн Баттута не выдал страшного оцепенения души, поставленной перед выбором: сохранить жизнь, утратив достоинство, или не поступиться им, смело глядя в лицо смерти.

Ибн Баттута выбрал второе и впоследствии никогда не кичился этим. Внутреннее борение угадывается между строками его книги, и если современникам великого путешественника не было дела до его душевных терзаний, то нам, восстанавливающим сегодня его жизнь, дорого все, что делает ближе и осязаемей его человеческое лицо.

После казни Шихаб ад-дина султан отправился в Синд, по-видимому отказавшись от намерения расправиться с поклонниками мятежного шейха. Опасность, казалось бы, миновала, но испытания, выпавшие на долю Ибн Баттуты, надломили его силы, и он на время полностью отошел от мирской жизни, удалившись в суффийскую обитель, где дни и ночи напролет проводил в молитвах и чтении Корана…

Наступил сорок второй год. Ибн Баттуте исполнилось тридцать восемь лет, из коих семнадцать он провел вдали от родного дома, в странствиях по миру. Последние годы, правда, прошли оседло при дворе делийского султана. Но тридцать восемь лет, но сегодняшним понятиям, возраст мужской зрелости, в те времена считали порогом старости; приходилось задумываться, как жить дальше; все чаще являлась мысль о возвращении на родину.

В начале июля в обитель, где дервишествовал Ибн Баттута, нагрянул султанский гонец. Он передал Ибн Баттуте, что Мухаммед-шах велит ему немедленно прибыть во дворец.

«Султан послал мне оседланного коня, наложниц, гуляма, одежду, деньги, - вспоминал Ибн Баттута. - Я облачился в дарованные им одежды и отправился к нему. На мне была джубба голубого цвета с подкладкой, в ней я молился… Когда я прибыл к султану, он одарил меня с щедростью, о которой я едва ли мог помыслить.

- Я велел вызвать тебя, - сказал султан, - чтобы ты отправился моим послом к китайскому царю. Я ведь знаю твою страсть к путешествиям.

Он снарядил меня всем необходимым и назначил мне спутников».

Мухаммед-шах остановил свой выбор на Ибн Баттуте вовсе не случайно. По-видимому, магрибинец обладал всеми качествами, которые полагалось иметь послу. Об этих качествах писал

сельджукский визирь Низам аль-Мульк в своем трактате «Сиясат-намэ»:

«Надо, чтобы он (посол. - И.Т.) был смел в беседе, но не многоречив, совершал бы много путешествий, знал бы что-нибудь во всякой науке, был бы понятлив, предусмотрителен, обладал бы степенностью и, хорошим внешним видом. Если к тому же он учен и почтенного возраста - тем лучше».

Начались сборы в дорогу. 22 июля 1342 года посольский караван вышел на почтовый тракт. Впереди была Южная Индия, длительный морской переход к берегам страны Син.

Вряд ли Ибн Баттута мог. предположить, что с Дели он прощается навсегда.

Глава пятая

«Оковы и золотые тяжелы». Надо думать, что Ибн Баттута в полной мере оценил смысл этой индийской поговорки за те годы, что от провел при дворе делийского султана. Высокое положение тешило его самолюбие, но оседлая жизнь была ему не по нраву. Привыкший не засиживаться подолгу на одном месте, он тосковал по простору, и поэтому повеление султана отправиться с посольством в Китай воспринял восторженно, как счастливую возможность освободиться из золотой клетки.

Караван медленно двигался на юг; один за другим проплывали, растворяясь за спиной, поставленные обочь дороги каменные путевые столбы; июльские муссонные дожди лили почти беспрерывно, приходилось то и дело останавливаться, поджидая увязающий в рыхлом красноземе обоз.

Наступил последний этап путешествий Ибн Баттуты.

Отныне дорога не будет столь укатанной и безбедной. То, что не довелось пережить мальчику, выпадет на долю мужа. Не раз придется ему проявить характер в навороте испытаний, что будут идти полосами, бросая его от благополучия к нищете, от надежды к безысходности, чтобы в результате снова вывести на гребень удачи.

Приключения начались уже в первые дни путешествия. Во время одной из стоянок Ибн Баттута и несколько его спутников отправились на прогулку, нашли фруктовый сад и, расседлав лошадей, устроились отдыхать в тени развесистых деревьев. Здесь их подстерегли разбойники, которые не могли отказать себе в удовольствии врасплох напасть на зазевавшихся мусульман. Ибн Баттута вскочил на коня и пытался спастись бегством, но ему не повезло: его конь споткнулся о камень, и разбойники окружили его со всех сторон.

«Навстречу мне выскочили около сорока неверных с луками, - вспоминал Ибн Баттута. - Я испугался, что они выстрелят в меня, если я побегу, а я был без кольчуги. Поэтому я бросился на землю и сдался в плен, зная, что они не убивают пленных. Они ограбили меня, отобрали все, кроме джуббы, нательной рубашки и штанов, и отвезли меня в лес, к своему стойбищу. Там мне Дали хлеб, и я съел его, попил воды. С неверными были двое мусульман, которые заговорили со мной по-персидски, спрашивая, кто я такой. Кое-что я рассказал, но умолчал о том, что являюсь посланником султана.

- Эти люди убьют тебя, - сказали они. - Гляди, вон там их главарь.

И они показали мне его. Я поговорил с ним через переводчиков и, по-видимому, понравился ему. Он приставил ко мне троих своих людей: старика с сыном и еще одного, чернявого, с отвратительной наружностью. Они заговорили со мной, и я догадался, что им приказано убить меня».

Ион Баттута был недалек от истины. В то время на дорогах Индии было неспокойно. Тысячи крестьян, спасаясь от жестокого гнета иноземных феодалов, бежали в джунгли, где объединялись в шайки, промышлявшие разбоем. Их протест имел ярко выраженный социальный характер, но проявлялся в форме религиозной нетерпимости, и мусульманин, попавший в руки мятежников-буддистов, вряд ли мог рассчитывать на счастливый исход.

Тем не менее Ибн Баттута, по-видимому, родился в рубашке. Иначе как везением не объяснишь того, что, нагнав страху на своего пленника, разбойники не стали убивать его, а попросту отпустили на все четыре стороны. Боясь, что они могут передумать, Ибн Баттута опрометью кинулся в заросли камыша и скрывался там до наступления темноты. Так он провел несколько дней, отсиживаясь от рассвета до заката в укромных местах и лишь ночью осмеливаясь покинуть свое убежище, чтобы напиться воды и подкрепиться плодами дикой ююбы и горчичными побегами. Несколько раз он наталкивался на вооруженных всадников; крестьянский бунт, очевидно, охватил всю округу, и Ибн Баттута чувствовал, что положение его почти безнадежно.

Но чудеса на то и зовутся чудесами, что происходят тогда, когда без них никак не обойтись. На восьмой день скитаний обессилевший от голода и жажды Ибн Баттута вышел к колодцу и, не найдя ведра, остановился, раздумывая, чем бы ему зачерпнуть воды. Погруженный, в свои невеселые мысли, он не заметил, как сзади к нему бесшумно подошел смуглый человек с посохом из кизилового дерева и бурдюком на плече.

- Кто ты, сын мой? - спросил он Ион Баттуту по-персидски.

- Я потерял дорогу, - ответил Ибн Баттута, неизвестно отчего проникаясь доверием к незнакомцу, который, как ему показалось, был мусульманином. - Мое имя Мухаммед. А твое?

- Я зовусь Веселым Сердцем, - сказал незнакомец, доставая из холщовой сумы пригоршню риса с горохом. - Подкрепись, да побыстрее, потому что нам негоже задерживаться тут.

По пути Ибн Баттута почувствовал, что силы покидают его, и незнакомец взвалил его на спину. Охватив его шею руками, Ибн Баттута погрузился в забытье, а когда очнулся, увидел, что находится на земле, в окружении незнакомых людей. Староста деревни, мусульманин по имени Хаким, велел перенести его в

дом, где его накормили горячей едой. Еще не вполне веря в свое чудесное спасение, Ибн Баттута сбивчиво рассказал Хакиму о своих злоключениях.

- Тебя ищут уже несколько дней, - ответил Хаким. - Я дам тебе джуббу и тюрбан и помогу добраться до Куля, где остановились твои спутники.

По пути в Куль Ибн Баттуту вдруг пронзила неожиданная догадка. От возбуждения он даже привстал в стременах. Да, сомнений не могло быть. Семнадцать лет назад, когда Ибн Баттута останавливался на ночлег в завии египетского суфия аль-Муршиди, святой старец как бы невзначай сказал ему:

- Ты будешь в земле индийской и там встретишь моего брата, который выручит тебя из беды. Его зовут Веселым Сердцем.

«Так состоялась предсказанная встреча», - пишет Ибн Баттута. Чудеса? Или случайное совпадение? Или, может быть, Ибн Баттута попросту придумал историю своего спасения, стремясь придать ей мистический колорит? Сегодня вряд ли можно дать на эти вопросы определенный ответ. Достаточно того, что наш путешественник счастливо выкрутился из беды, а поэтому, не обременяя себя досужими домыслами, присоединимся к каравану и дадим возможность спутникам удачливого путешественника порадоваться его возвращению.

После короткой остановки в Даулатабаде, где Ибн Баттуту поразили единственные в своем роде рынки певцов и певиц, посольский поезд продолжил свой путь, на юг и в самый разгар влажного сезона вышел к берегу моря.

С глубокой древности Южной Индии принадлежала важнейшая роль в оживленной морской торговле со странами бассейна Индийского океана. Тамилы и другие индийские переселенцы основывали торговые фактории в государствах Юго-Восточной Азии и на восточном побережье Африки. Греческие, римские, китайские купцы имели свои кварталы в морских портах Южной Индии и Цейлона. В городах Малабара уже в первые века нашей эры существовали поселения евреев, на Коромандельском побережье - колонии армянских купцов. С VII- VIII века монополия в посреднической торговле между Индией и Европой перешла в руки арабов, которые коммерческую деятельность успешно сочетали с миссионерской, распространяя исламское вероучение среди низших каст народа малаяли. Именно тогда возникли первые общины керальских мусульман, которых называют маппила или мопла. Долгое время Южная Индия оставалась недоступной для христианских путешественников и миссионеров. Те немногие, кому удавалось проникнуть в Индию, поражались богатству ее рынков, интенсивности и размаху

торговых операций. Среди них был русский купец Афанасий Никитин, совершивший в 1466-1472 годах путешествие по странам Востока. Предприимчивый русич исходил всю Южную Индию, некоторое время даже жил в столице султаната Бидар. В его путевых записках «Хождение за три моря» содержится много ценных сведений о жизни и быте южноиндийских городов во второй половине XV века.

Южная Индия занимала ведущее место в торговле средневекового мира благодаря вывозу специй и пряностей, пользовавшихся огромным спросом в Леванте и Европе. Напоминающие виноградную лозу вечнозеленые кустарники черного перца произрастали в предгорных районах Кералы, там же находились плантации имбиря; тропические леса Западных Гат были богаты диким кардамоном, кое-где культивировался и более редкий вид пряностей - куркума. Через южноиндийские порты в Европу отправлялись крупные партии пряностей с Малайского архипелага.

Кроме того, Южная Индия славилась тончайшими тканями местной выделки, которые высоко ценились на рынках многих стран. Дорогие муслины и другие виды хлопчатобумажной ткани производились в Бенгалии, Гуджарате, а также на Коромандельском побережье.

Обилие экзотических товаров, широкий размах торговых операций на Малабарском побережье Индии поражали воображение современников.

«Чудеса Китая, товары Индии, погруженные на большие суда, плавая, подобно горам с крыльями ветров на поверхности воды, постоянно прибывают сюда», - восторженно писал в своей хронике персидский историк XIV века Вассаф.

Среди портовых городов Малабара Ибн Баттута особо выделяет Камбей и Каликут.

Камбей, на санскрите Скамбхатиртха, возник в глубокой древности, по-видимому, как деревня паломников вблизи джайнистского храма. Удобное расположение на берегах глубоководной бухты и постоянный приток населения из глубинных районов Индии способствовали развитию торгового обмена. Все более утрачивая значение религиозного центра джайнов, Камбей постепенно превратился в оживленный морской порт, где охотно основывали свои фактории иноземные, главным образом арабские купцы. В XIV веке Камбей - типичный мусульманский город: Ибн Баттута с восхищением рассказывает о прекрасных зданиях, построенных на средства единоверцев, отмечает обилие мечетей и придомных молелен.

Малабарское побережье словно самой природой создано для

морской торговли. В его северной части впадающие в море реки образуют глубокие заливы, удобные для стоянки морских кораблей. Подступающие к берегу Западные Гаты и песчаные дюны надежно препятствуют проникновению штормовых ветров. Ближе к югу береговая линия приобретает еще более причудливые очертания: многочисленные бухты и лагуны, что тянутся вдоль берега, нередко связаны между собой судоходными каналами, и мелкие суденышки совершают каботажные рейсы в виду берега, не углубляясь в открытое море.

В Каликуте Ибн Баттута впервые увидел китайские джонки.

«На большом корабле, - писал он, - имеется двенадцать парусов. Паруса сделаны из кизиловых прутьев, скрепленных наподобие циновок; их поворачивают в зависимости от направления ветра… На таком судне служит тысяча человек, из них шестьсот матросов и четыреста воинов. Среди воинов - лучники, щитиики, метатели горящей нефти. Все эти корабли изготовляются в китайском городе Зейтун. Кроме парусов, они оснащены веслами, огромными, как мачты; у каждого весла десять-пятнадцать гребцов, которые гребут, стоя на ногах. Судно имеет четыре кормы, где расположены каюты для купцов с замками и ключами. Здесь же живут и дети моряков; они выращивают овощи, бобы и имбирь в деревянных кадках. Капитан корабля напоминает крупного эмира. Если он сходит на берег, его сопровождают лучники и воины-эфиопы с копьями и мечами, с трубами и барабанами. Когда он добирается до дома, где останавливается на ночлег, они скрещивают копья у его дверей…»

В XIV веке присутствие китайских купеческих джонок в индийских портах - обычное дело. К этому времени за спиной китайских мореходов был уже почти шестнадцативековый опыт хождения к берегам Индии, так как впервые они появились здесь, по-видимому, не позднее II века до н. э, в ту блестящую эпоху, когда император Уди прокладывал для своих соотечественников сухопутные дороги на Запад. Во всяком случае, уже в первые годы нашей эры, в правление императора Пинди, путь в Индию был хорошо знаком китайским капитанам, об этом рассказывают древние летописи Ханьской династии.

Несмотря на известную налаженность морских сообщений между Китаем и Индией, путешествия такого рода всегда были связаны со смертельным риском и нередко оборачивались трагедией. Поэтому, наверное, особой романтикой окрашена в истории цивилизации тема героического неравного противоборства человека с морем.

«Я не знаю, как назвать смерть - прибытием в гавань или

уходом из нее». Эти слова принадлежат великолепному знатоку моря английскому писателю Джозефу Конраду. Спутников Ибн Баттуты смерть настигла в гавани Каликута, когда внезапно налетевший шквальный ветер оторвал от причала груженные посольским добром джонки и понес их в открытое море. Трагедия разыгралась на глазах Ибн Баттуты, который по чистой случайности остался на берегу: каюта, предложенная ему на флагманском корабле, оказалась тесной и неуютной, и он решил переночевать в порту, намереваясь поутру устроиться на малое судно, где ему обещали более сносные условия. Еще в пятницу вечером Ибн Баттута сидел на ковре каликутской соборной мечети, обращаясь к всевышнему с мольбами благополучно провести его сквозь все испытания, а уже в субботу утром, не понимая, радоваться ему или скорбеть, бежал в траурной процессии на кладбище, и десять золотых динаров - все, чем он был еперь богат, жалко позвякивали в привязанном к поясу кошельке.

Вчерашний султанский посол был нищим. Более того, отныне он вряд ли мог считать себя послом: трагедия случилась не по его вине, но гнев султана, как известно, слеп, и после всего, что произошло, лучше уже никогда не показываться ему на глаза. Превратности судьбы, которая сегодня вознесет чуть не до небес, а завтра шлепнет лицом в навоз, - одна из излюбленных тем средневековых арабских поэтов. «Деньги как птицы: прилетают и улетают», - вздыхал великий скептик Абу аль-Атахля и, задумчиво окунув косой срез калама в чернильницу, принимался выписывать бейт за бейтом, пополняя очередным шедевром единственный в своем роде жанр поэтических жалоб.

Но Ибн Баттута не был поэтом. Как, впрочем, не был ни скептиком, ни пессимистом. Несправедливости фортуны, несомненно, ранили его, но за годы странствий он научился трезво смотреть на вещи и не падать духом даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Ничего в жизни не стоило дороже жизни, и с гибелью посольства, а вместе с ним радужных надежд на торговую удачу в стране Син все вокруг осталось таким же, как прежде. Разве что в _ гавани поубавилось кораблей, да там и сям покачивались на воде, нарушая голубизну акватории, деревянные обломки - все, что, успокоившись, возвращало на берег море. Ураганный ветер прекратился так же неожиданно, как возник, солнце пылало, как раскаленная жаровня, штилевая вода слизывала с просыхающих свай белые соляные налипи, птицы важно прогуливались по деревянным, пахнущим рыбой настилам, настороженно воротя клювы в сторону базара, откуда долетали до порта волнующие острые

запахи полуденной кухни.

Несколько дней подряд в городе жили рассказами о гибели султанского посольства. Объявились и очевидцы, клявшиеся, что малое судно, где находился скарб Ибн Баттуты, вовсе не погибло, а, благополучно выйдя из гавани, взяло курс на Каулем. Это было маловероятно, но все же давало надежду, и, понимая бессмысленность дальнейшего пребывания в Каликуте, Ибн Баттута отправился в Каулем.

Каулем магрибинец назвал одним из лучших городов Малабара. Местные мусульмане оказали попавшему в беду единоверцу самый радушный прием: наперебой зазывали в гости, интересовались подробностями каликутской драмы, сочувственно покачивали головами. Но дальше этого дело не шло. Надо было все начинать сначала, а для этого требовался могущественный покровитель. Погостив в Каулеме несколько дней, Ибн Баттута возвратился в Каликут и оттуда на борту мусульманского военного судна отбыл в Хинаур.

Хинаурский султан Джемал уд-дин, известный фанатичной приверженностью предписаниям ислама, охотно принял на службу бывшего делийского кадия, умевшего при необходимости блеснуть незаурядными познаниями в области богословия и права. «У меня не было даже слуги», - с горечью отметил Ибн Баттута, вспоминая свой приезд в Хинаур. Очевидно, по нормам того времени именно отсутствие прислуги считалось свидетельством крайнего падения.

Жизнь мало-помалу налаживалась, достаток прибывал как морская вода, что в часы прилива с журчанием струится между прибрежными валунами, поднимаясь все выше и выше. Вместе с султаном Ибн Баттута участвовал в походе по покорению Синдапура. Щедрость повелителя росла пропорционально военным успехам, и хотя нечего было и мечтать о былом богатстве, за несколько месяцев службы при хинаурском дворе Ибн Баттута поправил свои финансовые дела настолько, что стал всерьез подумывать о новых путешествиях. К тому времени он немало слышал об островах Мальдивского архипелага, который называли одним из чудес света.

Тяжелый, полный неудач и разочарований год близился к концу. На подходе был следующий - тысяча триста сорок третий.

* * *

Мальдивские острова были известны грекам и византийцам с глубокой древности. Отдельные упоминания о них содержатся в географических трудах Птолемея, Ам-миана Марцеллина, Космы Индикоплова. Коралловый архипелаг уже в первые века нашей эры посещали греческие, римские, византийские и китайские

мореплаватели. Однако основная заслуга в вовлечении островитян в орбиту мировой торговли принадлежала арабам, которые с V века начинают совершать регулярные плавания к берегам архипелага, где основывают богатые купеческие фактории. Поначалу арабские мореходы ходили на Мальдивы, используя кружной каботажный путь; позднее, научившись различать сезонные перемены в направлении ветра, стали плавать кратчайшим путем через океан. С VIII века всей торговлей с островами монопольно распоряжаются предприимчивые басрийские купцы, все чаще наведываются на Мальдивы арабские ученые и путешественники. Исламизация местного населения идет медленно, по неуклонно; мусульманские миссионеры настойчиво распространяют на островах вероучение пророка, откалывая от буддийской общины все большее число новообращенных. В 1153 году им удалось приобщить к исламу мальдивского короля Дарумаванта Расгефану, который принял титул султана и официально назвался арабским именем Мухаммед. С тех пор арабы чувствуют себя на Мальдивах как в своей вотчине. При их поддержке султан приобретает почти неограниченную власть, старинная родовая знать отходит на вторые роли, уступая натиску энергичного мусульманского духовенства, которое становится самой влиятельной силой на островах.

Путешествие Ибн Баттуты на Мальдивы - чрезвычайно важный этап его странствий. До него на островах побывали такие известные географы и путешественники, как Сулейман-купец, аль-Масуди, аль-Бируни. Каждый из них внес свою лепту в научное освоение Мальдивского архипелага, но их сведения, как правило, были отрывочны и зачастую невнятны. Мальдивы в то время были населены буддистами, а значит, неверными, что само но себе ставило заслон пониманию арабскими исследователями подробностей их быта и общественной жизни. Иное дело Ибн Баттута, который провел на Мальдивах около полутора лет и даже удосужился ввязаться в перипетии дворцовой борьбы за власть. Стоит ли говорить о том, какие преимущества это открывало перед человеком, который изучение жизни иных народов поставил своей главной целью и следовал ей неотступно всюду, куда бы ни занесла его судьба. Именно поэтому описание Ибн Баттутой Мальдивских островов можно безоговорочно отнести к разряду шедевров географической литературы, заново открывших европейцам экзотическую страну уже после того, как там обосновались португальские конкистадоры. Неспроста именно раздел о Мальдивах составной частью вошел в один из первых европейских переводов труда Ибн Баттуты, который издал

в 1819 году немецкий ориенталист Генрих Апец.

Ибн Баттута отнес острова Мальдивского архипелага к чудесам света, и такими они, очевидно, представлялись ему, когда, подчиняясь воле капитана Омара из Хинаура, остроносая дау лавировала по ветру в поисках узкого входа в лагуну. Полоска бирюзовой кристально чистой воды вклинивается в берег, сверкающий белизной кораллового песка, чуть далее поднимается зеленая изгородь кустарников, из-за которых улетают к небу, касаясь друг друга раскидистыми кронами, кокосовые пальмы. Острова, или атоллы, круглой или овальной формы окаймляют мелководные лагуны, в зеркальной поверхности которых отражены низкорослые мангровые леса, судорожно вцепившиеся своими надземными корнями в зыбкие прибрежные пески.

Все здесь кажется необычным, чудным, несравнимым с тем, что уже доводилось видеть. Чистенькие дома мальдивцев, где из дерева, а где покрытые плотными пальмовыми листьями, чуть приподняты над землей; мужчины, смуглые, низкорослые, в белых рубашках и полосатых, обернутых вокруг бедер юбках - сарангах, чуточку напоминают йеменцев, женщины улыбчивые, глазастые, с длинными иссиня-черными волосами, зачесанными на одну сторону; на бедрах черные юбки, обнаженные груди подрагивают на ходу, дразнят голубоватыми окружьями сосков. Чудно правоверному глядеть на такое бесстыдство, но мальдивцы, хотя и сунниты чистейшей воды, словно не замечают греха, да еще предлагают приезжему своих женщин для временного брака: женись, поживи в свое удовольствие, покуда есть дела на острове, а там произнесешь троекратно формулу развода и можешь отбыть куда угодно.

«Когда прибывает судно, - писал Ибн Баттута, - жители острова устремляются к нему на лодках с зелеными кокосовыми орехами, которые они протягивают кому пожелают. Тот, кто получил кокосы, становится постояльцем того, кто дал. Мальдивец берет его вещи и несет к себе домой, словно это его родственник».

Мальдивский период своей жизни Ибн Баттута вспоминал с особым удовольствием. Чуть не силой поставленный на должность кадия (поначалу Ибн Баттута не собирался задерживаться на Мальдивах, намереваясь посетить Цейлон, затем Бенгалию и оттуда двигаться в Китай), он вскоре снова стал богатым человеком. Уважение, которое питали к нему островитяне, было поистине безграничным, а влияние росло не по дням, а по часам, в особенности после того, как ему было предоставлено право выезда верхом на коне, что в былые времена

составляло прерогативу визиря. Понемногу устроились и личные дела, и если познал он хоть раз в жизни тепло и уют семейного очага, то это было здесь, на Мальдивах.

По ночам море вокруг коралловых атоллов светится как бы изнутри, словно волшебная лампа Аладдина зажигается где-то на самом дне. У берега плещется рыба, в темноте пронзительно попискивают комары, в домах неуемные гекконы приступают к шумной охоте за насекомыми. Днем Ибн Баттута собран и строг, о его неподкупности ходят легенды, выносимые им приговоры суровы и неотвратимы. Вору без всякой жалости отсекают правую кисть, прелюбодеям назначаются плети, кровавой поркой потчуют также за мздоимство и нерадение к молитве. Иное дело ночью, когда на спящий поселок можно глянуть со стороны. В такие минуты Ибн Баттута остро ощущает свою отстраненность, неизбывную чужесть всему, чего до конца никогда не объемлет душа, похожая на дерево, чудом поднявшееся на перекрестке ветров, в самом сердце пустыни.

Все в тебе, все с тобой, душа, скорбящая по отчему дому, наполненная бестолковой суетой каирских базаров, прикоснувшаяся к святыням Мекки и Иерусалима, живущая воспоминаниями о суровой красоте Багдада и прохладных садах Дамаска, о великолепии Константинополя и ночных стоянках в бескрайней кыпчакской степи. Все в тебе, все с тобой, но необъятна ли ты, или, может быть, и тебе всевышний поставил предел, и сердце уже кровоточит на грани разрыва, здесь, на крохотном острове, окруженном водой, которой нет ни конца ни края!

Сгущаются сумерки, Запад темня,
Но утром Восток оседлает коня.
А я для Востока - что солнца восход,
И Запад меня, словно вечера, ждет.
Я - всадник ночной - возвещаю рассвет,
Скачу я по небу дорогой комет.

Кажется, так сказал великий аль-Бухтури. Все в тебе а все с тобой, душа. Долгие годы ушли на познание мира, а кому из умерших или живых удалось вместить в себя столько, сколько сумел ты вобрать в своей ненасытной любви к пространству?! Кто из великих может похвастать, что видел больше, чем ты? Но можно ли, чтобы накопленное по крупицам ушло вместе с тобой, пропало, превратилось в тлен, когда отойдешь ты в мир иной, повинуясь всеобъемлющей воле аллаха?

Не в этом ли бессмыслица и тщета всего сущего?

Море светилось до самого горизонта, где-то за спиной тихая

лагуна пахуче зацветала планктоном. Ровно дышали на циновках маленькие смуглые женщины, посапывали во сне грудные младенцы.

А Ибн Баттута уже находился далеко отсюда. Наверное, он никогда и не был рядом с ними.

Ибн Баттута покинул Мальдивы в середине месяца раби сани года семьсот сорок пятого мусульманского счисления, что соответствует тысяча триста сорок шестому году по христианскому календарю. На рассвете девятого дня плавания на горизонте возник Цейлон.

«Мы увидели гору Серендиб, уходящую в небо, как столб дыма», - писал Ибн Баттута, и ему не откажешь в поэтическом воображении. В XIV веке Цейлон, или, как его называли арабы, Серендиб, отнюдь не был terra incognita ни для европейцев, ни для жителей мусульманского Востока. Грек Сопатер, посетивший Цейлон в VI веке, сообщил о нем следующие интересные сведения:

«Это большой остров в Индийском океане, расположенный в Индийском море; индийцы называют его Сиеледиба, греки же - Тапробане. На острове правят два царя, враждебные друг другу. Его часто посещают большие группы торговцев из далеких стран. К этому острову прибывает множество кораблей из всех частей Индии, Персии и Эфиопии, потому что он стоит как бы посередине между всеми странами; и от него тоже отправляются корабли туда и сюда во всех направлениях.

Из внутренних областей, то есть из Цинисты и других торговых городов, привозят шелковые ткани, дерево, алоэ, гвоздику и сандаловое дерево, и все это отправляется в другие страны.

И так этот остров, находящийся посреди индийских стран, получает товары со всех рынков и посылает ил повсюду, будучи сам очень большим рынком».

Из рассказа Сопатера следует, что Цейлон, который в силу его географического расположения практически не мог миновать ни один корабль, направлявшийся как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад, был известен во всем мире как крупнейший центр транзитной торговли.

Какими же товарами славился сам Цейлон?

Странно, но цейлонские, южноиндийские и китайские хроники сообщают об этом крайне мало. Правда, в последних содержатся упоминания о вывозившихся с Цейлона высококачественных хлопковых тканях, которые китайские хронисты даже сравнивают с сотканным воздухом, кое-где называются тончайшие полупрозрачные ткани, пользовавшиеся

особым спросом у куртизанок Рима и Персии.

В некоторых китайских летописях упоминаются и такие предметы традиционного цейлонского вывоза, как резные украшения из слоновой кости, драгоценные камни, изделия из золота, жемчужные ожерелья, сандаловое дерево и тонкий белый хлопок.

В средние века в Западной Европе уже научились прихотливой изысканности в еде и для приобретения восточных специй и пряностей не жалели никаких денег. Пальма первенства в цейлонском экспорте прочно закрепилась за корицей.

«Все побережье Цейлона, - писал Ибн Баттута, - покрыто стволами коричного дерева, которые приносят горные реки. Великое множество стволов громоздится у берега. Жители Маабара и Малабара берут их на дрова и ничего за это не платят, только преподносят султану ткани для одежды в качестве ответного подарка…»

На Цейлоне Ибн Баттута видел много чудес. Одно из них - обилие драгоценных камней необыкновенной величины.

«На лбу белого слона, - удивлялся магрибинец, - я видел семь рубинов, каждый из которых был больше куриного яйца, а у султана Аири Сакарвати - ложку из драгоценного камня величиной с ладонь, в которой находилось масло алоэ. Я был очень удивлен, но он сказал мне: «Есть у нас вещи и большей величины».

Но главное из чудес Цейлона - Адамов пик, гора, священная у буддистов, индуистов, христиан и мусульман. Полутораметровую впадину у самой вершины буддисты считают следом ноги Будды, индуисты верят, что Этот след принадлежит Шиве, христиане приписывают его святому Фоме, а мусульмане утверждают, что священная впадина не что иное, как след Адама, который останавливался в этих местах после своего изгнания из рая. Взору паломников, поднявшихся к вершине на заре, открывается удивительное зрелище: огромная треугольная тень горы, повисшая над землей в предутренней дымке.

Восхождением на Адамов пик Ибн Баттута увенчал список мусульманских святынь, к которым он совершил паломничество во время своих странствий.

* * *

«Море Серендибских заливов - это одно из самых коварных, недоступных и бурных морей - одно из тех морей, в котором редко кому удается спастись. Оно простирается на триста фарсахов. В этом море множество крокодилов, а по берегам его живут тигры. По этому морю плавают морские разбойники, которые, овладев судном, пожирают находящихся на нем. Это

злейшие из людей, и нигде на свете нет пиратов, подобных им. Путешественники, проплывая по этому морю, подвергаются тройной опасности; их съедят, если судно попадет к пиратам, если корабль потонет, не пройдет и часа, как их пожрут крокодилы, а если судно разобьется около берега и людям удастся выбраться на сушу, - все равно их в одно мгновение разорвут тигры».

Так написано в «Книге о чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра, моряка и писателя, жившего во второй половине X века в одном из приморских городов Южной Месопотамии или Западного Ирана. Примечательно, что в непосредственной близости от Цейлона Ибн Баттуте довелось пережить многое из того, о чем предостерегал в своем сочинении полулегендарный капитан. Казалось, судьба испытывает его на излом, ввергая в такие передряги, в которых малодушному нечего рассчитывать на спасение. Но Ибн Баттута давно уже умеет не закрывать глаза перед лицом опасности. «Мужчина тот, кто сомкнет уста и засучит рукава», - говорят на Востоке. Что бы ни случилось, наш магрибинец ведет себя именно так, проявляя не только несгибаемость воли и стойкость духа, но и удивительное благородство души.

На пути с Цейлона в Индию он со своими спутникам попал в кораблекрушение. Буря вынесла потерявшее управление суденышко на мелководье, под порывами ветра оно билось о подводные камни, огромные волны перекатывалие через палубу, грозя затопить укрывшихся в трюме людей.

«Мы воочию увидели смерть, - вспоминал Ибн Бат-тута. - Люди стали выбрасывать все, что было с ними, прощались друг с другом. Мы срубили мачту, и матросы соорудили плот. До берега было два фарсаха. Я вознамерился спуститься на плот, но со мной были две наложницы и два товарища… Я предпочел уступить им свое место».

Всю ночь Ибн Баттута оставался на заливаемом водою судне, а к утру море успокоилось, и опасность миновала. Подоспевшие с берега лодки подобрали потерпевших кораблекрушение и благополучно доставили их на землю.

Но злоключения Ибн Баттуты на этом не кончились. Некоторое время спустя во время морского перехода из Каулема в Каликут он был до нитки ограблен пиратами.

«Они яростно сражались с нами и одержали победу, - писал Ибн Баттута. - Они отняли все, что у меня было и что удалось мне сберечь на черный день, забрали жемчуг и драгоценные камни, подаренные мне правителем Цейлона, платье и дорожные припасы, не оставив даже ничего из одежды, кроме штанов».

В который раз Ибн Баттута остался без всяких средств к существованию. Добравшись до Каликута, он поспешил в мечеть, где вынужден был скрываться до тех пор, пока не подоспела помощь от добрых людей. «Один богослов послал мне одежду, городской кадий - тюрбан, кто-то из купцов - другую одежду…»

Ибн Баттуте исполнилось сорок два года. Возраст весьма почтенный по тем временам. Кочевая жизнь и постоянно преследующие его неудачи уже вызывают раздражение и усталость. Он и сам временами не может понять, что удерживает его на юге Индии, где у него нет ни семьи, ни друга. По всем меркам пора уже подводить итоги, а главная цель - посещение Китая - так и осталась неосуществленной. Сколько времени потребует новое опасное предприятие - года, двух, пяти лет? Суждено ли ему вернуться на родину, которая уже померкла в памяти, потускнела, напоминая о себе лишь невнятным томлением души, ночными сердцебиениями, смутной тревогой, покатывающей внезапно и сжимающей горло вперехват?

Но Ибн Баттута не из тех, кто отступается от задуманного. В 1346 году он вновь отправляется на Мальдивские острова, где ему удается в короткий срок значительно поправить свои финансовые дела. За время его отсутствия одна из жеи родила ему сына, и первое побуждение магрибинца - взять ребенка с собой. Визирь идет ему навстречу, не обращая внимания на мольбы и причитания матери. Но в последний момент Ибн Баттута внезапно отказывается от своего решения и, крепко поцеловав истошно орущего мальчугана, возвращает его еще боящейся поверить в свое счастье женщине. «Я понял, что ему лучше остаться с ними», - объясняет он впоследствии мотивы своего поступка.

Мешки с раковинами каури, этой традиционной разменной монетой древности, погружены на судно. Шлепая по палубе босыми ногами, взад-вперед снуют темнокожие, высушенные экваториальным солнцем матросы. Женщина на берегу уже не плачет. Прижимая к груди успокоившегося ребенка, она растерянно смотрит вслед уходящему кораблю. Сердце готово выпрыгнуть из груди, и она знает, что ей вовек не забыть этого часа, но может ли она знать, что человек, с которым она познала все радости жизни, не будет забыт ни завтра, ни через десять лет, ни много веков спустя.

«Я вышел в море, и мы плыли 43 ночи и прибыли в стану Бенгалию, - писал Ибн Баттута. - Это обширная страна, в ней обилие риса. Нигде во всем мире не видел я более низких цен, чем здесь, и тем не менее это страна несчастья: жители Хорасана называют ее «адом, полным богатств».

После полуторамесячного пребывания в Бенгалии Ибн Баттута предпринял путешествие в горы Кхаси, что находятся у самой границы Тибета, чуть южнее долины Брахмапутра, на территории нынешнего индийского штата Ассам. К сожалению, он мало что сообщает об этих до сих пор недостаточно изученных районах Индии, и вся его информация сводится к тому, что в горах Кхаси водятся мускусные олени, жители гор похожи на турок, отличаются незаурядной выносливостью и склонностью к колдовству. Впрочем, специалистам приходится быть благодарными и за эти скупые обмолвки, так как Ибн Баттута прямо указывал, что единственной целью его путешествия к плато Шиллонг была встреча с мусульманским отшельником Джелал ад-дином ат-Тебризи, который в течение долгих лет занимался распространением ислама среди местных племен.

Иначе и быть не могло. Мир, описанный Ибн Баттутой, был населен прежде всего мусульманами; вероисповедный критерий довлел над всеми остальными, определял вкусы и пристрастия, позиция и оценки. И лишь благодаря исключительной любознательности Ибн Баттуты, побуждавшей его пристально приглядываться ко всему, что представлялось экзотическим, необычным, его мемуары поднялись над конфессиональной узостью, запечатлев для потомков жизнь XIV столетия во всей ее сложности и многообразии.

* * *

Известно, что средневековые китайцы не проявляли особого интереса к жизни окружающих их народов. Даже в сравнительно поздние времена их знания о далеких странах были весьма приблизительны, а зачастую попросту курьезны, как, например, сообщение одного китайского географа XVIII века об Италии, которая, по его словам, знаменита главным образом тем, что там существует остров, где петухи несут яйца. Разумеется, на основании этого забавного факта не следует делать выводов о китайской географической науке, хотя удивительный этноцентризм китайцев, безусловно, существенно ограничивал возможности углубленного познания сопредельных стран.

Узость географических представлений китайцев имела свои причины. Китайские императоры считали свою страну центром вселенной, а иноземные народы - варварами, находившимися в вассальной зависимости от Китая.

«Я, почтительно получив на то соизволение Неба, правлю как государь китайцами и иноземцами». Такие утверждения характерны для китайских манифестов о верховной власти императора. Идея о собственной исключительности была замечена за многими народами древности. Не миновала она и

Китая, где приобрела характер всеобъемлющей государственный доктрины, став философско-этической основой мироощущения каждого и всех. Для обозначения иностранца в китайском письме существовал иероглиф «фань», имевший пренебрежительный оттенок «варвар», «дикарь». Дело доходило до того, что, обмениваясь подарками с иноземными государями, китайцы только свои дары считали дарами, тогда как ответные посольства, по их мнению, доставляли ко Двору Сына Неба причитавшуюся с них вассальную дань.

Между тем арабы, неизменно проявлявшие жгучий интерес к экзотической стране Син, имели весьма четкие представления о Китае, во всяком случае, о жизни его портовых городов. Географическая копилка пополнялась двояко: с одной стороны, благодаря неустанным усилиям ученых различных специализаций, пытавшихся свести в одно целое разрозненные сведения своих предшественников и в конечном счете весьма преуспевших в этом, а с другой стороны - за счет рассказов очевидцев, моряков и торговцев, побывавших в Китае, которые, правда, со свойственной средневековому человеку верой в чудеса нередко смешивали реальное с вымыслом и все же, несмотря на это, оказывали развитию науки неоценимую услугу.

Известно, что ислам благосклонно относился к развитию географии, и еще до крестовых походов у арабов ее уровень был неизмеримо выше, чем у европейских народов. Нельзя не согласиться со справедливым утверждением известного востоковеда Минорского, что «за 300 лет до Марко Поло мусульмане обладали весьма точным описанием стран, народов, дорог и товаров, встречавшихся на территории от Испании и Марокко до земель, которые находились за Китаем и Тибетом».

В VIII веке на Южнокитайском побережье вовсю процветали бойкие торговые фактории арабских и персидских купцов. Мусульмане обосновались здесь, на самом краю света, столь прочно, что временами даже забывали о том, как следует вести себя иностранцам в чужой стране. Так, например, в 763 году они вероломно напали на китайский город Гуанчжоу и разграбили находившиеся там торговые склады. Бесцеремонное хозяйничанье чужеземцев не могло не возмущать местное население, и, когда в конце IX века в Китае вспыхнуло мощное восстание под руководством Хуан Чао, народный гнев обрушился и на заморских купцов, которых подвергли массовому избиению в Ханчжоу.

В течение нескольких веков Китай был практически закрыт, для иностранцев. Лишь после монгольских завоеваний, с утверждением на троне императоров династии Юань в Китай

снова потянулись купцы, путешественники и миссионеры из далеких стран. Среди них было немало мусульман, но особо монгольские правители Китая привечали христиан, которых они стремились привлечь к государственной службе. Известно, например, что венецианского гостя Марко Поло могущественный хан Хубилай официально назначил правителем важного торгового города Янчжоу, что стоял на Великом канале, неподалеку от его слияния с Янцзы.

В первой половине XIV века приток европейцев в Китай достиг своего апогея. Именно к этому периоду относятся замечательные путешествия Джованни Монтекорвино, Одорико из Порденоне, Джованни Мариньолы и многих других, чьи имена навсегда вписаны в историю не прекращающегося ни на миг героического познания нашей планеты.

Ибн Баттута добрался до Китая морским путем. До этого он несколько месяцев провел на восточном побережье полуострова Индокитай, в Чампе, которую он называет страной Тавалиси. Там он сел на китайскую джонку и на семнадцатый день плавания при попутном ветре благополучно прибыл в Зейтун, шумный портовый город, расположенный на западном берегу Тайваньского пролива.

«Первым нашим городом в Китае, - писал Ибн Баттута, - был Зейтун, хотя оливок, как и в Индии, там нет * . Это огромный город, в котором производят камку и атлас, и они ценятся выше хансийских и ханбалыкских тканей. Порт Зейтуна - самый большой в мире, я видел в нем около ста крупных джонок, а уж малых вовсе не счесть».

Торговый оборот зейтунского порта действительно поражал воображение. Казалось, все, что производилось в целом мире, попадало сюда и аккуратно пересчитывалось, взвешивалось, перепаковывалось и отправлялось на склады. Наряду с золотом, серебром и драгоценными камнями, в которых разбирался любой купец, китайцы охотно покупали рог носорога, слоновую кость, панцирь черепахи, крокодилью кожу, павлиньи и журавлиные перья, дерево самых драгоценных пород - сандаловое, сапановое, ладанное, орлиное, лаковое, черное. А разве перечислишь благовония и курения, от которых по всему городу распространялся тяжелый дурманящий дух, что сам по себе, наверное, стоил денег! Здесь обычное на Востоке розовое масло, розовая вода, цветочный сок гардении, благовония из смоковницы, курения из душистой кумраны, мускус, серая амбра. Одних красителей везут сюда самых разных оттенков, и вряд ли кого удивишь здесь сине-зеленым индиго, красным сафлором или ярко-желтой камедью гарцинии. А уж в заморских лекарствах

разберется лишь самый опытный фармацевт. Кроме него, кому знать, куда и в каких пропорциях употребить алоэ, камфарную мазь, масло «сухэ» или как сводить лишаи целебными косточками «дафэн»! Много диковинных товаров ввозится в Китай, а везут отсюда дорогие ткани, фарфоровую посуду, бронзовые, железные ювелирные поделки, бумагу, зерно. Повсюду ценятся китайская парча, атлас, тончайшие холсты, газ и тюль, готовая одежда с дорогим шитьем. Но особая слава у китайских шелков, и каждый хорош по-своему - тонкий, тяжелый, узорный, набивной.

Ни одному судовладельцу или купцу, будь он хоть семи пядей во лбу, не миновать морского инспектора. Особое управление торговых кораблей, обладающее штатом энергичных, понаторелых в своем деле чиновников, ведет учет каждому прибывающему или отбывающему судну, взимает с каждого из них соответствующий налог, зорко следит за соблюдением монополии на приобретение товаров у иноземцев, проводит так называемые «принудительные закупки» заморских товаров для казны, осуществляет таможенные функции. Инспектор морской торговли лично проверяет, нет ли на борту запрещенных товаров, и, лишь убедившись, что все в порядке, выдает капитану разрешение на выход из порта, без которого никто не смеет сняться с якоря.

Удивительная собранность и организованность китайцев, их умение с пользой для дела поставить под контроль даже такую трудноуправляемую сферу, как торговое предпринимательство, - первое, что бросилось в глаза Ибн Баттуте.

«У китайцев так принято, - отмечал он с почтением, - если какая-либо джонка готовится к отплытию, на ее борт поднимается морской инспектор со своими писцами, и они поголовно переписывают всех, кто там находится, - лучников, прислугу, матросов, и лишь после этого им разрешают отплытие. А когда джонка возвращается, они снова поднимаются на нее и проверяют по списку наличие людей, а если недосчитаются кого-нибудь, то тут же обращаются к капитану, который обязан представить доказательства смерти, бегства или указать на какие-либо иные причины, а иначе с него строго спрашивают за это. Потом они просят судовладельца продиктовать им список всех товаров и уходят, а таможня производит осмотр. Если она обнаруживает что-либо сверх заявленного, то джонку конфискуют, а товары отписываются на склад. Подобного этому я не видел ни у неверных, ни у мусульман».

В новинку Ибн Баттуте было и многое другое, что выгодно отличало Китай XIV века от тех азиатских стран, где ему довелось побывать. Иностранцы, прибывающие в Китай, тут же попадают

под зоркое око местной администрации, которая берет на себя заботу об их размещении и личной безопасности. Мусульманские купцы останавливаются либо в домах своих собратьев, либо спешат в фондуки, где им выделяют комнату и ставят на довольствие. Все свои деньги путник сдает на хранение хозяину фондука, и тот ведет расчет, удерживая из этой суммы стоимость проживания, еды и тех услуг, которые оказываются постояльцу. Каждый вечер управляющий с писцом обходят комнаты, проверяя наличие жильцов, и лишь после этого запирают двери фондука. Наутро они вновь проводят перекличку, дабы удостовериться, что за ночь ничего предосудительного не произошло. Отъезжающему по делам купцу выделяют провожатого, который сопровождает его до следующего фондука и по возвращении вручает управляющему письменное свидетельство о том, что его подопечный благополучно добрался до места.

Иностранные купцы путешествовали по Китаю либо на перекладных, используя разветвленную сеть почтовых трактов, либо на лодках, что двигались по Великому каналу и связанным с ним рекам. Для этого требовалось иметь при себе два пропуска: один от правителя области, другой от чиновника, что ведал торговлей. Тщательно налаженная почтовая служба и неусыпная опека властей практически исключали возможность каких-либо недоразумений. Ибн Баттута отмечал, что «Китай - одна из безопаснейших стран для путников». Местные власти были главным образом озабочены тем, как оградить гостей от назойливого любопытства толпы: их необычная внешность и одежда привлекали внимание зевак. Методы работы средневековой китайской полиции и сегодня кое-где могли бы оказаться вполне современными: по распоряжению городского начальства рыночные художники писали портреты иноземных гостей и при необходимости снимали с них несколько копий. «Если иностранец бежал, - сообщал Ибн Баттута, - его изображение рассылали по всей стране для розыска». Сам Ибн Баттута был немало удивлен, когда, гуляя по городскому рынку, увидел на стене свой собственный портрет. «Сходство, - признался он, - было поразительным».

Поразительным было и многое другое. В частности, бумажные деньги. Не в пример кожаным банкнотам Мухаммед-шаха, умудрившегося в короткий срок довести Делийский султанат до полного разорения, китайские бумажные ассигнации весьма успешно замещали на внутреннем рынке золото и серебро. По свидетельству Ибн Баттуты, тому, кто отправлялся на рынок с динарами или дирхемами, приходилось обменивать их на бумажные деньги.

«Народ в Китае не пользуется в торговых делах ни золотой, ни серебряной монетой, - писал Ибн Баттута. - Купля и продажа у них происходит при помощи листков бумаги величиной с ладонь, на этих листках ставится знак печати императора. Если такая бумажка порвалась, люди несут ее в Монетный двор, где обменивают на новую, и за это с них не берут платы, так как чиновники Монетного двора находятся на султанском обеспечении».

Последнее, впрочем, оспаривается другими источниками, из которых следует, что за обмен износившихся бумажных денег в Монетном дворе удерживали три процента, и это, вне всякого сомнения, приносило казне значительный прибыток. В Национальной библиотеке в Париже хранится перевод письма, написанного на латыни около 1330 года архиепископом Султании Жаном де Кора, который сообщает следующие интересные факты:

«Когда эти бумажные деньги становятся ветхими и ими уже нельзя пользоваться, их приносят в государеву палату, где служат назначенные монетчики. И если знак или имя государя на деньгах сохранилось, тогда монетчик дает за старую бумажку новую, удерживая за такой обмен три из ста».

О китайских бумажных деньгах писали в своих мемуарах Марко Поло и Одорико де Порденоне, но на их европейских современников эти сообщения, похоже, никакого впечатления не произвели.

Ибн Баттута сообщает много любопытных подробностей о жизни и быте средневекового Китая. Сравнивая китайцев с другими азиатскими народами, он отмечает, что «живут они богато и широко, хотя ни чревоугодием, ни одеждами не увлекаются». Вряд ли эти слова могут быть отнесены к неимущим слоям населения - городской бедноте и крестьянству, но не следует забывать, что простонародье вообще не попадало в кругозор Ибн Баттуты, который в силу своей классовой ограниченности чаще всего замыкался в пределах элитарного круга и видел лишь то, что приличествовало видеть человеку его положения. «Китайцы увлекаются золотой и серебряной посудой», - продолжает Ибн Баттута, и из этих слов ясно, о каких китайцах идет речь. Правда, сообщая о широкой распространенности и дешевизне шелковых одежд, он добавляет, что шелка в Китае «носят даже бедняки». Но и в этом случае трудно сказать, кого путешественник относил к беднякам.

Многое в Китае понравилось Ибн Баттуте.

С явным одобрением он писал о системе социального обеспечения в Китае, предусматривающей «выход на пенсию», всем, кто достиг пятидесятилетнего возраста. По словам Ибн

Баттуты, старики и немощные находились на государственном обеспечении, а после шестидесяти лет даже освобождались от судебной ответственности за правонарушения, ибо считалось, что умом они сравнялись с малыми детьми. Путешествуя по Китаю, Ибн Баттута видел существовавшие при буддийских храмах обители для слепых и престарелых, бесплатные больницы и поварни, приюты для вдов, сиротские дома.

И все же в Китае Ибн Баттута чувствовал себя неуютно. Многое восхищало, но ничего не возбуждало ни привязанности, ни любви. «Китай мне не понравился, хотя в нем и есть много прекрасного, - признавался Ибн Баттута. - Я был очень опечален царящим там неверием… Если я встречал там мусульманина, то радовался встрече с ним, как с членом своей семьи или родственником…»

О буддистах Ибн Баттута отзывался крайне неодобрительно. Чего хорошего можно было ожидать от людей, поклонявшихся идолам и сжигавшим покойников?! Но особенно отвратительной магрибинцу казалась привычка буддистов есть свинину и собачье мясо, которое открыто продавалось на рынках. Как и всюду, куда его заносила судьба, Ибн Баттута тянулся к единоверцам, и, надо сказать, в Китае он их повстречал великое множество. Мусульманская община существовала там с VII века и, если верить утверждениям сегодняшних китайских мусульман, возникла чуть ли не при жизни пророка Мухаммеда, снарядившего в 628 году в Гуанчжоу своего дядю и ближайшего сподвижника Ваххаба ибн Аби Кабшаха. Согласно легенде дядюшка пророка добрался до тогдашней столицы Китая города Чанъаня, где истребовал разрешение на закладку первой мечети в Гуанчжоу.

С середины XIII века между Арабским халифатом и Срединной империей установились дружественные отношения, что открыло возможности для массового проникновения мусульманских миссионеров в Китай. Росту мусульманской общины способствовала и оживленная торговля, привлекавшая в Китай предприимчивых ближневосточных купцов.

Средневековый арабский хронист Макризи сообщает, что в первой половине XIV века в Каире побывали послы монгольского императора Китая Шуньди, который просил направить к нему проповедников и богословские книги по исламу и якобы даже дал согласие «стать мусульманином». Первое весьма возможно, так как известно, что монгольские императоры действительно тяготели к монотеистическим доктринам и даже обращались к римскому папе с просьбами содействовать распространению христианства в Китае. «Богоискательство» такого рода было

вообще свойственно степным нуворишам. А вот сообщение о принятии Шуньди, или, по-монгольски, Токалмут-ханом, ислама не подтверждается никакими источниками. Более того, все, что известно о личности Шуньди, говорит отнюдь не в пользу такой гипотезы. Последний потомок Чингисхана был слабовольным и туповатым человеком и государственным делам предпочитал общество куртизанок, лодочные прогулки по озеру и механические игрушки, которым он радовался как малолетнее дитя. Едва ли не единственным осмысленным мероприятием, к которому он приложил руку, было фантастическое взвинчивание налогов, а после случившегося в 1334 году свирепого голода, унесшего 13 миллионов жизней, император распорядился резко увеличить выпуск бумажных денег, усугубив экономические неурядицы полным финансовым крахом.

Всего этого Ибн Баттута не понимал, да и не мог понять. В отличие от Индии Китай так и остался для него чужой, хоть и весьма любопытной страной, о которой он, несмотря на природную наблюдательность, в конечном счете узнал так мало, что некоторые исследователи стали сомневаться, был ли он действительно в Китае.

Думается, что эти сомнения необоснованны. Большая часть того, что Ибн Баттута рассказал о Китае, не имеет аналогов в более ранних арабских источниках, а обилие живых деталей, имен, конкретных жизненных ситуаций свидетельствует о том, что все это взято, как говорится, «с глазу», а не из рассказов случайных людей, которые вряд ли могли быть переданы столь образно и достоверно.

Побережье Китая выходило на океан, который Ибн Баттута за двести с лишним лет до Магеллана назвал в своих воспоминаниях «тихим». Океанские просторы были бесконечны, и, стоя у причалов зейтунского порта, Ибн Баттута сообразно представлениям своей эпохи был уверен, что находится на краю земли.

Дальше идти было некуда.

Пришло время подумать о возвращении на родину.

Глава шестая

«Когда приезжаешь из странствий, привези родным хотя бы камешек», - говорят арабы.

Возвращаясь в Марокко дождливой осенью 1349 года, Ибн Баттута знал, что двух самых близких ему людей уже нет на свете. Еще в Дамаске, где он останавливался незадолго до мора, унесшего тысячи и тысячи жизней, знакомый танжерский шейх сообщил ему, что отец умер пятнадцать лет назад. Весть о кончине матери застигла его в Тазе, когда до родного дома оставалось несколько дней пути.

Заезжать в Танжер расхотелось. Там, правда, оставалась по отцовой и материнской линии многочисленная родня, что в его отсутствие наверняка расширилась, приросла детьми и внуками; рано или поздно предстоит наведаться и к ним, хотя ждут они не столько его самого, сколько дорогих заморских подарков. Но все это можно было отложить на потом, а вот в Фес, блистательную меринидскую столицу, ноги несли сами.

За четверть века, что Ибн Баттута провел в странствиях, здесь, на родной земле, многое изменилось. В правление султана Абу-ль-Хасана, вступившего на престол в 1331 году, меринидское государство достигло апогея своей славы и могущества. Сын абиссинки, прозванный за смуглость «черным султаном», Абу-ль-Хасан страстно мечтал о восстановлении мусульманского господства в Испании и даже снарядил туда военную экспедицию, которая, к его разочарованию, окончилась полным провалом. Поначалу, правда, военное счастье сопутствовало Абу-ль-Хасану, и ему даже удалось захватить город Альхесирас, но в 1340 году в сражении у берегов Рио Саладо кастильцы наголову разбили меринидскую армию, а еще через четыре года, опираясь на помощь отборных отрядов английского, французского и итальянского рыцарства, окружили Альхесирас и после двухмесячной осады вновь взяли его в свои руки.

Считая поражение случайным, «черный султан», по словам средневекового историка Ибн Халдуна, «остался глубоко убежден, что дело Аллаха в конце концов восторжествует и что всемогущий выполнит свое обещание, вернув удачу мусульманам». Но это были напрасные надежды. Меринидам пришлось уйти с Пиренейского полуострова, и на сей раз навсегда.

Эфемерными оказались и успехи Абу-ль-Хасана в осуществлении другого честолюбивого замысла - создании могущественной империи, простирающейся вдоль Средиземноморского побережья от Атлантики до Египта. Былая

слава Альмохадов, безраздельно господствовавших в Ифрикии, не давала ему покоя. В начале 1335 года он выступил против своего главного врага, абдельвадидского правителя Абу Ташфина, осадил Тлемсен и в мае 1337 года взял его штурмом. Падение Тлемсена вызвало гулкий резонанс во многих мусульманских столицах - египетские, суданские, гранадские и тунисские послы прибывали в Фес с поздравлениями от своих государей. Но Абу-ль-Хасан стремился к большему. Весной 1347 года он двинул свои войска на восток и несколько месяцев спустя овладел Тунисом, вплотную приблизившись к осуществлению своей мечты. Но кампания 1347 года была последним успехом Абу-ль-Хасана. Далее последовала целая цепь неудач, которые в конечном счете привели его к гибели. Удержать Тунис оказалось значительно труднее, чем его завоевать. В течение двух последних лет Абу-ль-Хасан растрачивал силы в борьбе с мятежными арабскими племенами и местными феодалами, не признававшими его власти, а тем временем его сын и наследник Абу Инан провозгласил себя султаном и для укрепления своих позиций восстановил добрые отношения с Абдельвадидами, позволив им вернуться в Тлемсен.

Все, что задумал Абу-ль-Хасан, шло прахом. Так и не сумев одолеть мятежного сына, этот великий честолюбец и не менее великий неудачник в 1351 году вынужден был отречься от престола и вскоре умер в горах Высокого Атласа, где его приютили друзья из древнего альмохадского племени хинтата.

Территориальная экспансия осталась стержневой идеей внешней политики и при Абу Инане, который так же, как отец, всю жизнь рвался к господству над Средним Магрибом и даже добился значительных успехов, завоевав все побережье вплоть до Бужи, но в конце концов был вынужден отступить с пустыми руками, так как его воины, изнуренные тяготами похода, отказались идти вперед.

Крах имперских амбиций отнюдь не подорвал авторитета Меринидов в глазах окружающего мира. Марокко по-прежнему оставалось самой могущественной силой в Магрибе, а блеску и роскоши меринидского двора могли позавидовать правители любой мусульманской страны. Стремясь утвердить за собой репутацию просвещенных государей, фесские султаны заботились о строительстве мечетей, маристанов, духовных школ, покровительствовали наукам и искусствам, собирая вокруг себя выдающихся богословов, ученых, поэтов. Так, например, секретарем и хранителем печати у Абу Инана был тунисец Ибн Халдун, крупнейший мыслитель средневековья, которого не без оснований называют «отцом социологии». Разносторонне

одаренный, Ибн Халдун ярко проявил себя во многих областях человеческой деятельности, своей универсальностью он походил на гигантов европейского Ренессанса.

Другой звездой первой величины в фесских научных кругах был поэт, историк и философ, бывший визирь гранадских эмиров Лисан ад-дин Ибн аль-Хатиб, последний из великих андалузцев, творчество которого пронизано апокалипсическими мотивами неизбежного заката арабо-испанской культуры.

Были и другие, не менее талантливые и именитые, чей блеск не выдержал проверку временем, померк, сошел на нет и сегодня уже неразличим под слоем архивной пыли. Иногда они сходились на диспуты, и тогда на пушистые дворцовые ковры, треща, осыпались искры накалившихся умственных страстей. Абу Инан любовался уникальной коллекцией интеллектов, как красавица любуется набором заморских благовоний, что выстроились рядами на ее туалетном столике. И если появлялся в Фесе или где-нибудь еще яркий мыслитель или поэт, к нему со всех ног спешили ученые эмиссары халифа, чтобы выяснить, каков он и чего стоит, и после представить о нем государю обстоятельный доклад.

В декабре 1349 года по дворцу разнеслись слухи, что в Фесе остановился некий шейх, похваляющийся тем, что объехал весь населенный мир и даже сподобился состоять на службе у индийского султана.

Летопись сообщает:

«И среди тех, кто прибыл к высоким вратам Феса и перешел по лужам стран к его вздымающемуся морю, был шейх, факих, путешествователь надежный, проехавший земли, пронизавший климаты вдоль и вширь, Абу Абдаллах Мухаммед, известный как Ибн Баттута, славный в странах Востока как Шамс ад-дин («Солнце веры»). Он обошел землю, поучаясь, и прошел по городам, испытуя; он исследовал разделения народов и углублялся в деяния арабов и иноземцев. Затем он водрузил посох скитаний в этой высокой столице».

Современники относились к рассказам Ибн Баттуты по-разному. Люди неискушенные готовы были слушать его часами; в самых интересных местах они со значением переглядывались, покачивали головами; вопросы задавали бесхитростно, робко, опасаясь прослыть невеждами, а если кто и проявлял дотошность, то на него сердито прицыкивали: не думай, мол, что умнее всех. С такими Ибн Баттуте было легко, он готов был сидеть с ними подолгу, переносясь в воспоминаниях то в священные города Аравии, то в Дели, то на Мальдивские острова. Странно, но именно здесь, на родине, окруженный родственниками и

друзьями, он остро чувствовал ностальгию по далеким странам и городам и даже о своих злоключениях рассказывал с удовольствием, словно бы и не стоили они ему жестоких волнений и преждевременной седины.

Сложнее было с учеными мужами, которые, правда, охотно откликались на приглашения пришельца, стремившегося завести побольше полезных связей, но внимали повествованию недоверчиво, подозрительно и, принимая на веру самое, казалось бы, невероятное, непонятным образом пытались оспорить то, что было очевидным и простым. Возражая, они ссылались на мнение авторитетов, и как им было доказать, что великие историки и землепроходцы Птолемей, Масуди, Табари, наконец, автор непревзойденной карты мира Идриси тоже могли заблуждаться, а уж кое в чем были, мягко говоря, не вполне точны. Недоверчивость знатоков удручала Ибн Баттуту, но он стоял на своем, не теряя надежды, что рано или поздно повелитель правоверных заинтересуется им и пригласит в свой меджлис.

Вот что рассказал Ибн Халдун:

«Приехал в Мигриб один человек, известный под именем Ибн Баттуты. Он рассказывал об обстоятельствах своего путешествия, какие диковинки он видел в странах земли. Больше всего он рассказывал про государство владетеля Индии и приводил такие случаи, что слушатели дивились, вроде того, что, когда царь Индии отправляется в путешествие, он подсчитывает жителей своего города - мужчин, женщин и детей и назначает им пропитание на шесть месяцев, которое выдается из его пожалования. А когда он возвращается из путешествия, то въезжает в торжественный день. Все люди выходят на равнину перед городом, окружают его, а перед ним на этом параде ставят баллисты, которые кидают людям мешки с дирхемами и динарами, пока он не войдет в свой дворец. Он рассказывал подобные истории так, что люди стали поговаривать о его лживости. Я встретил в те дни визиря султана и беседовал с ним по этому поводу. Я высказал неодобрение рассказам этого человека, так как среди людей распространилось мнение о его лживости. Визирь мне сказал: «Остерегайся отрицать подобные обстоятельства о государствах, так как ты сам их не видал: ты окажешься, как сын визиря, который вырос в тюрьме. Было так, что султан заточил одного визиря, и он пробыл в тюрьме годы, воспитывая сына в этом заключении. Когда тот вырос и стал разумным, то спросил о мясе, которым питался. Отец сказал ему: «Это мясо барана». Тот спросил: «А что такое баран?» Отец описал ему со всеми признаками и свойствами, а тот говорил: «Отец, это, видишь ли, вроде крысы». Тот отрицал и говорил: «Где баран и

где крыса!» Так же было и с мясом верблюда и коровы, так как он в своем заключении не видел Других животных, кроме крыс, и думал, что все они из породы крыс». Часто случается с людьми в сообщениях, что постигает соблазн добавить с намерением удивить. Пусть же человек владеет самим собой и различает природу возможного и недопустимого чистым разумом. То, что входит в пределы возможного, пускай он принимает, что выходит из них, отвергает».

Вскоре произошло то, о чем мечтал Ион Баттута: султан Абу Инан велел ему прибыть во дворец. Судя по всему, Ибн Баттута сумел завоевать симпатии султана, который оценил не только широту его знаний о мире, но также его богатый дипломатический опыт. Во всяком случае, Ибн Баттута был сразу же зачислен на султанскую службу и несколько месяцев спустя отправился в Гранаду, по-видимому выполняя личное поручение Абу Инана. Об этой поездке он не сообщает почти никаких подробностей: Андалузия была хорошо знакома марокканцам, да и цель миссии, очевидно, не допускала огласки.

Настроение у Ибн Баттуты приподнятое, ровное. В свои сорок семь лет он еще полон сил и энергии, высокое положение при дворе окрыляет его, и, прикажи ему султан вновь отправиться в Индию или Китай, он, кажется, примет это как должное и без всяких колебаний примется снаряжать караван.

В конце 1351 года Ибн Баттуте действительно пришлось собираться в дорогу. Но не в Индию и не в Китай. Султан Абу Инан поручил ему как можно глубже проникнуть в Западный Судан и подробно разузнать о возможностях расширения торговли с негритянскими государствами Мали и Борну.

18 февраля 1352 года Ибн Баттута покинул Фес.

«В стране Гана, - сообщал в конце IX века арабский писатель Ибн аль-Факих аль-Хамадани, - золото произрастает в песке так же, как растет морковь. И собирают его на восходе солнца».

О той исключительно важной роли, которую африканское золото сыграло в истории человеческого общества, сегодня знают немногие. Между тем с древнейших времен и вплоть до открытия Америки драгоценный желтый металл, добывавшийся в недрах Черного континента, монопольно царил на рынках Старого Света. Освоение богатой золотом Нубийской пустыни сделало Египет периода Нового царства могущественнейшей державой древнего мира.

Золото добывали не только па востоке Африки, в стране Куш, но и в ее западных районах, в бассейнах рек Сенегал и Нигер. Со странами Западного Судана бойко торговали уже карфагеняне, позднее им на смену пришли древние римляне, а с середины XII

века - арабы.

В XI веке исламизация Западной Африки уже шла полным ходом; многие местные правители переходили в новую веру, понуждая к тому же зависимую от них феодальную знать. Шаг за шагом ислам все прочнее утверждался в странах Западного Судана. С севера арабские купеческие караваны везли ремесленные изделия, оружие, сушеные финики, изюм, а возвращались на родину, груженные золотом, слоновой костью, шкурами леопардов, зебр, мускусом, лекарственными травами. И конечно же, с каждым караваном гнали на север партии чернокожих невольников: девушек для гаремов, юношей для военной службы.

Прибытия караванов с нетерпением ожидали перекупщики-иудеи: золото и невольники - главное, на чем они наживали капитал, с огромной выгодой перепродавая их на европейских рынках. Чтобы товар обошелся дешевле, они старались перехватить его на полпути к средиземноморским портам, в еврейских слободках - меллахах, что созданы во многих оазисах Сахары.

Почти все золото, что находилось в обращении в Европе до XVI века, было завезено туда с Черного континента. Слухи об «африканском Эльдорадо» гуляли по Европе, волнуя воображение банкиров, содержателей ювелирных лавок, предприимчивых рыцарей, авантюристов всех мастей. Но «страна золота» существовала не только в фантазиях корыстолюбцев. На многих средневековых картах значится «золотой остров», которым, вероятнее всего, была Вангара, находившаяся в верхнем течении Сенегала. «Золотой остров» изображен, в частности, на карте Кариньяно от 1320 года и карте Пицигано, составленной в 1367 году. На знаменитой Каталонской карте мира, появившейся в 1375 году, нарисован малийский мансу Канку Муса н под рисунком написано:

«Вождь негров, по имени Муссемелли, государь негров из Гвинеи. Этот царь - богатейший и самый влиятельный властелин всей страны благодаря массе золота, которое стекается в его государство».

Отдельным европейцам, несмотря на весь риск такого предприятия, удавалось проникнуть в глубинные районы Западного Судана, но об участии в торговом обмене с местными купцами не приходилось даже мечтать: закупка золота была прерогативой мусульман, и любая попытка иноверца нарушить сложившуюся традицию стоила бы ему жизни.

Приходится ли говорить, какое огромное значение придавали фесские султаны укреплению и расширению торговых связей с

западноафриканскими государствами, тем более что золото, непрерывным потоком поступавшее в Марокко, доставалось перекупщикам почти задаром, если, конечно, не учитывать расходов на снаряжение караванов. Дело в том, что на южных границах Сахары издревле сложилась кажущаяся нам парадоксальной традиция обмена золота на поваренную соль, причем за меру соли негры отсыпали равное по весу количество золотого песка. Жители великих африканских империй Кейта и Борну не находили в этом ничего странного. Золота у них хватало с избытком, а вот соль была такой редкостью, что о богачах в народе говорили: они едят соль за каждой едой.

«Негры, обитающие между Гамбией и Нигером, сосут кусочки соли с такой же жадностью, как наши дети едят сладости», - писал в конце XVIII века известный путешественник Мунго Парк.

Об обмене золота на соль Ибн Баттута рассказал достаточно подробно. Выйдя с караваном марокканских купцов из Сиджилмасы, столицы северосахарского оазиса Тафилалет, он на двадцать пятый день пути добрался до южного оазиса Тегазза, откуда правитель Мали манса Сулейман получал каменную соль и медь.

Тегазза произвела на Ибн Баттуту странное впечатление:

«Стенами домов ж мечетей служат соляные глыбы, а крыши сделаны из верблюжьих шкур. Там нет деревьев, лишь сплошной песок, в котором находятся огромные глыбы соли, нагроможденные одна на другую… Черные приезжают из своей страны и увозят из Тегаззы соль. Соль из Тегаззы продается в Уалате по цене от 8 до 10 мискалей за вьюк, а в городе Мали (в столице Мали Ниани. - И.Т.) - от 20 до 30 мискалей, часто же доходит и до 40. Соль служит черным средством обмена, как служат средствами обмена золото и серебро. Черные режут соль на куски и торгуют ею. И, несмотря на ничтожность селения Тегазза, в нем продают и покупают много кинтаров золотого песка».

В Тегаззе купцы провели десять дней, тщательно готовились к переходу через пустыню. Сахара жестока и вероломна, малейшая оплошность или беспечность могут обернуться большой бедой. Страшнее всего отстать от каравана и потеряться. Ибн Баттута рассказывает о таких бедолагах. Один из них был найден мертвым под кустом, где он искал спасительную тень, всего лишь в миле от колодца. Другого путника укусила змея, и он лишь чудом остался жив. Проводники объяснили это тем, что змея предварительно попила воды, а в таких случаях ее укус менее ядовит. Змеи, правда, встречались не столь часто, а вот вши, которых здесь было несметное количество, не давали покоя ни

днем ни ночью. Чтобы спастись от них, люди надевали на шею ниточки с ртутью, но и это помогало лишь отчасти. Солоноватая тегаззская вода почти не утоляла жажды, и даже жалкое пустынное селение Тасарахла, куда караван добрался через несколько дней нуги, показался путникам райскими кущами.

Впереди был еще один трудный переход. По словам Ибн Баттуты, путники отдыхают в Тасарахле три дня, латая прохудившиеся бурдюки и на всякий случай обшивая их мешковиной: острые песчинки, увлекаемые ветром, что нередок в этих местах, могут продырявить кожу, вода вытечет из мехов, а в этом случае смерти не миновать. Отсюда же высылаются в Уалату гонцы, которых называют «такшиф». Они несут весть о прибытии каравана, чтобы навстречу путникам вышли их друзья и знакомые с запасами воды, которая за три-четыре дня до Уалаты обычно бывает на исходе. Гонцам платят огромные деньги, так как от их расторопности зависит жизнь десятков, а то и сотен людей. Если с гонцом случалось что-либо непредвиденное и он запаздывал на несколько дней, гибель всего каравана была неминуема. Но платные вестовщики, как правило, не подводили. Выросшие в пустыне, они знали все ее повадки и умели находить дорогу по каким-то лишь им понятным приметам, что, к изумлению непосвященных, не требовало даже острого зрения. Ибн Баттута сообщает о караванном проводнике, который был почти слепым, но ни разу не сбился с дороги и при любых обстоятельствах чувствовал себя уверенней своих зрячих коллег.

Еще совсем недавно, в Фесе, рассказывая увлекательные истории о своих путешествиях, Ибн Баттута был уверен, что его теперь ничем не удивишь. В Уалате, где он провел несколько недель, ему пришлось многому удивляться, а кое-что даже вызвало искреннее негодование.

«Мы прибыли в Уалату в начале раби ал-аввал, после двух месяцев пути, - писал Ибн Баттута. - Наместником султана в Уалате сидел Хусейн. Купцы сложили свои вьюки во дворе мечети, ибо местные власти отвечают за их сохранность, и пошли на прием к нему. Он восседал на ковре, окруженный копьеносцами и лучниками, вельможи из племени мессуфа стояли позади него. Купцы встали перед ним, но, несмотря на то, что они были рядом, он говорил с ними через переводчика в знак пренебрежения к ним. Из-за невоспитанности негров и их неуважения к белым я даже пожалел, что отправился в их страну».

Раздражение Ибн Баттуты нетрудно понять. В годы странствий ему случалось выступать в роли официального посланника, как, например, в Константинополе или Дели, по все

же в большинстве случаев он был частным лицом - паломником, ученым шейхом, торговцем, а поэтому, смея надеяться на радушный прием у того или иного правителя, всегда помнил, что проявляемой к нему любезности обязан своей ученостью и благонравием. Такое ощущение заставляло держаться настороже, не задирать нос там, где это могли бы счесть за непозволительную дерзость, и воспринимать милости сильных мира сего как очередной подарок судьбы.

Ныне же он выступал в совершенно ином качестве. Направленный в Западный Судан Абу Инаном, он по праву считал себя его послом, которому местные чиновники обязаны были оказывать почести, сообразные высокому авторитету фесского двора. Именно поэтому неучтивость уалатского наместника показалась ему оскорбительной.

Несмотря на это недоразумение, Ибн Баттута старался глядеть на своих африканских единоверцев трезво и непредвзято. Как обычно, он с удовольствием присматривается к прекрасному полу, отмечая, что уалатские женщины очень красивы, хотя ходят без чадры и не отличаются особой строгостью нравов. Женское легкомыслие Ибн Баттута давно уже воспринимает как зло, с которым поневоле приходится мириться; хорошо хоть, что посещают мечети, спасибо и на том. А вот мужчины ведут себя омерзительно, позволяя своим женам водить в дом любовников и миловаться с ними в открытую, не таясь постороннего взгляда. Такую распущенность уалатцы не считают грехом и в этом идут против шариата, хотя молятся аллаху по пять раз на дню. Чудеса, да и только!

Своими наблюдениями о «бесчестии» местных жителей Ибн Баттута делился с Ибн Баддой, хозяином дома, в котором он останавливался в Уалате. Слушая жалобы своего постояльца, Ибн Бадда, купец из марокканского города Сале, изъездивший Мали вдоль и поперек, с трудом сдерживал улыбку. В отличие от Ибн Баттуты он-то знал, что империя Кейту имеет лишь внешнее обличье мусульманской страны, а на деле большинство ее жителей и поныне находятся во власти своих древних верований и суеверий. Так франки ошибочно принимают гуаву за грушу; внешне эти плоды вроде бы похожи, да только у гуавы под кожицей не мякоть, а косточка, что тверже гранита: вонзи в нее зубы - взвоешь от боли. Конечно же, есть и в Мали своя община, есть кадии, чтецы Корана, улемы, а в Тимбукту при мечети Санкоре основан университет, который кое в чем посоперничает даже с каирским аль-Азхаром. И все же в сознание простонародья ислам проникает медленно и тяжело.

Ибн Баттута слушал эти рассуждения рассеянно, неохотно и,

похоже, так ничего и не понял. Он был максималистом, и все, что хоть чуточку выходило за рамки мусульманской догмы, объяснял распущенностью либо невежеством. Зато рассказы Ибн Бадды из истории великой державы Кейту были ему явно по душе. С его лица исчезала недовольная гримаса, он успокаивался, добрел и, казалось, напрочь забывал о своей недавней непримиримости.

При мансе Мусе и его преемнике Сулеймане великая империя Кейту поддерживала оживленные дипломатические и торговые отношения со многими мусульманскими странами и, конечно, в первую очередь с государством Ме-ринидов. Когда в 1337 году султан Абу-ль-Хасан овладел Тлемсеном, среди прибывших с поздравлениями иноземных гостей были и послы великой державы Кейту. В ответ Абу-ль-Хасан направил своих посланников в Мали, и они были с великими почестями встречены мансой Сулейманом.

Парадоксально, но золото, этот символ могущества и богатства, как древесный червь подтачивал экономику Мали. Местные феодалы, привыкшие взамен золота получать из североафриканских стран все необходимые товары, не были заинтересованы в развитии внутреннего обмена. В итоге деревня жила натуральным хозяйством, на местных рынках царил полнейший застой. Зато внешний обмен неуклонно расширялся, с годами складывались целые купеческие династии, державшие в своих руках всю транссахарскую торговлю. Зависимость от постоянного притока товаров из северных стран понуждала местных правителей заботиться о безопасности караванных путей и создании благоприятных условий для торговцев.

Ибн Баттута приводит такой эпизод:

«Однажды в пятницу я присутствовал на проповеди, как вдруг один купец из числа ученых мессуфа, которого звали Абу Хафс, встал и сказал: «О, присутствующие в мечети! Призываю вас в свидетели моей жалобы на мансу Судеймана…» Когда он это сказал, из-аа загородки, за которой сидел султан, вышли несколько человек и сказали ему: «Кто твой обидчик? И кто у тебя что взял?» Купец ответил; «Манса-дыон Уалаты - то есть ее правитель - взял у меня ценностей на 600 мискалей, а заплатить за все хочет 100!» Султан сразу же послал за правителем. Через несколько дней тот явился, и государь отправил обоих к судье. Последний подтвердил правоту купца и взятие у него ценностей. И после этого султан сместил правителя с должности».

Деловая репутация малийских правителей в глазах арабских купцов была очень высока. Ради нее манса не задумываясь принес в жертву такую влиятельную фигуру, как наместник целой области. Известно, правда, что иногда арабские купцы

злоупотребляли добрым отношением малийских государей. Один малийский вельможа рассказал Ибн Баттуте, что великий манса Муса однажды подарил арабскому кадию по имени ад-Дуккали 4000 мискалей золота. Спустя некоторое время шейх заявил мансе, что кто-то украл у него золото. Государь тут же велел начать расследование, не подозревая, что его гость мошенничает. Шейх зарыл в землю свое богатство и надеялся, что манса выплатит компенсацию за потерю. Поиски вора оказались безрезультатными: в этой стране вообще нет воровства. Но чуть позднее обман все-таки раскрылся, золото извлекли из тайника, а бесчестного кадия манса с позором выслал из страны…

Из Уалаты Ибн Баттута решил ехать в Тимбукту, одну из столиц государства Мали. Из-за полнейшей безопасности дороги не было нужды следовать с караваном, и он отправился в путь с тремя спутниками, предварительно наняв опытного проводника.

«Когда кто-нибудь из жителей путешествует, - писал Ибн Баттута, - за ним следуют его рабы и невольницы, несущие его циновки (для постели) и посуду, из которой он ест и пьет, а эта посуда сделана из тыкв. Путешествующий по этой стране не везет с собой ни продовольствия в дорогу, ни приправ, ни динаров, ни дирхемов. Везет он только куски соли, стеклянные украшения, которые люди именуют ан-назм, и некоторые ароматические вещества. Из последних жители более всего бывают рады гвоздике, мастичной смоле и тарасганту, а это их благовоние. Когда путешественник прибывает в какое-нибудь селение черных, женщины выносят просо, молоко, кур, муку из пальмовой сердцевины, рис, фонио (а оно подобно зерну горчицы, из него приготовляют похлебку) и фасолевую муку. Из этих вещей у них покупают то, что путнику понравится».

28 июля 1352 года Ибн Баттута прибыл в Тимбукту и сразу отправился в арабо-берберский квартал, где его давний знакомец Мухаммед ибн аль-Факих заранее снял для него дом. Очевидно, благодаря его протекции Ибя Баттута был сразу же принят дугой, высшим чиновником в малийской дворцовой иерархии. Ибн Баттута называет его переводчиком, но это неверно; на самом деле дуга был царским гриотом, посредником между государем и его подданными. Древний обычай малинке запрещал мансе вступать в прямые контакты с окружающими его людьми, и если кто-либо хотел обратиться к нему с жалобой или просьбой, он должен был изложить суть дела гриоту, а уж тот доводил это до мансы и передавал его ответ просителю. В обязанности дуги входило также доводить до подданных речи государя и его распоряжения, а в дни празднеств петь в честь мансы хвалебные гимны. Царский гриот был настолько могущественной фигурой,

что сам манса считал за благо время от времени делать ему дорогие подарки, не говоря уже о высших сановниках и нотаблях, которым это попросту вменялось в обязанность.

Близкое знакомство с дугой не прошло без пользы. Ибн Баттута весьма подробно описывает малийский двор, сложный дворцовый церемониал, образ жизни, обычаи и обряды малийцев.

Ритуальные танцы, которые он видел во время мусульманского праздника, показались ему смешными. Ему было невдомек, что он наблюдал танцы масок тайных союзов, которые занимались подготовкой юношей к посвящению во взрослые члены общества, обучением их военному делу и навыкам, необходимьш для полноправного участия в общественной жизни. Этот пережиток родового общества, как и многие другие, прекрасно уживался с исламом, лишний раз подтверждая, сколь велика бывает разница между господствующей в обществе доктриной и реальным мировосприятием рядовых граждан.

Манса Сулейман был последним из великих малийских монархов. Тревожные признаки ослабления великой державы Кейту появились еще при его предшественнике, а в период его правления уже случались усобицы и смуты, что несли прямую угрозу его власти. Ибн Баттута оказался свидетелем дворцового заговора, во главе которого стояла жена и соправительница мансы Каса. Она тайно готовилась к свержению мужа, но была вовремя разоблачена и, спасаясь от кары, укрылась в доме хатиба, где согласно обычаю ее так же, как и в мечети, не могли подвергнуть аресту.

…Последнее из путешествий Ибн Баттуты продолжалось чуть менее двух лет. Декабрь 1353 года застал его в горах Алжира, где дорогу каравану преградили снегопады, равных которым он не видел ни в Дешт-и-Кипчаке, ни в Средней Азии, ни в Хорасане. Ибн Баттута сердился, жаловался на холод, но причина его ворчливого тона заключалась в другом: пятидесятилетний путешественник устал от кочевой жизни, и многодневные походы, некогда казавшиеся пустяком, отзывались ноющей болью в потерявших подвижность суставах.

В январе 1354 года Ибн Баттута прибывает в Фес и, наскоро переодевшись, мчится во дворец, чтобы доложиться султану. В один из этих дней Абу Инан повелел ему продиктовать воспоминания о странствиях по городам и странам своему литературному секретарю, ученому шейху из Гранады Мухаммеду ибн Джузая.

Путешествия Ибн Баттуты, равных которым не знал средневековый мир, продолжались более четверти века.

Книга о них, обессмертившая его имя, была создана за

несколько месяцев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Живший в XIV веке магрибинец Ибн Баттута, несомненно, должен быть признан величайшим из всех путешественников, которых знали древний мир и средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют (если не по их значению для истории культуры и литературы, то по широте охвата и дерзновению) в сравнении с поразительным трудом, которому была посвящена вся жизнь этого любителя путешествий. За 26 лет он объездил почти все нехристианские страны, известные в XIV веке, и оставил после себя самый ценный из всех географических трудов средневековья».

Эти слова принадлежат известному специалисту по исторической географии немцу Рихарду Хеннигу, и в них нет ни малейшего преувеличения. Не менее категоричен в своей высокой оценке Ибн Баттуты соотечественник Р. Хеннига, крупнейший ориенталист XIX века Карл Буркхардт. «Ибн Баттута, - писал он, - быть может, самый великий путешественник на земле, который когда-либо описывал свои путешествия».

А вот что сказал об Ибн Баттуте замечательный русский арабист, глубокий знаток Востока академик И.Ю. Крачковский:

«Судьба сделала из него географа, так сказать, волей-неволей и выработала в нем редкий для арабов тип путешественника ради путешествия, который обрек себя на скитания из неудержимой страсти к ним и любопытства… Интерес к местам у него был всецело подчинен интересу к людям, и, конечно, ни о каких изысканиях в области географии он не думал, но, может быть, поэтому его книга оказалась единственным в своем роде описанием мусульманского и вообще восточного общества в XIV веке. Это богатая сокровищница не только для исторической географии или истории своего времени, но и для всей культуры той эпохи».

Мухаммед ибн Джузая завершил работу по записи путевых впечатлений Ибн Баттуты в конце 1355 года и в следующем году занялся их литературной обработкой. Чуть позднее Абу Инану была представлена объемистая рукопись, в колофоне которой изящным магрибинско-испанским письмом был выведен автограф составителя: «Составление книги завершилось в месяце сафаре 757 года хиджры» (в феврале 1356 года). На титульном листе - название книги: «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». Звучит изысканно и витиевато, чем, впрочем, отличается и весь стиль этого сочинения, написанного рукой профессионального литератора и канцеляриста вполне, в

духе позднеарабской эпистолярной прозы. Стараясь ни в чем не отступить от традции, предусматривавшей использование характерных для этого жанра приемов, Мухаммед ибн Джузая внес в мемуары Ибн Баттуты немало отсебятины, каковой, к примеру, являются написанные рифмованной прозой панегирики, многочисленные вкрапления стихов известных, малоизвестных и вовсе никому не ведомых поэтов и даже вставки из ранних географических трудов. Таковы были требования жанрового этикета, но они, к счастью, не испортили книгу, так как редактор обладал чувством меры, и его литературные экзерсисы не смогли полностью заглушить живого беспримесного голоса Ибн Баттуты, его яркой эмоциональности, доверительных разговорных интонаций, сообщающих повествованию особую доходчивость и достоверность.

О последних годах Ибн Баттуты мы практически ничего не знаем. Известно лишь, что остаток жизни он провел в достатке и почете, никуда уже не отлучался из родных мест и умер в преклонном по тем временам возрасте в 1377 году.

А вот судьба продиктованной им книги оказалась куда более драматичной. Вскоре после смерти автора о ней попросту забыли, и величайшее из географических сочинений средневековья могло бы навсегда кануть в Лету, не попадись оно в руки сирийскому поэту XVII века аль-Байлуни, известному под прозвищем Абу Муфлих, который извлек из него описания святых мест, завий, мусульманских подвижников и их чудодейств и выпустил все это отдельной книгой, предварив ее собственным стихотворным прологом. По счастливой случайности эта книга, названная издателем «Извлечениями из «Путешествий» Ибн Баттуты Андалусского из Танжера», в начале XIX века была приобретена немецким географом Зеетценом для Готтской библиотеки и таким образом вошла в европейский научный обиход. Вскоре появились первые переводы «Извлечений». В 1818 году немецкий ориенталист Дж. Козегартен опубликовал научное исследование и латинский перевод трех глав книги, посвященных Индии, Китаю и Судану, а годом позже его ученик Г. Апец сделал достоянием европейского читателя описания Малабарского побережья и Мальдивских островов.

Понимая, что речь идет об уникальном географическом труде, ученые-востоковеды начали напряженные поиски подлинного текста Ибн Баттуты. Удачливей других был португальский священник Ж.С.А. Моура. Оказывается, еще в 1797 году, находясь в Фесе, он приобрел один из списков «Подарка созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий», но поначалу не придал рукописи особого значения и лишь после

выхода в свет переводов аль-Байлуни понял, какой ценный документ находится в его руках. В 1840 году Лиссабонская академия выпустила в свет перевод первого тома книги, в котором был отражен первый этап странствий Ибн Баттуты, включая посещение Золотой Орды. Смерть помешала Ж.С.А. Моуре завершить свой гигантский труд, и вторая часть книги так и осталась неизданной.

В 40-х годах XIX века несколько отрывков из «Путешествий» Ибн Баттуты опубликовали французские востоковеды Де Слан, Эдуард Дюлорье и Ш. Дефремери. Ш. Дефремери в творческом содружестве с итальянцем Б. Сангинетти занялся тщательным исследованием всех обнаруженных к тому времени списков, и в 1853-1858 годах они выпустили на арабском и французском языках полный текст сочинения Ибн Баттуты в четырех томах.

Это и было настоящим открытием Ибн Баттуты и его книги. После многовекового перерыва она вновь попала в ноле зрения ученых, и сегодня едва ли найдется востоковед-медиевист, который не использовал бы в своих исследованиях огромный фактический материал, собранный в XIV веке неутомимым магрибинцем. Открытый и по достоинству оцененный европейскими учеными, великий путешественник с триумфом возвратился на родину, в арабские страны, где его стали издавать и переиздавать, включать в школьные учебники и хрестоматии.

Сегодня волнующий рассказ Ибн Баттуты зазвучал на многих языках мира. Наиболее ценной ученые считают публикацию, подготовленную на английском языке крупными востоковедом Гамильтоном Гиббом, который принялся за работу в конце 20-х годов, а закончил ее в 1971 году.

Полные переводы книги Ибн Баттуты, кроме английского и французского, имеются на немецком, итальянском, шведском, чешском и польском языках. Интересовались ею и в России. В 1841 году в журнале «Русский вестник» были опубликованы выдержки из сочинений Ибн Баттуты, содержавшие описание его странствий по Крыму и Золотой Орде. А в конце XIX века известный востоковед В. Тизенгаузен включил воспоминания Ибн Баттуты об Улусе Джучи в свой труд «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды».

К сожалению, перевод на русский язык полного текста Ибн Баттуты до сих пор не появился.

Имя Ибн Баттуты я впервые услышал в бытность студентом Института восточных языков. Мой научный руководитель профессор Салах Халис посоветовал использовать фрагменты из «Путешествий» в курсовой работе. Арабский язык я тогда знал еще явно недостаточно, и чтение Ибн Баттуты в подлиннике

показалось мне скучным и утомительным. Тоскливо полистав объемистый фолиант, я вернул его библиотекарю и с облегчением вздохнул. В памяти осело лишь необычное для слуха имя: Баттута по-арабски означает «уточка». О том, что обладатель смешного имени еще встретится мне в жизни и даже займет в ней немаловажное место, я, конечно, догадываться не мог.

Вторая встреча с великим магрибинцем произошла много лет спустя в Каире, где я работал корреспондентом «Комсомольской правды». Однажды по делам службы мне надо было заехать к моему коллеге, корреспонденту газеты «Труд», который жил в каирском районе Гиза, что находится неподалеку от пирамид. Я и до этого был частым гостем в корпункте «Труда», но лишь в тот памятный день впервые обратил внимание на прибитую к стене дома голубую табличку с надписью «Улица Ибн Баттуты».

Через несколько дней мой египетский приятель, известный филолог, принес мне ветхий, зачитанный до дыр томик Ибн Баттуты.

Второе знакомство не в пример первому оказалось длительным и серьезным. Вместе с Ибн Баттутой я отправился в увлекательное путешествие по миру XIV века, и чем ближе я знакомился с жизнью этого удивительного человека, тем острее чувствовал обиду за то, что в отличие от многих, чей вклад в познание планеты значительно скромнее, его имя практически неизвестно широкому читателю. Эта историческая несправедливость имеет свои причины. В науке долгое время господствовал европоцентризм, и на восточные народы многие ученые смотрели свысока, а кое-кто даже позволял себе оскорбительные умствования об их отсталости и даже… неполноценности. За этой позицией скрывалась не наивность и не научная близорукость, а безнравственное по своей сути стремление доказать, что одни народы лучше и талантливее других.

Сегодня европоцентристские рассуждения мало кто принимает всерьез. С каждым днем мы все больше узнаем о народах Востока, которые еще в древние времена и в эпоху средневековья внесли неоценимый вклад в мировую культуру. Имена великих европейцев Джордано Бруно, Галилео Галилея, Николая Коперника навсегда занесены в анналы истории, но разве потускнеют для нас эти имена, если мы будем помнить, что их гениальные гипотезы не родились из пустоты и опирались на не менее блистательные догадки предшественников. Еще древние индусы и вавилоняне считали, что Земля вращается вокруг своей оси, большинство арабских географов представляли себе нашу планету кругом, плавающим в пространстве, а Абу Сайд

Синджари утверждал, что, возможно, Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот, как в его время принято было считать.

Перелистывая страницы средневековых рукописей, пробираясь к смыслу сквозь каллиграфические шалости безымянных переписчиков, я старался представить себе людей, живших и творивших, мучившихся и дерзавших за много веков до нас. Мир был непознан, и это не давало им покоя. Подвергая себя смертельному риску, они срывались с насиженных мест и упрямо шли навстречу неизвестности, шаг за шагом осваивая планету, на которой мы живем.

Времена меняются, но благороднейшая человеческая страсть к познанию вечна и неизбывна. На географической карте, казалось бы, нет уже «белых пятен», но люди хотят знать больше, чем знают, а поэтому поднимаются и идут. Те, кто охвачен высокой болезнью землепроходчества, пешком уходят к Северному полюсу, штурмуют снежные вершины Памира и Тибета, отправляются в кругосветные путешествия на надувных лодках или плотах.

Скептики пожимают плечами, спрашивают: зачем?

Но этот вопрос не имеет смысла, если перенести его в историческую плоскость. Во все времена были люди, которые шли к неведомым горизонтам, познавая мир, а значит, самих себя, как находились, впрочем, и те, кто недоуменно пожимал плечами. Но первые прокладывали дороги, а вторые ходили по ним, ошибочно полагая, что дороги существовали от века.

Ибн Баттута принадлежал к первым.

Спасибо ему за это.

Каир-Москва, 1978-1982

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИБН БАТТУТЫ

1304, 24 февраля - В Танжере родился Ибн Баттута.

1325, 14 июня - Ибн Баттута покидает родной город, отправляясь в паломничество.

1326 - Прибытие каравана в Александрию. Пребывание Ибн Баттуты в мамлюкском Египте. Посещение Иерусалима. Путешествие по Сирии. Первое знакомство со священными городами Аравии - Меккой и Мединой.

1327 - Ибн Баттута путешествует по городам Ирака.

1328-1330 - Ибн Баттута живет в Мекке.

1330-1331 - Посещение Йемена, Адена, портовых городов Восточноафриканского побережья.

1332-1333 - Путешествие по Малой Азии.

1334, 6 мая - Ибя Баттута прибывает в ставку правителя Золотой Орды Узбек-хана.

1334, лето - Посещение Константинополя.

1334, декабрь - Ибн Баттута покидает Сарай с торговым караваном, следующим в Хорезм.

1335 - Путешественник прибывает в Дели, ко двору султана Мухаммеда Туглака.

1335-1342 - Эти годы Ибн Баттута проводит в Дели, где состоит на службе у султана.

1342, 22 июля - Отъезд из Дели в Китай в качестве посла султана Мухаммеда.

1343-1346 - Пребывание Ибн Баттуты на Мальдивских островах.

1346 - Посещение Цейлона, восхождение на Адамов пик.

1346 - Путешествие в Бенгалию, предгорья Тибета, Китай.

1347 - Ибн Баттута морским путем через Суматру, Каулем и Каликут добирается до Дофара.

1349, ноябрь - Путешественник возвращается на родину после многолетних странствий и появляется в столице государства Меринидов Фесе.

1350-1351 - Ибн Баттута отправляется с дипломатической миссией в Гранаду.

1352, 18 февраля - Ибн Баттута покидает Фес, направляясь в глубь Западной Африки.

1354 - Возвращение в Фес.

1355, декабрь - Мухаммед ибн Джузай завершает литературную обработку продиктованных Ибн Баттутой воспоминаний.

1377 - Дата смерти Ибн Баттуты.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ибн Баттута. Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий. Каир, 1964 (на араб. яз.).

Ашур Сайд Абдель Фаттах. Египетское общество в эпоху мамлюкских султанов. Каир, 1972 (на араб. яз.).

Хубсак Шакир. Ибн Баттута и его путешествия. Нед-жеф, 1971 (на араб. яз.).

Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe accompagne d'une traduction par C. Defremery et le Baron R. Sanguinetti. I-II, (Paris, 1857-1858).

Extraits tires de «Voyages d'Ibn Battuta». Traduction annotee: R-Mauny, V. Monteil, A. Djenidi, S. Robert (Dakar, 1966).

The Travels of Ibn Battuta, ed. by Sir H. A. R. Qibb, published cir the Hakluyt Society by Cambrige University Press, vol. I-II, 1958, 1962, 1971.

A Comprehensive History of India, vol. 5, The Delhi Sultanate. A. D. 1206-1526 Delhi - Ahmedabad - Bombay, 1970.

Hitti Philip. Capital Cities of Arab Islam, New York, 1973.

Hrbek Ivan. The Chronology of Ibn Battuta's travels. «Archiv Orientalny», 30/3, 1962, Praha.

Lane E. W. Arabian Society in the Middle Ages. London - Dublin, 1971-

Nafis, Ahmad. Muslim Contribution to Geography, Lahore, Pakistan, 1972.

Африка: Встречи цивилизаций/Под ред. В.Б. Мириманова. М., 1970.

Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV- XVI вв. М., 1968.

Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959.

Гордлевский Вл. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948.

Жюльен Ш. Андре. История Северной Африки. Т. 2. М., 1961.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М., 1966.

Ибрагимов Н. Путешествие Ибн Баттуты (переводы и публикации).

Сб. Вопросы восточного литературоведения и текстологии. М., 1975.

Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм Рубрук. Путешествие в восточные страуы/Введ., пер. и примеч. А.И. Малеина. Спб., 1911.

Крачковский И.Ю. Избр. соч., т. 4. М,-Л., 1957.

Мец А. Мусульманский Ренессапс. М., 1973.

Милославский Г. Ибн Баттута. М., 1974.

Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. М.-Л., 1933.

Петрушевский И.И. Ислам в Иране в VII-XV вв. Л., 1966.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1., Спб, 1884.

Хенниг Рихард. Неведомые земли Т. I-III. М., 1962.

Шумовский Т.А. Арабы и море. М., 1964.

Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ВОСТОЧНЫХ РЕАЛИЙ

Аба (абая) - длинное шелковое покрывало, плащ.

Агаряне - прозвище арабских племен, родоначальницей которых согласно легенде была Агарь, наложница библейекого патриарха Авраама.

Азан - призыв к молитве у мусульман.

Айван - крытая галерея.

Вади - русло высохшей реки в пустыне. Василеве - византийский император.

Газель - жанр любовной лирики в арабской поэзии.

Далляк - банщик.

Джалба - вид судна.

Джубба - стеганая длинная верхняя одежда.

Джумадауля - 5-й месяц мусульманского лунного календаря.

Динар - золотая монета, широко распространенная в странах мусульманского мира.

Дирхем - мелкая серебряная монета.

Дуги - царский переводчик, человек, принадлежащий к специальной касте, выполнявшей в средневековом Мали функции певцов, герольдов, скоморохов и т.п.

Завия - дервишекая обитель.

Зуль-каада - 11-й месяц мусульманского лунного календаря.

Зуль - хиджжа - 12-й месяц мусульманского лунного календаря.

Зурна - духовой музыкальный инструмент.

Иджаза - письменное свидетельство суфийских шейхов и мусульманских богословов, удостоверявшее, что ученик постиг все ведомое наставнику.

Изар - кусок ткани, который либо оборачивали вокруг тела от пояса до коленей, либо носили как плащ или покрывало.

Имам - религиозный глава мусульманской общины.

Ихрам - традиционное одеяние паломников, состоящее из двух кусков белой хлопчатобумажной ворсистой ткани с неподрубленными краями.

Кади - мусульманский судья.

Калам - тростниковое перо.

Калансува - головной убор.

Касба - укрепленная часть мусульманского города,

Киссария - рынок привозных товаров.

Маристан - больница.

Маулид (мулид) - мусульманский праздник, связанный с днем рождения пророка или кого-либо из святых.

Меджлис - собрание, прием для членов придворного кружка или суфийской секты.

Медресе - духовная школа.

Мискаль - мера веса, равная 24 каратам, ргли 4,48 г.

Муэдзин - служитель мечети, исполняющий с минарета сзан, или призыв к молитве.

Мухтасиб - рыночный инспектор.

Нойон - монгольский феодал.

Пахлава - сладкое слоеное печенье с медом.

Раджаб - 7-й месяц мусульманского лунного календаря,

Рамадан - 9-й месяц мусульманского лунного календаря. Месяц традиционного поста.

Ратль (ритль) - мера веса, равная 449,28 г.

Рибаба - род лютни.

Санбук (самбука) - вид судна.

Сейид - почетный титул потомков пророка Мухаммеда.

Сук - рынок.

Тафсир - наука, занимающаяся истолкованием Корана.

Тайласан - конец чалмы, выпущенный на плечо и закрывающий часть затылка.

Улем - ученый, мусульманский богослов.

Фарсах - мера длины, равная примерно 6 км»

Фельс - мелкая разменная монета.

Фондук - постоялый двор, гостиница.

Хадж - паломничество к священным городам Аравии.

Хаджи - паломник, верующий, совершивший паломничество.

Хан - каравай-сарай, постоялый двор.

Ханака - дервишская обитель, странноприимный дом.

Хатиб - проповедник.

Хутба - пятничная молитва, в которой зачитывается благопожелание во здравие царствующего властителя.

Шаввaль - 10-й месяц мусульманского лунного календаря.

Шариат - мусульманское законодательство.

Шайтан - сатана, дьявол.

Шибр - мера длины, равная 22,5 см.

Эмир - военачальник.

Эмир-хаджи - старейшина каравана паломников.

* Все арабоязычные слова объяснены в специальном словаре, прилагаемом в конце книги

* В последующие века движение тайных убийц постепенно сошло на нет, но сама секта исмаилитов низаритского толка

существует по сегодняшний день. Небольшие очаги сохранились в Сирии, Омане, в горном районе Махаллат в Иране, а также на севере Афганистана. Штаб-квартира исмаилитов находится в Индии, близ Бомбея, где обосновался наследственный глава секты, получивший титул Ага-хан. Первый Ага-хан перебрался в Индию из Ирана в 1838 году. Нынешний — землевладелец-миллионер, выпускник Оксфордского университета. На его банковский счет ежегодно ложатся солидные суммы, поступающие от различных общин в виде традиционной десятины, которая взимается с членов секты. (Авт.)

* Зейтуном арабы называли город Цюаньчжоу» Слово «зейтун» по-арабскн означает «оливки»